

**С. А.
Семен Резник**

РАСТАЛЕНИЕ НЕ НАВИСТЬЮ

КРОВАВЫЙ НАВЕТ В РОССИИ

**ДААТ/Знание
Москва—Иерусалим 2001**

Семен Резник

РАСТЛЕНИЕ НЕНАВИСТЬЮ

Кровавый навет в России
Историко-документальные очерки
о прошлом и настоящем

ДАТ/ЗНАНИЕ
Москва — Иерусалим
2001

ББК 84

Гл. редактор изд-ва ДААТ **И. Бегун**

Ответственный секретарь редакции **А. Юдина**

Корректор **Л. Андреева**

Компьютерная верстка **А. Яшин**

Семен Резник

Растление ненавистью. Кровавый навет в России.

Историко-документальные очерки о прошлом и настоящем.

ДААТ/Знание, Москва – Иерусалим, 2001

Словосочетание «кровавый навет» обычно вызывает представление о давно изжитых средневековых предрассудках. К сожалению, оно не совсем верное, мифы о кровавом навете живы сегодня, они гнездятся не только в темном обывательском сознании, но и активно культивируются идеологами, претендующими на роль духовных лидеров общества. Автор показывает, что кровавый навет – это орудие политической борьбы, широко используемое красно-коричневыми «патриотами» в борьбе за власть.

ISBN 5-86993-013-8

© Семен Резник

© ДААТ/Знание

© Оформление А. Яшин

Крапленый козырь кровавого навета

(О книге Семена Резника и вокруг нее)

Ни водружение андроповского барельефа на мрачный фасад массивного здания на Любянке, ни возвращение нового старого гимна с музыкой Александрова, которая, взамен прежних партийных, интернациональных и атеистических, слов в считанные дни обросла приличествующими «демократическими», «патриотическими» и «богонравными» словами все и о же вездесуще-неутомимого Михалкова-старшего, — ничто не примиряет российского президента с национал-большевистской оппозицией, не оберегает его от бдительных подозрений в нечистокровности. Однажды до того дошло, что и жиденком публично обозвали. Еще бы! Похвально, что встретился с лидерами самозванного Народно-патриотического фронта Александром Прохановым и Валентином Чикиным — главными редакторами фашиствующих газет «Завтра» и «Советская Россия». Куда ни шло — встреча с Александром Солженицыным, чьи проекты обустройства России — нож к горлу патриотам национал-большевистского толка. Но с Геннадием Хазановым — это уже ни в какие ворота не лезет. Тем паче присутствие на открытии Еврейского общественного центра в Марьиной Роще — чем не вызов патриотической публике? «На этом торжестве я не могу себе представить не только Сталина, но даже Кагановича. Молодец, Путин! Истинный первопроходец и новатор в политике», — куражится любимый автор прохановской «Завтра» (2000, октябрь, № 41) В. Бушин, не без саморекламы стяжавший себе славу погромщика скандальными пасквилями на писателей, ученых, общественных деятелей, политиков: Григория Бакланова, Булата Окуджаву, Льва Копелева, академиков А.Н. Яковлева, Д.С. Лихачева, многих других.

Проходит всего неделя, и очередной номер той же газеты (2000, октябрь, № 42) открывается передовицей главного редактора, которую он вызывающе озаглавил «Арафат — вождь палестинцев и русских», пропев осанну «великому палестинцу»: «последний народный вождь уходящего века... умен, неутомим, неподкупен... Все нынешние лидеры мировых держав никогда не станут вождями. Они клерки... Если Путин перестанет метаться между контрабасом Райкина и губной гармошкой Хазанова, если даст спокойно осесть могиле Собчака, у него появится время изучить биографию и судьбу палестинца Ясира Арафата, который идет с оливковой веткой и автоматом Калашнико-

ва (чудо что за симбиоз! – **В.О.**) в историческое бессмертие».

Тут же пророчества будущего, какое русский патриот хотел бы уготовить ненавистному Израилю: на этом испепеленном месте «рабы посадят много смоковниц и ливанских кедров. Устроят национальный парк, в котором будет жить большой красивый попугай, говорящий на иврите. А печальные евреи в черных шляпах, с длинными до земли бакенбардами понесут потертые портфели со скрижалями в другое место земли. Хоть в Биробиджан. Там, за Амуром, Китай устроит китайскую антифаду...» (Так в тексте. Скорее всего автор хотел сказать «интифаду».)

Будем и дальше судить-рядить об антисемитизме, гадать да спорить: есть он или нет в современной России? И какой он природы – только ли бытовой, или одновременно и государственный?

Вдумаемся в цифру, приведенную А.Н. Яковлевым в его недавней книге «Омут памяти», сопроводив, однако, авторский комментарий к ней беглыми, но необходимыми уточнениями (все ремарки в скобках мои. – **В.О.**): «Волна антисемитизма, поднятая Сталиным после войны (как, впрочем, и до войны тоже!), не прошла для страны бесследно. С началом перестройки в 1985 году с государственным антисемитизмом было покончено (ой ли? Разве не с государственной трибуны выступает юдофобствующий генерал Макашов, от чьих антисемитских деклараций не посчитали нужным отмежеваться ни его родная КПРФ, ни Дума в целом?). Однако реальная политическая и гражданская свобода не только открыла простор лучшим качествам людей, но и выявила все то грязное и подлое, что десятилетиями через террор, через официальное поощрение доноительства, через лживую пропаганду поощрили и культивировали большевизм и его вожаки.

Сегодня в стране существует более 150 фашистских и антисемитских газет. Действуют многочисленные организации подобного же рода, которым открыта дорога на выборах как в законодательные, так и в исполнительные органы (вот нам и антисемитизм государственный в его чистом, что называется, виде!) Многие выходы антисемитов, демонстрирующих обществу свои погромные взгляды, открыто использующих лексику и атрибуты фашизма, остаются безнаказанными!»¹

В самом деле, никто, никогда на административном Олимпе даже не пытался не то чтобы призвать к ответственности за демонстративную пропаганду антисемитизма кубанского «батьку Кондрата», но хотя бы малость укротить его, побудив прислушаться к тем нравственным оценкам, какие, увы, впустую давала его манифестальным речам демократическая печать. Вот и сейчас, оставляя в Краснодаре свой губернаторский трон, он не преминул на прощание снова заявить принародно о своей одержимой готовности «сражаться за Россию против набирающего силу сионизма» («Советская Россия», 2000,

¹ Александр Яковлев. Омут памяти. М., «Вагриус», 2000, стр. 430.

31 октября). Воинственный клич к борьбе не на жизнь, а на смерть не истаял на кубанских просторах, а тут же гулким эхом отозвался в Курске, где только что избранный губернатор Михайлов начал свою деятельность с той же антисемитской истерии. Не многовато ли таких «батек» в нынешней России?..

Не уверен, что новая книга историко-документальных очерков Семена Резника «Растление ненавистью. Кровавый навет в России» дойдет до них. Но твердо убежден: если бы вдруг дошла, все равно не в коня корм. Как справедливо полагает Уолтер Лакер, ссылаясь на научно-обоснованные выводы ученых-психологов, масонофобия, распаленная одержимостью идеей мирового еврейского заговора, и прочие постыдные проявления антисемитизма как на государственном, так и на бытовом уровнях – «род идеологического сумасшествия, для которого характерны разнообразные страхи и крайняя подозрительность, свойственные делирию или, может быть, паранойе, однако оказание помощи здесь невозможно – это за пределами возможностей медицины. Психический тип, тяготеющий к подобным умственным дефектам, всегда существовал и, вероятно, никогда не исчезнет. Нетрудно высмеять фантазии апологетов жидомасонского заговора, но они люди веры, рациональные дискуссии с ними бессмысленны: они не воспринимают критического анализа и возражений. Среди интеллигентных людей мало кто воспринимает эти теории, но ведь они в конечном счете для интеллигенции и не предназначены»².

Последний тезис нуждается в корректировке или хотя бы в оговорке: интеллигенция, как и народ, тоже не одним миром мазаны. Так, оба губернатора – и бывший Кондратенко, и нынешний Михайлов – охотно солидаризировались бы с антисемитским настроением иных писателей, чья социальная прописка в интеллигенции отнюдь не означает духовной принадлежности к ней. Намеревался же бойкий стихотворец В. Сорокин запретить писать по-русски башкирам, грузинам, евреям, поскольку мелодию языка способен передать лишь исконно русский поэт, а – читай! – не Пастернак или Мандельштам, Галич или Высоцкий («Наш современник», 1988, № 8). Как ни прискорбно сознавать это, но недалеко от бойкого стихотворца ушел ценимый за талант прозаик Валентин Распутин: «Их хотя бы на время следовало куда-нибудь (в гетто, что ли? – **В. О.**) спрятать, не дразнить ими народ!.. Нет, безвылазно торчат на экранах, дают советы, сыплют соль на раны. Куда подевалась хваленая осторожность и предусмотрительность евреев, их рассудительность и расчетливость?» Он же: «Антисемитизм есть, но как ответ на определенные грубые действия, как защитная реакция, как затаенное и выжидающее на-

² Уолтер Лакер. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. Прогноз американского историка и политолога: что ждет Россию завтра? М., «Текст», 1994, стр. 85.

строение» («Советская Россия», 1999, 5 января). Как говаривал Ленин, «ценные признания...»

Тоже литератор, хотя из «около» – третье-, если не десятиразрядных кругов: «...Единственно возможный путь к национальному спасению лежит через лишения, которые мы добровольно обязаны на себя принять... мы полностью изолируем себя от смердящего и разлагающегося мира, отгородившись от него железным занавесом. Затем мы возьмем в заложники всех олигархов и заставим их вернуть из-за границы наши деньги. На них мы запустим свою, опирающуюся на собственные ресурсы модель мобилизационной экономики и одновременно примем закон, *предусматривающий смертную казнь за малейшее русофобское высказывание* (курсив мой. – В. О.). Мы сами напишем для себя книги, сочиним песни и снимем фильмы, которые сочтем полезными для общего дела. Наш быт станет более суровым, но зато у нас будет рождаться все больше здоровых детей, которым мы сможем смело доверить державу» («Завтра», 2000, октябрь, № 2). Мелочатся наши законники: стреляли бы сразу, на месте, в упор! Куда как патриотично для «людей завтрашнего дня», как пиететно величает национал-патриотов «Советская Россия» (2000, 14 декабря), поздравляя их с десятилетием «отважной, дерзкой, мудрой» газеты «День» – «Завтра»...

Книга Семена Резника не для таких фанатов. Но она из тех незаурядных художественных явлений, которые разят их самим фактом своего литературного бытия и не просто противостоят юдофобству, антисемитским кликушесствам, а действительно обнажают их антигуманную сущность, замшелую бездуховность, политическую спекулятивность, возвышая тем самым честь и достоинство интеллигенции, нравственный авторитет писателя, чей совестливый голос не мирится с ложью. Последовательно выдержанная не в сюжетно-повествовательном стиле, как это было в исторических романах автора «Хаим-да-Марья» (о Велижском деле времен Николая I) и «Кровавая карусель» (о еврейском погроме 1903 года в Кишиневе), а в раскаленном документально-публицистическом ключе, мастерски опробованном в книгах «Красное и коричневое», «Нацификация России», она сродни разомкнутым вглубь и вширь историческим исследованиям и философскому осмыслению социальных корней и вековой эволюции антисемитизма, его разрушительной роли в самодержавном российском и имперском советском прошлом, новых стимулов, какие давало ему «отечество наше свободное, дружбы народов надежный оплот» и продолжает давать посттоталитарная, но не дебольшевизирующая современность. В конечном счете, это книга уроков истории, которых не извлекает и на которых не учится лишь тот, кто не хочет извлекать и учиться.

Они, эти непреходящие уроки, многослойны и многозначны, ибо вбирают в себя социальные трагедии и психологические драмы, высокие взлеты человеческого благородства и крутые падения в трясины подлости, духоподъемную правду, замалчиваемую и подавляемую, и низкопробную ложь, триумфально тиражируемую проторенным путем дутых сенсаций, циничных фальсификаций, грязных подлогов. В тугом сплетении таких разнородных начал раскрывает Семен Резник мифотворческие перипетии кровавого навета – средневековых обвинений евреев в ритуальных убийствах, какие проникли в общественное сознание цивилизованного XX века и даже претендуют на то, чтобы быть унаследованными XXI столетием. Поистине роковой вопрос, достойный переозвучивания: от какого наследства мы отказываемся?

Нет, не спешат и не хотят отказываться такие персонажи книги, как математик И. Шафаревич³, автор манифестального антисемитского трактата «Русофобия», или неустанный ратоборец «с ветряными мельницами мирового еврейского сатанизма» О. Платонов – «масоновед», громогласно титулующий себя, любимого, историком и писателем в одном лице и год за годом выдающий тысячестраничные фолианты под кликушеским заголовком «Терновый венец России». Уместно рассказать к случаю: после обнародования О. Платоновым Исторического словаря российских масонов XVIII – XX веков (М., «Арина», 1996), куда включен также поименный от «А» (Белла Ахмадулина) до «Я» (А.Н. Яковлев) – проскрипционный список современных масонов, которые названы в предисловии членами тайной, заговорщицкой, преступной организации, несколько писателей, включая автора настоящей статьи, обратились в суд с групповым иском о защите чести и достоинства. Дело растянулось на четыре года и, прежде чем стать окончательно потопленным, не продвинулось ни на шаг: подковверными стараниями О. Платонова и его адвокатов судебные заседания бесконечно переносились или срывались из-за неявки ответчика. За эти годы ушли из жизни подписавшие коллективный писательский иск Булат Окуджава и Лев Разгон, а судейский воз и ныне там. Где именно «там» – неизвестно: на настоящее время так и не рассмотренное дело непостижимым образом «затерялось». Чем не наглядная иллюстрация «морального одича-

³ Интересно сопоставить, — замечает о нем Уолтер Лакер, — как по-разному обходились (в советские годы. — В.О.) с академическими учеными Сахаровым и Шафаревичем. Шафаревич написал радикально-критическую работу о социализме, которую, как и другие его эссе подобного рода, опубликовали в Париже в 1970-е годы. Он подписывал различные обращения диссидентов. И тем не менее его оставили в покое, а Сахарова, который исповедовал в то время идеи западной социал-демократии, не отвергавшей социализма *per se* (лат.: как таковой, в чистом виде. — Ред.), многие годы безжалостно преследовали. Сахаров хотел для России свободы; Шафаревич стоял за великую и сильную Россию. Второго можно было использовать; первый неприемлем» (Уолтер Лакер. Черная сотня. стр. 110). Что и говорить: действительно интересное наблюдение...

ния», от которого предостерегал русское общество Владимир Соловьев, удрученно наблюдая нагнетание в нем антисемитизма. Иллюстрация, впрочем, не самая броская. Случаются и поколоритней. Например, печатные рассуждения о Холокосте, которого попросту не было: шесть миллионов евреев не уничтожены гитлеровцами, а всего-навсего умерли от эпидемий, распространенных в войну. До того, почему и грипп был таким дивным образом расово избирателен, российские заступники гитлеризма не докапываются.

Или новейшие изыскания «Советской России» (2000, 16 ноября), опровержимо установившей, что эсеровский боевик Евно Азеф, работавший на царскую охранку и выдававший ей своих бомбистов, действовал не как искусный провокатор с двойным дном в душе, а исполнял тайный наказ законспирированных сионистов – уничтожал политически активную часть русского населения независимо от того, кого именно коварно обрекал на роль своих жертв: чиновных столпов или революционеров-экстремистов.

Или миф о ритуальном убийстве Николая II и его семьи, снова воспрямивший при поисках и погребении царских останков. Отводя эту нелепую версию, прокурор-криминалист из Генеральной прокуратуры вынужден был официально констатировать: мотивы решения о расстреле в Ипатьевском доме «носили политический характер и никак не были связаны с какими-либо религиозными тайными культами. Среди большевиков, принимавших такое решение, лица еврейского происхождения находились в меньшинстве: из пяти членов президиума Уралсовета один еврей, из шести членов коллегии Уральской областной чрезвычайной комиссии два еврея!... Среди них не было ни одного человека, активно участвовавшего до и после революции в каких-либо религиозных организациях. Можно с уверенностью сказать, что все участники решения о расстреле царской семьи, в том числе и в Кремле, как и исполнители приговора, были людьми нерелигиозными. Принятие решения о расстреле царской семьи не было связано с какими-либо религиозными или мистическими мотивами». Нет нужды обосновывать: и без мистики кровавого навета преступление остается преступлением, которого цитируемый документ ни в малой мере не амнистирует. В контексте же книги Семена Резника он примечате-

⁴ Помимо всего, приведенное соотношение может выступать и одним из многих доводов, отмечающих расхожее внушение о преобладании евреев и их руководящей, решающей роли в октябрьском перевороте 1917 года. «В этой авантюре, – считает Ален Безансон, – евреи сыграли важную, но не главную роль. В 1917 году большинство российских евреев не пошли за большевиками (курсив мой. – В.О.). Они были такими же жертвами большевиков, как и все прочие. Те же, кто был в партии, долго занимали в ней первостепенные места, но по мере того, как расширялся антисемитизм, все больше отодвигались на второй план» (Ален Безансон. Бедствие века. Коммунизм, царизм, нацизм и уникальность Катастрофы. Москва – Париж, МИК – «Русская мысль», 2000, стр.75).

лен не просто как убедительное опровержение мистики. Убедительность убедительностью, но причины, вызвавшие надобность в такого рода официальных опровержениях, позорны.

Обращаясь по ходу своих раздумий к наследию В.В. Розанова, и в частности к его книге о «деле Бейлиса» «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», Семен Резник аттестует его как писателя с «незаурядным литературным талантом и абсолютной нравственной глухотой». Последнее – точный анализ, приложимый и к некоторым нашим современникам. Таким, как бывший известный спортсмен и нынешний политик национал-патриотического толка Ю. Власов, принесший «миру благою весть о «ритуальном убийстве» самой России евреями». Или названный выше А. Проханов, «один из ведущих идеологов красно-коричневого альянса», под разнузданным пером которого Клинтон бомбил Ирак и Югославию, и не иначе как «ритуально». Прохановское слово, «и художественное, и публицистическое, всегда сочно, образно, напористо и остро», – цитирует Семен Резник библиографический словарь «Русские писатели XX века» (М., «Просвещение», 1998), настезь распахнутый, по заключению Д.С. Лихачева, «проникновению самых низких воззрений в науку». И замечает иронически: «С этим трудно не согласиться. Чего нет в художественном и публицистическом творчестве Проханова, так это здравого смысла, терпимости и хотя бы малейшего стремления к правде». В правомерности такого вывода убеждают, наверное, и приведенные в начале этой статьи проарабские и антиизраильские выпады махрового ястреба, в которого вырос сладкопевный, по давнему определению времен развитого социализма, «соловей Генерального штаба».

Своего рода микроисследование, блистательно осуществленное Семеном Резником, – раскопанная и воссозданная история фальшивки, которой явилась «Записка о ритуальных убийствах». Составленная тайным советником В.В.Скрипициным, ретиво выполнявшим наказ Николая I, она была шулерски приписана Владимиру Далю и провокационно переиздана под его именем в канун процесса по делу Бейлиса. Один из множества подлогов, которые, комментирует Семен Резник, такое же «главное оружие ритуалистов», как бульжник – пролетариата.

Едва ли не самый увесистый подлог – бульжник, каким остервенелые фанатики кровавого навета и по сей день страшат свою легковерную паству, – пресловутые «Протоколы сионских мудрецов». Не впервые Семену Резнику доводится писать об этой крупномасштабной полицейской провокации и наверняка придется еще не раз возвращаться к ней: «ритуалистов», которые с минимальным упорством объявляют Протоколы... доподлинным документом «жидо-масонского заговора», удостоверяющим человеконенавистнические притязания

ния евреев на мировое господство, не убывает и в конце века. Это и сочинители подметных антисемитских прокламаций, и авторы «патриотических» статей в периодике национал-большевистского направления, и лжеученые вроде упомянутого выше О. Платонова, чье многотиражное многоточие издается в роскошных, под «краснокожую паспортину», переплетках.

Своего рода ответ им, соотносимый с публицистикой Семена Резника, содержит недавний роман Игоря Минутко «Заговор тайных вождей» (М., «Армада», 1998). Одна из сквозных его сюжетных линий – история сфабрикования «Протоколов сионских мудрецов» в глубоко законспирированных недрах Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи. И хотя она вплетена в лихо закрученную спираль «исторического триллера» – так рекламирует издательство книги серию, в которой вышел роман, – излагается в ключе «крутого» детектива с убийством, адюльтерными и оккультными сценами, фабульное ее движение опирается на документальную первооснову действительных фактов и событий, воссоздающих обстоятельства сочинения, издания и распространения фальшивки. Ее вдохновители и исполнители, начиная с первого заговорщика, П. И. Рачковского, парижского руководителя заграничной агенты Департамента полиции, имеют реальных прототипов и в большинстве случаев действуют под собственными именами.

Как ни различны по своей художественной природе аналитическая публицистика Семена Резника и романиста Игоря Минутко, они сопредельны в плане принципиального отторжения современной литературой антисемитских поветрий. Отсюда и точка соприкосновения столь разножанровых литературных явлений, созвучных общим гуманистическим пафосом, побуждающим автора «исторического триллера» к оценкам и выводам, близким историческому исследованию Семена Резника. Действительно, рассуждает он, переключаясь с детектива на публицистику, в Протоколах... «изображен, разработан, указан путь к мировому тоталитарному... диктаторскому господству», но только не мифических «сионских мудрецов», а идеологов человеконенавистнического насилия, чью преступную практику наш XX век испытал «на себе дважды: в Советском Союзе при большевиках и в Германии при Гитлере. Какую цену заплатило мировое сообщество – прежде всего самым бесценным – миллионами жизней людей всех национальностей – при искоренении коммунизма в Советском Союзе и фашизма в Германии и поработенных ею странах – тоже общеизвестно, но при чем тут «жидомасонский заговор»?..»

Еще один важный и неизбывный острый мотив книги Семена Резника – юдофобия представителей Русской православной церкви как ее неофициальное, но достаточно сильное течение. Его выражает не

один диакон Андрей Кураев, призывавший в «Правде» (!) всех верующих голосовать на президентских выборах 1996 года за... коммуниста Геннадия Зюганова. В буйном антисемитском режиме он назвал «женский день» – 8 Марта – еврейской затеей Клары Цеткин.

Знать бы Павлу Флоренскому, как более полувека спустя после его гибели черносотенски аукнутся юдофобские мотивы, которые он внес в свою религиозную философию! Может, и воздержался бы от рассуждений о пошлости, какую евреи норовят навязать русским взамен их нравственности. Не воздержался. И, как цитирует Семен Резник, согласился на публикацию этих непристойных рассуждений в книге В. Розанова. Их совместные «поистине апокалиптические картины гибели всего мира, пожираемого ненасытной сворой еврейства», обернулись для Павла Флоренского жестокой насмешкой судьбы: не злонамеренные евреи, а единокровные русские палачески оборвали в сталинском Гулаге жизнь ученого и мыслителя.

Само собой разумеется, и антисемитский настрой Павла Флоренского, и юдофобское безумие Андрея Кураева не отвечают миротворческому духу православия. «Вместо того чтобы христианство становилось религией любви и единения, путем добра, снисхождения, путем привлечения людей к истине, оно становится религией вражды и разделения. И не только отделения христиан от иудеев, но и христиан друг от друга», – печалится протоиерей Александр Борисов, настоятель московского Храма свв. бесср. Космы и Дамиана. И, относя антисемитизм к вековым предрассудкам, наставляет понять, что отношение русских к евреям – «это не просто вопрос вкусов, симпатий, антипатий, а вопрос судьбы нашего собственного народа. Вот Германия, которая начала свою новейшую историю при Гитлере с антисемитизма, закончила бесславным поражением. Польша из-за антисемитских настроений имела тяжелые последствия для самих поляков... Так что мы должны понимать, что человек, который восстает на народ израильский, восстает на Бога»⁵.

Из лона православной церкви вышел такой – не побоимся громкого слова – великий деятель нашего века, как Александр Мень, чей благородный образ Семен Резник воссоздает убежденно и убедительно. Но в том и состоит драматизм ситуации, что мудрым, праведным голосам Александра Меня, павшего жертвой политического убийства, и Александра Борисова, его друга и ученика, приходится пробиваться через заслоны, какие возводят их антагонисты типа покойного митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) или здравствующего диакона Кураева.

Какой накал и какой размах приобретает их яростное противодей-

⁵ Священник Александр Борисов. – Проповеди «Любишь ли ты Меня?» М., 2000, стр. 26, 27.

стве, ярко свидетельствует сборник статей «Война по законам подлости», вышедший в издательстве «Православная инициатива» и продававшийся в минском магазине «Православная книга». На нем стоит остановиться, коль скоро он обращен к тем же, по существу, темам, что и публицистика Семена Резника, но освещает их с позиций диаметрально противоположных.

«У Беларуси есть сейчас два пути выбора: либо в кабалу того же Запада, либо к жидо-масонам, оккупировавшим Россию. И есть третий путь – оставаясь островком свободы, стать центром собирания славянских народов для отпора силам зла...» Это из предисловия к сборнику, призванному просветить духовно и возбудить патриотически. Среди его напроломных сюжетов – обличение сионистского засилья в современной России, где «ведущие российского телевидения в паре с демократической прессой поносят коммунистов, но отмечают заслуги еврея Троцкого-Бронштейна, еврея (?) Тухачевского, рекламируют фильм о еврее (?) Бухарине. Книжные ларьки, магазины усеяны в «новой России» иудо-масонской литературой, начиная от учебников для учащихся школ и вузов и заканчивая «Мировой историей».

Не обошлось без пророчеств, откровений, сенсаций, равно касающихся как истории, древней и новейшей, так и современности. О «деле Бейлиса», например, как об установленном ритуальном убийстве. Или о так называемом Холокосте, который объявлен сионистской легендой. Или о том, что «белорусы-русины (западнорусы) являются коренным русским населением Белоруссии», а «типичный образ белорусарусина» представляет собой Александр Лукашенко. Вот так, оказывается, одним махом возможно «не только совершить научное открытие, создав новый субэтнос, но и изящно канонизировать пока живого президента, упомянув его рядышком со святыми земли белорусской», – недоумевает «Белорусская деловая газета» (2000, 26 января).

Статья в ней называется «Обыкновенный фашизм». И не иначе как агрессивным проявлением современного фашизма относит газета вопиющие факты многократных осквернений памятников жертвам гитлеровского геноцида в Бресте, Гродно и Минске, вандализма на кладбищах, попытки поджечь синагогу в пасхальную ночь. Поскольку разнуданные антисемитские действия не вызывают «никакой официальной реакции властей», белорусским евреям «остается лишь думать, что государство заодно с теми, кто оскверняет кладбища и рисует звезду Давида рядом со свастикой». В противном случае оно бы сумело оградить общество от подобных вакханалий. Но, обладая всеми необходимыми конституционными возможностями, «государство этого не делает, что дает основания сегодня говорить об антисемитизме не как о бытовом зле, а как о социальном явлении». Помимо всего ему потворствует и усилившийся приток «великодержавных шовинистических тенденций из России», куда, кстати заметить, сплавлена значитель-

ная часть тиража бестселлера, изданного на «островке свободы».

Белорусский Госкомитет по печати направил книгу в Прокуратуру республики с просьбой рассмотреть ее содержание и дать ему юридическую оценку с точки зрения «разжигания национальной розни». Дальнейшие события развивались привычным до оскомины чередом по не однажды хоженному кругу: Фемида защитила антисемитов. Районный суд белорусской столицы рассмотрел иск Союза еврейских общественных объединений и общин, Общественного объединения евреев-ветеранов и инвалидов войны к ЗАО «Православная инициатива», Минской фабрике цветной печати, магазину «Православная инициатива», составителям сборника «Война по законам подлости». И вынес определение: книга содержит сведения научного характера, по которым среди ученых ведутся дискуссии, и потому «в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК Республики Беларусь, ввиду его неподведомственности суду, дело решено прекратить».

Решение суда опиралось, в частности, на отзыв о книге, какой дал из Москвы профессор Литературного института, литературовед и критик Михаил Лобанов, давний, испытанный ратоборец за русскую чистопородность. «Для книги «Война по законам подлости», – внушал он служащим белорусской Фемиды, – характерны такие ее особенности, как историческая познавательность и животрепещущая актуальность. Историзм прежде всего проявляется в развитии «Русской идеи», православно-славянской идеологии... В книге собран богатейший материал, показывающий разгул мирового зла в самых разных его проявлениях, под эгидой так называемого мирового правительства. Злободневность книги – в разоблачении современной демократии как синонима талмудистского расизма, как воплощения лжи и обмана народных масс, жесточайшего насилия – при циничном лозунге «прав человека» – над личностью, не принимающей «мирового порядка» той самой «демократии» – «пятой колонны», которая изнутри подготовила разгром Советского Союза, а ныне своими реформами стремится добить Россию, сея повсюду разрушение, голод, смерть. И можно только преклоняться перед Белоруссией, ее патриотическими силами, что там, как в годы Отечественной войны, ...эта человеконенавистническая «демократия» не прошла, более того, встретила поистине героическое сопротивление, о чем и свидетельствует выход в свет книги – «Война по законам подлости».

Отдадим должное и белорусским издателям антисемитской поделки, и их русскому апологету. В единодушии друг с другом они, сами того не ведая, не просто дополнили книгу Семена Резника свежим фактическим материалом, но более чем внушительно подтвердили ее своевременность.

Вряд ли есть надобность столь же обстоятельно и с такими же развернутыми отступлениями «в сторону» обосновывать значение до-

кументальной повести Семена Резника «Убийство Ющинского и Дело Бейлиса». Написанная задолго до историко-документальных очерков «Кровавый навет в России», она обновлена автором для этой первой встречи с российскими читателями. Не знающее устали перо не просто смывает «белые пятна» русской истории, но источниковедчески, на прочном фактологическом фундаменте наполняет их гулом былых событий, скрупулезно воссоздает лица и голоса людей, втянутых в бурный водоворот эпохи.

Полезно также подчеркнуть, что, распутывая туго скрученные узлы «дела Бейлиса», к которому в нынешней России «снова и снова обращаются красно-коричневые патроны, черпая в нем материал для нового раздувания ритуальных мифов и нагнетания ненависти против евреев», Семен Резник органично связывает провал гнусной полицейской и судейской провокации с высоким взлетом общественного мнения, которое спасало честь и достоинство России, российской интеллигенции. Не забудем: «дело Дрейфуса» (1894) опередило «дело Бейлиса» (1913) почти на 20 лет, но второе превзошло первое таким средневековым мракобесием, которое в сознание соотечественников Золя попросту не укладывалось. Но таковой была чудовищная ирреальность российского бытия, которую отторгали русские гуманисты, «во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия» выступившие с коллективным протестом «против вспышки фанатизма и черной неправды». Легенда о ритуальном убийстве, предостерегали они обезумевшее общество, признана возбудить «самые темные и преступные страсти... ослепить и затуманить толпу и извратить правосудие... Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обогрелась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!» Под гневным протестом подписи именитых и знаменитых людей, представлявших цвет тогдашней России, ее духовную элиту, политическую, научную, художественную мысль, олицетворявших на том рубеже кануна Первой мировой войны беспокойную совесть нации. Не только известные стране и миру писатели В. Короленко, М. Горький, Л. Андреев, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок или ученые В. И. Вернадский, А. Фаминицын, Д. Овсянко-Куликовский, В. Семевский, Л. Петражицкий, И. Бодуэн-де-Куртинэ, Н. Зелинский, но и члены Государственного совета, общественные, политические, земские деятели, лидеры движений и партий, а в их ряду такие авторитеты, как А. Потресов, А. Калмыкова, М. Туган-Барановский, В. Д. Набоков, П. Струве, П. Милюков... Каскад имен под стать масштабам бедствия, прозорливо распознанного мыслящей Россией, от которой всего четыре года спустя предательски отречется Россия большевистская.

Историческая наука советских лет и десятилетий обходила «дело Бейлиса» как и не то чтобы запретную, но явно нежелательную и

потому замалчиваемую тему еврейских погромов: в глубинных раскопках того и другого новая власть, бдительно надзиравшая за учеными, была не заинтересована идиосинкразически. Оно и понятно. Как размышляет А.Н. Яковлев в упоминавшейся уже новой книге, «любая власть лицемерна, но большевистская в этом смысле относится к категории уникальных. На поверхности слова о равенстве наций, о неприемлемости шовинизма, национализма и антисемитизма. На деле же культивировалась политика, не имевшая ничего общего с декларациями. В одном из интервью Сталин называет антисемитизм каннибализмом, однако, как свидетельствует его дочь Аллилуева, он упрямо повторял, что вся история партии большевиков – это история борьбы с евреями.

Конечно же дело не в одном Сталине. И тем более не в озвучившем его заместителе министра Госбезопасности М. Рюмине, который делал себе карьеру высокопоставленной сошки на расстреле Еврейского антифашистского комитета, борьбе с «безродными космополитами», палаческих допросах врачей – «убийц в белых халатах» – и не считал нужным таить, что в послевоенной деятельности его ведомства «начала отчетливо проявляться тенденция рассматривать лиц еврейской национальности потенциальными врагами советского государства»⁶. По существу, так же смотрели на них и в довоенную пору Большого террора и продолжали смотреть в ЦК и КГБ застойных времен Брежнева – Андропова. Одни ответственные функционеры «считали, что эффективность официальной советской идеологии явно снижается и необходимо внедрять новый образ врага, в этом отношении евреи были самыми уязвимыми – по разным причинам. Другие считали антисемитизм полезным средством в борьбе с либералами, и прежде всего – с диссидентами. Явно не случайно диссидентов, которым позволяли оставить страну, по большинству отпускали только в Израиль независимо от происхождения. Политический истеблишмент хотел убедить общество в том, что все либералы и евреи в глубине души – сионисты»⁷.

Не более чем миф и ленинский негативизм в отношении к антисемитизму, красноречиво опровергаемый, в частности, документом, который приведен и прокомментирован в той же книге А.Н. Яковлева. В проекте тезисов ЦК РКП(б) «О политике на Украине», написанных осенью 1919 года, председатель большевистского Совнаркома категорически требует «евреев и горожан на Украине взять в ежовые рукавицы, переводя на фронт, не пуская в органы власти (разве в ничтожном проценте, в особо исключительных случаях под класс(овый) контроль)». Но, «не желая выглядеть уж слишком оголтелым антисе-

⁶ Александр Яковлев. Омут памяти. стр. 425, 426.

⁷ Уолтер Лакер. Черная сотня. стр. 168.

митом», тут же сопровождает свое требование стыдливым примечанием: «Выразиться прилично: еврейскую м(елкую) б(уржуазию)». Только на Украине и в Белоруссии жертвами еврейских погромов в ленинские годы Гражданской войны «оказалось более 300 000 человек. Погромы и убийства евреев были особенно активными в районах действий 1-й Конной армии под командованием Буденного». Кошмары одного из многих таких красноармейских погромов – одесского – воспроизведены в «Окаянных днях» Бунина.

«Дело Бейлиса», глубоко и широкоохватно исследованное Семеном Резником, – один из мутных истоков антисемитской волны, прошедшей через весь XX век российской истории. Не состоявшаяся благодаря смерти «великого и мудрого», но готовившаяся при нем массовая депортация советских евреев в восточные районы страны, не стала ее последним валом. К слову вспомнить: задуманной депортации должна была предшествовать публикация в «Правде» коллективного письма, которое предложило бы столь радикальное и окончательное решение еврейского вопроса в СССР. Подписи под обращением к партии и правительству собирали тогдашний директор ТАСС Хавинсон и академик Минц. «К сожалению, им удалось собрать значительное число подписей»⁸. Пример единодушного протеста лучших людей России против «дела Бейлиса» не пошел подписантам впрок. Тем более, значит, не следует упрощать вопрос о наследовании советской властью антисемитизма царских времен, как это невольно вышло у авторов французской «Черной книги коммунизма». «Антисемитское наследие царизма, против которого всегда выступали большевики», не впервые всплыло «в весьма специфическом ракурсе» при «деле врачей-убийц», и не только «через восемь лет после публичного осуждения практики нацистских лагерей»⁹. Вернее было бы признаться, что оно не всплыло, а оставаясь непотопляемым и после октябрьского переворота, стимулировало выгодную победившим большевикам непрерывность охранительской традиции, которая питала в массовом сознании инстинкты послушания и комплексы страха...

Наконец памфлет «Гитлер Доброславович Достомельский», которым завершается новая книга Семена Резника. Ту часть памфлета, где речь ведется об антисемитизме Достоевского, следовало бы, видимо, дополнить соображениями, которые писатель, возможно, примет во внимание при дальнейшем углублении в тему.

Непосредственный повод для памфлета задан сборником национал-патриотического издательства «Витязь», под обложкой которого, словно на параде, выступают юдофобы разных призывов и разливов – от В. Шуль-

⁸ Александр Яковлев. Омут памяти. Стр. 107, 426, 430.

⁹ Стефан Куртуа, Николя Верт, Жан-Луи Панне, Анджей Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Марголен. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Перевод с французского. М., «Три века истории», 1999, стр. 236.

гина до Доброслава (псевдоним А. Добровольского, бывшего диссидента, «подельника» Гинзбурга и Галанскова, судимого вместе с ними ¹⁰). Издатель паскудного сборника – академик карликовой Русской академии, председатель Русской партии России, главный редактор газеты «Русские ведомости» и владелец издательства «Витязь» Виктор Корчагин, дважды обласканный сердобольной российской «третьей властью», которая великодушно уберегла его от необходимости отвечать за разжигание национальной розни по-хронически недействующей статье Уголовного кодекса РФ. Включена в сборник и статья Достоевского «Еврейский вопрос» из Дневника писателя, причем даже с выносом его фамилии, как и названия статьи, на титул книги. Увы, не тот случай, когда великий писатель не отвечает задним числом за унижительное соседство. Оно подсказано его публицистикой, озвучивавшей, как подчеркивает Семен Резник, пошлятину тогдашней антисемитской прессы, обращение к которой пристало «не художнику, чья душа сострадала *униженным и оскорбленным*, а озлобленному и одержимому комплексами *человеку из подполья*». Прав в принципе Семен Резник и в укоре современным «достоевсковедам», которые «обычно скупно пишут о его публицистике (правда, ни Ю. Карякин, ни И. Волгин ее не обходят. – **В. О.**), а статью «Еврейский вопрос» едва упоминают. Их желание быть заодно с гением, а не с его срамотой более чем понятно».

В общем и целом так. В нюансах, с которыми историк не вправе не считаться, не совсем так. «Еврейскому вопросу» в жизни и творчестве Достоевского посвящены давняя – 1924 год! – историко-биографическая повесть Леонида Гроссмана «Исповедь одного еврея» и его же научное исследование «Достоевский и иудаизм». Три четверти века спустя то и другое переиздано по инициативе и при творческом участии профессора МГУ С. Гуревича. И в его предисловии, и в обоих – беллетристическом и научном – текстах Л. Гроссмана отношение Достоевского к «еврейскому вопросу» рассматривается во многих и разных, до несовместимости контрастных аспектах. С одной стороны, статья в Дневнике писателя; в ней Достоевский «нигде не поднимается над обычными ходячими доводами националистической прессы. Антисемитизм его носит не философский, а чисто газетный характер... Его обычная тяга к глубинам духа здесь решительно изменяет ему, и на всем протяжении своего журнального очерка о евреях он ни разу не пытается пристально взглянуть в их историю, этическую философию или расовую (точнее бы сказать: национальную. – **В. О.**) психологию»¹¹. С другой – горячие уверения в письме А.Г. Ковнеру, заключенному в Бутырку за финансовую аферу, переписка с которым

¹⁰ Уолтер Лакер, опираясь на русские источники, предполагает, что А. Добровольский, «как стало ясно на суде по делу группы, был агентом КГБ – либо с самого начала, либо согласился на сотрудничество уже в тюрьме» (Уолтер Лакер. Черная сотня. стр. 299).

дала импульс к статье «Еврейский вопрос»: «Теперь же Вам скажут, что я вовсе не враг евреев и никогда им не был»¹². Снова о том же, но уже не в переписке вокруг «Дневника писателя», а в самом «Дневнике...»: «Всего удивительнее мне то: как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа, как нации? ...Когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце своем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем чтоб уж потом и не упоминать особенно». Там же: «...я окончательно стою, однако же, за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, и за полнейшее равенство прав с коренным населением».¹³

Распутывая этот клубок мировоззренческих противоречий и полярных чувств, эмоционально окрашенных печатных и устных высказываний, Л. Гроссман полагал и убеждал, что своими заявлениями Достоевский несколько преувеличивал «отсутствие у себя в сердце всякой неприязни к еврейству. Приверженец славянофильской философии или точнее – русского мессианизма, составивший злейшие памфлеты на немцев, французов и даже на поляков и болгар, Достоевский... не исключал евреев из круга этих не угодных ему народов. Отрицать огулом всякие антисемитские тенденции в Достоевском было бы, несомненно, искажением истины». Но неоднозначная истина настоятельно требует в то же время согласиться: он имел право протестовать против безоговорочного зачисления себя в заскоруждые антисемиты не только потому, что назвал евреев «великим племенем», о котором человечество еще скажет свое «окончательное слово», но – главное – потому, что «двойственное и многообразное, как многие раздумья Достоевского, его отношение к еврейству нельзя исчерпать одной категорической формулой. И здесь, как во всех его идейных течениях, вражда боролась с сочувствием, и разрушительная ненависть сдерживалась неожиданными приступами сострадательного внимания... Как публицист охранительного толка он должен был относиться отрицательно к скитальческому народу, ищущему волею судеб приюта в безграничных равнинах его родины. Но скрытые стихии его гения незаметно побеждали предвзятые тенденции его публицистики. Как журналист и человек своей эпохи, как полемист с западниками и партийный деятель, как редактор «Гражданина» и воинствующий памфлетист – во всем этом повседневном и случайном Достоевский, несомненно, проявлял себя антисемитом. Но в глубине и на верши-

¹¹ Леонид Гроссман. Исповедь одного еврея. М., «Деконт +», издательский дом «Подкова», 1999, стр. 180.

¹² Ф.М. Достоевский. Пол. собр. соч. в тридцати томах. Том 29, книга II. Письма. 1875–1877. Л., Наука, 1986, стр. 140

¹³ Ф.М. Достоевский. Пол. собр. соч. в тридцати томах. Том 25, Дневник писателя за 1877 г., январь – август. Л., Наука, 1983, стр. 75, 86.

нах своего творчества – там, где отпадало все наносное и выступало абсолютное, он изменял своим журнальным программам и публицистическим тенденциям. Достоевский как художник и мыслитель в мелькающих обрывках своих страниц неожиданно обнаруживает глубокое влечение к сложной сущности библейского духа».

А между тем в ходе процесса по «делу Бейлиса» не от юдофобствующей публики из зала, а с прокурорской трибуны, в речи представителя государственного обвинения прозвучало: «Достоевский предсказывал, что евреи погубят Россию» (В фарсовом варианте это почти через 80 лет повторит К. Смирнов-Осташвили на судебном разбирательстве обстоятельств руководимого им налета боевиков «Памяти» на писателей из Независимой ассоциации «Апрель».) На что опиралась, на чем основывалась эта кликушеская апелляция к великому имени? Ни на что и ни на чем. Очередное шулерство, предвосхитившее издательскую провокацию В. Корчагина. «Всякий, изучивший Достоевского, – разъяснял Л. Гроссман, – знает, что этих слов он никогда не произносил в своих писаниях. Ни в полных собраниях его сочинений, ни в письмах, ни в записных книжках, ни в доступных изучению рукописях Достоевского их невозможно найти. Нет их в многочисленных воспоминаниях о покойном писателе его друзей и случайных собеседников. И конечно, только его прочно устоявшаяся репутация «колоссального консерватора» могла допустить это официальное приписывание ему тех тяжких и ответственных слов, которые он никогда не произносил»¹⁴.

Воля Семена Резника – учитывать или не учитывать в рассуждениях о Достоевском, взвешивать ли вообще и как взвешивать все эти «за» и «против». Но его концепция выиграет, если он тщательно соотнесет одно с другим...

Когда я заканчивал работу над этим предисловием, в газете «Коммерсантъ» (2000, 14 декабря) появилось сообщение о встрече в Союзе писателей России – не путать с демократическим Союзом писателей Москвы! – гостя из США Дэвида Дюка, бывшего главаря расистской организации «Рыцари Ку-клукс-клана», с российскими и зарубежными журналистами.

«Расист и антисемит, – свидетельствует корреспондент газеты, – был представлен публике как историк и политический деятель». Вел встречу бывший председатель Госкомитета РФ по печати Б. Миронов, отстраненный от министерской синекеры президентом Ельциным за демонстративный национализм, облаченный в крылатую формулу: «Если русский национализм – это фашизм, то я фашист»¹⁵. Радужный хозяин и дорогой гость душевно сошлись в заединных обличениях таких-

¹⁴ Леонид Гроссман. Исповедь одного еврея. стр. 176, 184, 176 – 177, 175.

¹⁵ Нужен ли Гитлер России? По материалам международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность». Москва, 20 – 22 января 1995 года, М., независимое издательство «Пик», 1996, стр. 69.

рассяких «еврейских олигархов», которые в США финансировали избирательную кампанию Гора, а в России завладели едва ли не всеми СМИ. «Налицо противостояние еврейства чистой белой нации, которую с каждым днем затаптывают в грязь! Это реванш, к которому евреи готовились со времен Второй мировой войны. ЦРУ, ФСБ, парламенты, дипкорпус, телевидение, Голливуд, Мосфильм – кругом евреи. Они готовят России электронный концлагерь, вводя ИНН и новые паспорта с индивидуальными номерами», – гневно вещал господин Дюк, распинаясь одновременно в любви к Москве, которую поллюбил бы еще больше, если б гостевание в ней не омрачилось «огромным количеством цветных, кавказцев и прочих национальных меньшинств».

Но отчего, спросите, дружеская встреча с американским расистом проводилась не где-нибудь, а в Союзе писателей России? Оказывается, не просто оттого, что в его здании обитают редакции «Завтра» и приложения к ней «День литературы», а в книжном киоске вовсе не из-под полы продается печатная продукция фашистского, антисемитского, черносотенного пошиба. Прежде всего потому, что российские национал-патриоты из числа инженеров человеческих душ зачислили закордонного со/у/мысленника в свои монолитные писательские ряды. Да и как не зачислить, если он автор рекламируемой как настольная книга «Еврейский вопрос глазами американца», вышедшей по-русски в издательстве «Свобода слова» (штат Луизиана) и ОАО «Центркнига»...

Нужны ли более весомые обоснования неослабной актуальности исследований, публицистики и прозы Семена Резника? Размывая исторический и «теоретический» фундамент отечественного антисемитизма, его новая книга прорывает и международный фронт российских и зарубежных антисемитов, для которых кровавый навет – крапленая, но козырная карта.

Валентин ОСКОЦКИЙ

От автора

Говорят, что когда известного поэта спросили, сколько времени ушло у него на написание стихотворения, ставшего известной песней, он ответил: «Сорок минут». А подумав, добавил: «Плюс вся предыдущая жизнь».

Нечто подобное я могу сказать о книге, которую сейчас держит читатель. Написалась она почти спонтанно, за полтора-два десятка утренних двухчасовых присестов к компьютеру; но стало это возможным, потому что она вобрала в себя накопленное если не всей, то доброй половиной моей жизни...

Началось с того, что редактор базирующегося в Балтиморе русскоязычного журнала «Вестник» Геннадий Крочик попросил меня высказать мнение о поступившем в редакцию материале о Владимире Ивановиче Дале (время от времени журнал обращается ко мне с такими просьбами). Через несколько минут передо мной лежал пересланный по факсу небольшой и, как я убедился, добротнo написанный биографический очерк. Чувствовалось, что не известный мне автор, Валерий Козур хорошо владеет предметом.

Смущало только одно «отсутствие присутствия». Оно касалось не собственно биографии Даля, но было связано с его именем. Автор очерка либо не знал, либо не придавал значения тому, что в последние годы в России широко распространяется приписываемая В. И. Далю «Записка о ритуальных убийствах». Определенные круги используют этот апокриф для нагнетания ненависти к евреям.

Полагая, что при публикации материала о В.И. Дале, редакция не может обойти этот момент, я посоветовал снабдить очерк В. Козура кратким послесловием, в котором рассказать о подлинном происхождении скандальной «Записки».

Однако, когда по просьбе редакции я стал писать такое послесловие, оно начало разрастаться в самостоятельную статью. При моей плотной занятости на основной работе (на радиостанции «Голос Америки») написание статьи могло затянуться и задержать публикацию хорошего материала. Чтобы этого не случилось, я оборвал начатое на полуслове и написал: «Биографический очерк Валерия Козура «Владимир Иванович Даль» написан с энциклопедической сжатостью и точностью. Он охватывает основные стороны многогранной деятельности одного из самых выдающихся представителей русской культуры эпохи ее наивысшего расцвета и, по существу, не нуждается ни в каких дополнениях или комментариях. Однако в современном общественно-политическом контексте публиковать его, не затронув темы предполагаемой причастности Даля к кровавому навету на евреев, зна-

чило бы — поставить в ложное положение и журнал, и автора очерка, и его героя, почему редакция и попросила меня сопроводить очерк этим кратким послесловием. Те, кто знаком с мракобесной «Запиской о ритуальных убийствах», которая широко распространяется в России под именем В.И. Даля, или что-то слышал о ней, могут прийти в недоумение: почему автор умолчал об этом эпизоде из биографии своего героя? А это подорвало бы доверие к очерку в целом.

В одном из ближайших номеров «Вестника» будет опубликована моя работа о кровавом навете на евреев в России, в которой подробно будет освещен вопрос о «Записке», приписываемой Далю. Пока же, в этом кратком Post Scriptum, я просто информирую читателей, что Владимир Иванович Даль такой «Записки» не составлял и никакого отношения к ней не имел. Те, кто приписал и продолжает приписывать ее авторство В. И. Далю, это фальсификаторы, которые пытаются прикрыть свои преступления ненависти ничем не запятанным именем создателя одного из самых монументальных и своеобразных творений русского гения — Толкового словаря живого великорусского языка.

Так получилось, что я — впервые в жизни — неосторожно анонсировал публикацию еще не написанной мною работы. Правда, в тот момент выполнение взятого на себя обязательства казалось несложным. Я предполагал написать статью объемом в десять, пятнадцать, максимум двадцать компьютерных страниц. При том что все необходимые материалы у меня под рукой, к этому вроде бы не было препятствий.

Однако вскоре мне стало ясно, что ограничиться историей апокрифа, приписываемого Далю, невозможно. Вне широкого историко-политического контекста этот сюжет выглядел бы лишь занимательным курьезом, тогда как в современной России растление народных масс ненавистью к евреям и другим меньшинствам стало частью тактики и стратегии определенных политических сил, рвущихся к власти и стремящихся надеть на страну узду нового тоталитаризма. В этой игре используются самые грязные приемы; попытка опереться на престиж В.И. Даля — лишь один из них.

Чтобы донести эту мысль до читателя, надо было погрузиться в толщу той культурной («антикультурной!») традиции, которая питает нынешних поборников ритуальной легенды.

С кровавым наветом я столкнулся еще в годы послевоенного детства, когда, гоняя по двору ржавую консервную банку с сорванцами из моего Третьего Плехановского переуллка (это был один из самых неблагополучных районов Москвы, где царили пьянь, матерщина и поножовщина), я не раз был свидетелем того, как ссорившиеся мальчишки обзывали друг друга *евреями* или *жидами*, что было высшей

степенью оскорбления. При этом упоминалось о крови младенцев, которую «жиды» замешивают в мацу.

О том, что все это значит, я спросил у мамы, и она тихим голосом, коротко и грустно, рассказала мне о деле Бейлиса.

В то время, когда в Киеве судили Менделя Бейлиса, моей маме не было четырех лет, а когда она мне о нем рассказывала, никаких книг или статей об этом деле не публиковалось уже почти два десятилетия. Но мама о нем почему-то знала, помнила. Запомнил и я – надолго, навсегда.

Правда, впоследствии, когда я определился профессионально, мои литературные интересы были связаны с историей науки, культуры, а отнюдь не с национальными отношениями. Дело Бейлиса вернулось ко мне почти случайно. Я не был библиофилом, но в букинистические магазины порой наведывался. А с конца шестидесятых годов мои обходы букинистов стали довольно частыми. Я работал над книгой об Илье Ильиче Мечникове, и мне до зарезу было нужно его 16-томное академическое Собрание сочинений. За каждой справкой или цитатой приходилось ездить в Библиотеку имени Ленина, выстаивать долгие очереди в раздевалку, а потом еще час-полтора ждать выполнения заказа... Это было крайне неудобно и ужасно затягивало работу.

В букинистических магазинах я надеялся отыскать хотя бы некоторые тома нужного мне издания. Продавались эти великолепные фолианты большого формата в темно-коричневых коленкорových переплетах по смехотворным ценам – сорок-пятьдесят копеек за том, но попадались крайне редко.¹ Тем не менее я почти никогда не уходил от букинистов с пустыми руками: наткнувшись на книгу, представляющую для меня какой-либо интерес, я не мог удержаться от соблазна, хотя цены порой кусались. Однажды мое внимание привлекла книга под названием «Царская Россия и дело Бейлиса» издания 1934 года. Имя автора, А. Тагера, мне ни о чем не говорило, но было ясно, что если эту книгу упустить, то в другой раз она нескоро попадетсЯ. Я купил ее, прочитал залпом и «заболел» делом Бейлиса.

Впоследствии я узнал, что Александр Тагер, видный юрист старой до-революционной закваски, был защитником в нескольких громких по-

¹ Постепенно мне удалось собрать четырнадцать из шестнадцати томов, и это очень облегчило работу. В 1982 году, спешно покидая СССР, я хотел взять с собой и эти тома, но советская власть, не зная, как посильнее насолить эмигрировавшим евреям, резко ограничила к вывозу книги, представлявшие «особую культурную ценность». Почти всю мою разношерстную библиотеку – к тому времени в ней было около трех тысяч томов, пришлось распродать или раздарить, но четырнадцать томов Мечникова подарить было некому, а покупателей на них не находилось. Когда же я стал предлагать эти тома букинистам, у которых десятью годами раньше их скупили, то они отказывались их принимать, говоря, что на такой товар нет спроса. И действительно, врачи, студенты, ученые знакомились с научными открытиями Мечникова по учебникам. Собрание сочинений могло быть нужным только его биографам, а таковых, кроме меня в стране просто не было, так как дватри моих предшественника к тому времени успели умереть. «Особая культурная ценность» должна была отправиться на мусорную свалку, но совершить такое варварство я не мог. «Решил вопрос-тем, что, оставив стопку тяжелых томов на прилавке одного букинистического магазина, поспешно вышел. Дальнейшая их судьба мне не известна.

литических процессах начала 20-х годов, на которых большевистское руководство сводило счеты со своими поверженными противниками из числа эсеров и меньшевиков. Убедившись, что советская юстиция не дает юристу реальной возможности помочь подзащитным, Тагер отошел от активной практики и занялся исследованием дела Бейлиса. Книга его была издана к 20-летию процесса, то есть в 1933 году. Она имела успех и через год была переиздана. (Второе издание и попало ко мне в руки.) А еще через три года А. Тагер стал жертвой сталинско-ежовского террора и сгинул в ГУЛАГе. Книга «врага народа» стала запретной. Только после хрущевской реабилитации автора его труд тоже был «реабилитирован». Но в обстановке нараставшей борьбы с «международным сионизмом», как это тогда называлось, не могло быть и речи о ее переиздании.

В книге А. Тагера я нашел много ссылок на трехтомную Стенограмму процесса Бейлиса, изданную в Киеве по горячим следам, в 1913 году. Это издание было, конечно, еще менее доступным. Перелистывая три толстенных фолианта в читальном зале Библиотеки имени В.И. Ленина, я поразился тому, какой это бездонный и почти не тронутый кладезь на редкость острого драматического материала. Особенно заинтриговали меня попадавшиеся в стенограмме упоминания Велижского дела: обе стороны, то есть обвинение и защита, ссылались на него как на прецедент.

Об этом деле – имевшем место в 20—30-х годах девятнадцатого века – я прежде никогда не слышал, а, поговорив с несколькими историками, специально изучавшими пушкинскую эпоху, убедился, что они тоже о нем ничего не знали. Одного этого было достаточно, чтобы им заняться. Так появилось мое первое произведение о кровавом навете – исторический роман «Хаим-да-Марья».

Рукопись, законченная в 1979 году, побывала в нескольких московских редакциях, всюду получила отлуп, что немало способствовало моему решению эмигрировать. А пока она гуляла по редакциям, я углубился в материалы печально-знаменитого Кишиневского погрома 1903 года. Поводом к нему тоже послужил кровавый навет – дело об убийстве в Дубоссарах мальчика Михаила Рыбаченко. Книга «Кровавая карусель» была законченная в Москве в 1981 году, но издана сперва в Вашингтоне. Лишь через десять лет она увидела свет в России – благодаря первому независимому издательству ПИК.

О деле Бейлиса я стал писать сразу же после переселения в Соединенные Штаты. Начал серией передач для радио «Свобода», затем переработал их в очерк, опубликованный в нескольких номерах американо-израильского журнала «Алеф» и в моей книге «Красное и коричневое» (1991), а в наиболее полном виде документальная повесть «Убийство Ющинского и дело Бейлиса» была опубликована в ряде номеров нью-йоркской газеты «Новое русское слово» в 1992 году.

Очерк для журнала «Вестник» писался легко, но угрожающе рос в объеме. Рукопись пухла, как на дрожжах, хотя я стремился к предельной краткости, особенно при описании того, что освещено в моих прежних работах. Но последнюю точку удалось поставить не на двадцатой и не на тридцатой странице, а только на сто тридцатой. Я сомневался, сможет ли тонкий журнал переварить такую объемистую рукопись. Но в редакции к моему материалу отнеслись благосклонно. «Кровавый навет в России» публиковался с продолжением в девяти номерах. И, надо сказать, вызвал некоторый резонанс. Незнакомые люди отыскивали номер моего телефона и звонили только для того, чтобы сказать спасибо. Из письменных отзывов приведу один, принадлежащий известному писателю, поэту и публицисту, многолетнему обозревателю «Литературной газеты», автору десятка умных и интересных книг, Александру Левикову.

«Книга «Кровавый навет в России» меня просто потрясла. Без всяких скидок – это выдающееся историко-публицистическое произведение на жгучую тему. Написано великолепно, в высшей степени доказательно, да еще – что в таком случае важно – с холодной головой, хотя за каждой строчкой страшная боль. Лично для меня книга стала открытием.

Конечно, читал Короленко о деле Бейлиса, читал твои книги, знал в общих чертах, что в России поднимается черносотенный дух, но не представлял себе всю глубину, многослойность, историческую и идеологическую подпитку этой мерзости. Оказывается, и Розанов с Флоренским?! Господи, да я ведь ничего подобного не подозревал, когда читал у них нечто иное, в отрывках. А когда дошел до Даля, словарь которого всегда у меня под рукой, даже похолодел – неужто и Даль?! Слава Богу, оказалась фальсификация. Об этой фальшивке, происхождении ее и современном распространении я впервые узнал из твоей книги, поскольку черносотенные, «патриотические» и национал-большевистские издания вообще не читал, считая их априори мерзостью. Профессиональная ориентация экономического публициста не оставляла времени и, мне казалось, давала право не погружаться в эту помойку.

И очень многое другое, в том числе о ДА. Хвольсоне, узнал от тебя впервые. И даже страшно стало: я ли один такой темный (хотя на юридическом факультете изучал несколько исторических курсов, в том числе историю России, всемирную историю, историю государства и права, историю политических течений – да, видать, не та это была история!) или в массе своей российская общественность, даже относительно образованная, ничего подобного не подозревает? Если последнее предположение верно, а я склонен сейчас думать именно так, то твоя книга просто обязана быть как можно шире распространена в России. Ведь другой подобной нет. А антисемитское зловонное дерьмо расползается по всей стране с нарастающей скоростью».

Высказывались и претензии – главным образом в том, что я недостаточно полно осветил некоторые этапы истории кровавого навета, особенно дело Бейлиса. Отвечаю на эти упреки тем, что включаю в книгу документальную повесть «Убийство Ющинского и дело Бейлиса». Она публикуется в обновленной редакции и, между прочим, показывает, как стойко общественность дореволюционной России противостояла злобному мракобесию, чего, к сожалению, никак не скажешь о современной общественности, пассивно наблюдающей за тем, как красно-коричневые патриоты растлевают души и сердца людей ядом племенной ненависти.

О том, как далеко зашел процесс растления, я пытаюсь показать в заключающем книгу эссе «Гитлер Доброславович Достомельский». Оно возвращает читателя из дореволюционной эпохи в сегодняшний день.

Если читатели узнают из этой книги что-то для себя новое, а некоторые из них, может быть, даже захотят что-то сделать, чтобы остановить распространение мифов, сеющих национальную рознь, недоверие и вражду, я буду считать свою задачу выполненной. Мне кажется, что россиянам, в особенности интеллигенции, пора осознать то, что русская интеллигенция хорошо понимала во время дела Бейлиса: уровень цивилизованности нации меряется мерой ее сопротивления растлению ненавистью.

Семен Резник
10 октября 2000 года
Вашингтон

* * *

В работе над книгой я пользовался библиографическими указаниями и материалами, которые мне присылали многие люди из разных стран. Особенно ценными были советы и рекомендации прочитавших рукопись доктора Бориса Кушнера и моего сына, доктора Дмитрия Резника. Всем названным и неназванным лицам — моя искренняя благодарность.

Автор

Кровавый навет в России

Историко-документальные очерки

«А в мешке-то мертвец! Но человек, который нес мешок, уверял, что он не убийца, и назвал тех, на чьей совести был этот мертвец. Ему-де только приказали отнести покойника в еврейские кварталы, чтобы в смерти христианина обвинили евреев. В те времена среди простых людей еще господствовало поверье, будто для приготовления пасхального хлеба евреи используют христианскую кровь. Если бы в еврейском гетто да еще во время праздника пейсах нашли мертвого христианина, это вызвало бы опасное возмущение... Время от времени против евреев поднималась волна клеветы. Худшая из них — будто евреи убивают христиан и пользуются их кровью для своих религиозных обрядов... От злой клеветы оставался всего шаг до насилия. Как часто несправедливые слова придают силу рукам, побуждая их к деяниям, еще более несправедливым».

Эдуард Петушка. «Голем»

«..Алеша, правда ли, что жидаы на Пасху детей крадут и режут?»

— Не знаю.

— Вот у меня одна книга, я читала про какой-то где-то суд, и что жид четырёхлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, через четыре часа. Эка скоро! Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и на него любовался. Это хорошо!

— Хорошо?

— Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду напротив него и буду ананасовый компот есть. Я очень люблю ананасовый компот. Вылюбите?

Алеша молчал и смотрел на нее. Бледно-желтое лицо ее вдруг искажилось, глаза загорелись.

— Знаете, я про жиду этого как прочла, то всю ночь так и тряслась в слезах. Воображаю, как ребеночек кричит и стонет (ведь четырёхлетние мальчики понимают), а у меня все эта мысль про компот не отстает».

Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы»

Многим это кажется диким, невероятным, невообразимым. Каким-то массовым помешательством, ввергающим общество в дремучее средневековье. Но факт остается фактом: средневековые обвинения евреев в ритуальных убийствах стали в современной России «бытовым явлением», по крылатому выражению В. Г. Короленко. Откуда эта напасть, чем вызвано такое наваждение? Предлагаемая книга — попытка ответить на эти вопросы.

В начале было слово

Миф о ритуальных убийствах уходит корнями в седую древность. Клевета о том, что в Иерусалимском храме якобы поклонялись голове осла (по другому варианту, свиньи) и раз в год приносили в жертву захваченного и хорошо откормленного грека, распространялась еще в античную эпоху. Особенно активным адептом этой теории был александрийский «грамматик» Апион, чьи злобные писания опровергал Иосиф Флавий, знаменитый автор «Иудейской войны» и «Иудейских древностей». Поразительно то, что, хотя Апион имел репутацию проходимца и невежды, а Иосиф, обласканный римским императорским домом (подарившим ему даже свою фамилию), был высокочтимым знатоком иудейства, эхо клеветы Апиона можно найти в трудах виднейших римских историков — Плутарха, Тацита и других.

С распространением по просторам Римской империи раннего христианства внимание «ритуалистов» было отвлечено от иудеев в сторону адептов новой религии. Христиан обвиняли в том, что на своих тайных сборищах они предаются блуду, кровосмешению и — приносят в жертву своему распятому Богу маленьких детей, упиваясь их кровью и пожирая их раздираемое на куски тело. Под градом таких обвинений тысячи христиан подвергались страшным мучениям и лютой смерти.

Из христианских источников II — V веков видно, сколь частыми были такие обвинения и к каким последствиям они приводили. Об этом говорят многочисленные свидетельства отцов церкви — от казненного в 165 году святого Иустина до Сальвиана, жившего в V веке.

Шельмование не помогло — «религия черни» охватывала все более широкие слои населения и в конце концов утвердилась как господствующая. Но еще долго среди молодого христианства царил разброд. Возникло множество сект, по-своему толковавших некоторые догматы вероучения. И тогда в борьбе с ними отцы церкви стали использовать те же клеветнические обвинения: в свальном грехе, кровосмешении — и ритуальных убийствах. Когда же прочное здание церкви было выстроено, в христианских странах чуть ли не единственным религиозным меньшинством оказались евреи. И тогда христиане ста-

ли их обвинять в том, в чем раньше обвиняли самих христиан.

В работе «Святой Иоанн Хризостом (Златоуст) и христианский антисемитизм»¹, Борис Кушнер указывает, что «в начале V века в Антиохии разразились погромы и впервые были письменно зафиксированы клеветнические христианские обвинения евреев в ритуальных убийствах». Правда, в книге В. В. Скрипицына «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», написанной, по повелению императора Николая I (впервые издана в 1844 году), имеется указание на еще более ранние гонения такого рода: в IV столетии, «при Кесаре Константине жида были изгнаны из некоторых провинций [Римской империи] за то, что распяли христианского ребенка на кресте в Страстную пятницу»². Однако историки, изучающие Рим эпохи императора Константина, этого не подтверждают. Никаких сведений об изгнании евреев в годы царствования этого монарха они не находят. Так что первые, наиболее ранние гонения на евреев со стороны христиан, вызванные кровавым наветом, относятся именно к Антиохии V века.

В последующие века аналогичные обвинения распространялись по свету вместе с христианством. К тому времени, когда князь Владимир крестил Русь, они уже превратились в стойкое суеверие. Великий святой Русской православной церкви Феодосий Печерский, основатель Киево-Печерского монастыря, проповедовал, что правоверным христианам надлежит прощать своих врагов, но «не врагов Божиих», к коим он относил «латынян», т. е. католиков, магометан, представителей армянской церкви, но в особенности евреев. По всей видимости, он был убежден в том, что евреи совершают ритуальные убийства. Его вожделенной мечтой было «пострадать» ради Господа от их руки. «Более всех ненавидел Феодосий жидов, и жизнеописатель его говорит, что он ходил к жидам укорять их, досаждал им, называл безбожниками и отступниками и хотел быть от них убитым за Христа»³.

Стать «убитым за Христа от жидов» Феодосию не сподобилось, зато эта честь выпала его младшему современнику, иноку того же монастыря Евстратию. Если верить современному исследователю О. Платонову, то в Киевских пещерах до сих пор сохраняются мощи святого Евстратия, «распятого на кресте иудеями в Великую пятницу при обряде поругания Иисуса Христа в 1096 году»⁴.

В упомянутой работе В. В. Скрипицына приводится следующая справка:

«В Патерике находится житие его [Евстратия] и говорится, что святой угодник был киевлянин, взят в плен половцами при наше-

¹ «Вестник», т. 8.2, № 14 (142), 9.7.996, стр. 30 — 33.

² «Сергиев Посад», 1992, № 9, стр. 11.

³ Н. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. 1, СПб, 1912, стр. 19 — 20.

⁴ О. Платонов, Терновый венец России. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, М., 1998, стр. 109; далее в ссылках: Платонов-1.

ствии хана Боняка в 1096 году, продан в Корсунь [Херсонес] еврею, который подверг его разным мукам и наконец к празднику Пасхи своей распял его на кресте, а потом бросил в море. Тут нашли его тело русские христиане и привезли в Киев»⁵.

Приведя эту справку, Олег Платонов счел ее недостаточной и обратился к самому Патерику (своду жизнеописаний святых). Из Жития великомученика Евстратия он узнал, что при нашествии половцев на Киев, «многие были посечены мечами», тогда как Евстратий был захвачен в плен и продан «проклятому жидовину» в «греческую землю в числе 50 христиан». Имена остальных 49 пленников летописцу не известны, так же как и имя того, кто их купил. Но национальная и религиозная принадлежность купившего у него не вызывала сомнений.

Летописцу известно также, что «жидовин» приобрел пленников не для того, чтобы использовать их труд или перепродать их с выгодой на невольничьем рынке. «Жидовин» был одержим одной, но пламенной страстью: «побудить пленников своих отречься от Христа». В противном случае он угрожал уморить их голодом, так что некоторые заколебались. Но Евстратий стал стыдить товарищей по несчастью, укреплял их стойкость личным примером. В результате все они умерли от голода за семь—десять дней, но от веры Христовой не отреклись. Евстратий же продержался дольше, так как был закален в монастыре длительными постами. Он оставался «жив и невредим» 14 дней. Как раз подошло время еврейской Пасхи, и тогда «жидовин», сообразив с опозданием, кто сорвал его злодейский план, «ругался над святым Евстратием так же, как отцы его — над Самим Господом нашим Иисусом Христом», то есть распял его на кресте.

Не трудно понять, что в отместку за это злодеяние Божья кара постигла не только самого преступника, но *всех* евреев Корсуни и остальной Греции, ибо «в тот же день пришло повеление от царя Греческого изгнать из области его всех жидов, отняв у них имущество, а старейшин их избить за мучения христиан». Главный же злодейнин был повешен на дереве, «и так злоба его обратилась на его голову и он воспринял участь Иудина удавления». Ну а нетленные мощи Евстратия были выловлены из моря и доставлены в Киев»⁶.

Как удалось опознать труп Евстратия, летописец не сообщает, а пересказывающий его творение Олег Платонов об этом не задумывается. Умалчивают оба и о том, как же было определено, что мертвое тело приплыло именно из греческой Корсуни (Херсонеса), и откуда стали известны подробности драмы, разыгравшейся в этом далеком городе, коль скоро никто из очевидцев не уцелел.

Автор Жития Евстратия, похоже, был ясновидцем. Его взор про-

⁵ «Сергиев Посад», 1992, №9, стр. 11.

⁶ Платонов-1, стр. 139—141.

ник не только в греческую Корсунь, но и в само Царствие Небесное, где, по его словам, Евстратий «сподобился царствовать с Самим Победителем смерти — Христом»⁷.

Перед нами типичный средневековый миф — смесь фантастики с нравоучениями. Именно такие мифы и содержатся в *литературных* памятниках, называемых Патериками. Это «сб[орники] жизнеописаний, порой *фантастических* (курсив мой. — С.Р.), отцов церкви, монахов к[акого]-л[ибо] одного монастыря, обычно признанных церковью святыми»⁸. Но современный исследователь со степенью доктора наук опирается на этот *литературный* памятник как на *исторический* и даже *юридический* документ. Объясняется это тем, что у современных ретуалистов просто нет другого выхода. Житие святого Евстратия — это единственное дошедшее до нас произведение древнерусской литературы, в котором нашел отражение кровавый навет на евреев. Обойти его или отнестись к нему критически — значит оставить в повествовании зияющую пустоту.

⁷ Платонов-1, стр. 139—141.

⁸ Советский энциклопедический словарь. М, Изд-во «Советская энциклопедия», 1980, стр. 986.

Граница на замке

После жития святого Евстратия ритуальная легенда исчезает из российских источников — даже мифических — на целых семь столетий, но отнюдь не потому, что православная Русь осознала, что не по-Божески возводить клевету на целый народ, хотя бы и придерживающийся иной веры. Причина тому простая: после еврейских погромов, разразившихся в Киеве при великом князе Владимире Мономахе, и татарского нашествия евреи исчезли из Киевской Руси, а в Московской Руси они появиться не могли, так как их туда не допускали.

Зато в воображении летописцев более «либеральной» Западной Европы все эти столетия кровь христианских младенцев текла рекой, вливаясь в моря еврейской крови — уже не воображаемой, а реальной.

Монотонно повторяющиеся обвинения в ритуальных убийствах говорят о поразительной стойкости религиозных предрассудков, дурманящих сознание масс. Но во многих случаях этим дурманом пользовались весьма трезво и расчетливо. За кровавым наветом легко угадывалась направляющая рука. Схемы были хорошо отработаны. Очередной распятый или иным способом убиенный христианский младенец возбуждает толпу, вызывает погром, в ходе которого пышущим Божеским гневом христианам удастся хорошо пожить. Потом вмешиваются власти. Они утихомиривают толпу, торжественно подвергают казни мнимых убийц, оговоривших себя под нечеловеческими пытками, а на еврейское общество накладывают контрибуцию. Когда этого оказывается мало, евреев изгоняют, обобрав до нитки. Какой простой и надежный способ пополнить опустевшую казну помещика, монастыря или королевства! Неудобство его состояло только в одноразовости действия: после того как евреи изгнаны, с них уже ничего не получишь!

Более дальновидные монархи и бароны считали неразумным резать курицу, несущую золотые яйца. При возникновении ритуальных обвинений они вступались за евреев, издавая повеления, запрещавшие возводить на них кровавый навет. То же делали римские папы, многие высокопоставленные епископы. Но эти повеления забывались, и кровавый навет продолжал свое шествие. Вот несколько примеров из длинного мартиролога, педантично пронумерованного в «Розыскании» В. В. Скрипицына.

«В 1067 году в Праге (в Богемии) шесть евреев зашиты в мешки и утоплены в реке за то, что выпустили из трехлетнего младенца кровь и переслали ее другим евреям в Тревизу».

«Между Кобленцем и Бингеном на Рейне есть доныне часовня с мощами ребенка, замученного в XV веке жидами; местные католики почитают его святым».

«В 1172 году в Блуа во Франции евреи распяли ребенка, положили труп в мешок и бросили в реку Луару. То же случилось там в 1177 году, в самый день Пасхи, и несколько евреев сожжены за это на костре».

«Близ Орлеана (Франция) в 1175 году сожжено несколько раввинов за умерщвление ребенка, брошенного ими после в воду».

«В 1234 году в Норвиче евреи похитили ребенка, держали его в тайне несколько месяцев, до Пасхи, но не успели совершить злодеяния своего; ребенок отыскан, а они казнены».

«В 1255 году в Линкольне (Англия) евреи похитили восьмилетнего отрока, секли его бичами, увенчали терновым венцом и распяли на кресте. Мать нашла труп в колодце; евреи изобличены и сознались; один из них на месте растерзан лошадьми, а девяносто отведены в Лондон и казнены там».

«В 1287 году в Берне (Швейцария) несколько евреев колесованы за умерщвление младенца, а остальные высланы».

«В 1295 году евреи вторично высланы были из всей Франции за подобные преступления».¹

Данные В. В. Скрипицына не всегда достоверны, так как почерпнуты из вторичных, третичных, а иногда и мифологических источников. Как показал Д. А. Хвольсон, в 1295 году евреев из Франции не изгоняли; произошло это в 1306 году и было вызвано не обвинениями в ритуальных убийствах, а военно-экономическими причинами.

«Тогдашний германский император Альбрехт, в качестве, как он говорил, наследника императоров Веспасиана, Тита и Карла Великого, заявил притязания на верховные права над французскими евреями. Вследствие этого король [Филипп IV Красивый] внезапно задержал всех евреев Франции, мужчин и женщин, стариков и детей, на *один* день, отнял у них все движимое и недвижимое имущество, конфисковал в свою пользу все их долги на христианах и, *оставив им только одежду на плечах*, изгнал из страны 100 000 человек, сделав их нищими. «Вот тебе твои евреи!», — насмешливо сказал он тогда германскому императору»².

Однако, при явно недостаточной достоверности, мартиролог Скрипицына страдает скорее неполнотой, чем избыточностью, поэтому на него можно полагаться, нисколько не рискуя впасть в преувеличение масштаба гонений.

Выписки можно продолжать и продолжать. Обвинения евреев в ритуальных убийствах стали стойкой традицией, перекочевывавшей

¹ «Сергиев Посад», № 9, стр. 11—12.

² Д. А. Хвольсон. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. СПб., 1880, стр. 279—280. Далее в ссылке: Хвольсон-1.

из страны в страну и оставлявшей кровавый след пыток, казней, погромов, изгнаний (этнических чисток, по современной терминологии). С годами след этот становился все гуще — то ли оттого, что частота обвинений нарастала, то ли благодаря более полной сохранности письменных источников.

Во времена, когда невежество и религиозный фанатизм были «материальной силой», когда сжигали на кострах ведьм, когда заклинали нечистую силу, когда судьбы людей определялись расположением звезд или ворожкой волхвов, были и небылицы вполне уживались в людском сознании. Мало кто был способен проводить разграничения между фактами и воображением, наблюдениями и грезами, виденным наяву и во сне. Жуткие сказания о людоедах-евреях, похищающих младенцев, чтобы упиваться христианской кровью в тайных обрядах их «басурманской» религии, были частью этого одурманенного религиозной экзальтацией сознания народов Европы. Молва приписывала евреям особые болезни и свойства, от которых они могли избавиться только с помощью христианской крови. Согласно этим поверьям, еврейские роженицы не могли разродиться без помощи христианской крови; их младенцы рождались слепыми, и чтобы прозреть, им тоже якобы требовалась христианская кровь. Она же необходима была для свадебного обряда и для обряда, совершаемого над умирающим евреем; для того чтобы у них не росли кабаньи клыки и уши; даже, чтобы прекратить месячные очищения у евреев-мужчин, которые им якобы были свойственны так же, как и женщинам. И конечно же наиболее распространенная молва твердила о пасхальных опресноках, куда евреи якобы замешивают христианскую кровь.

Многочисленные мифы о мнимых еврейских злодеяниях порождали параллельную еврейскую мифологию, показывающую, в каком страхе веками пребывали еврейские общины, разбросанные по всей Европе. Так, через сказания о легендарном пражском раввине Лёве — праведном, мудром и справедливом чудотворце — проходит тема кровавого навета. Раввин Лёв, с помощью Всевышнего, лепит из глины искусственного человека Голема — робота, наделенного огромной силой и буквально выполняющего все приказания. Характерно сказание о еврейской девушке Дине, которая явилась в католический храм и заявила о своем желании принять христианство. Отвечая на расспросы о жизни и быте еврейской общины, она решила подольститься к своим новым единоверцам и поведала им, что недавно исчезнувшая из гетто служанка-христианка была убита, а ее кровь пошла на приготовление пасхального хлеба. Два еврея, чей разговор якобы подслушала Дина, арестованы. Всем ясно, что если они будут осуждены, страшные беды обрушатся на всю общину. Раввин Лёв посылает Голема разыскать пропавшую служанку. Голем обыскивает всю

Прагу, затем ее окрестности и наконец находит девушку в далеком селе, куда она отправилась погостить у брата. Наступает день суда, а Голема все нет, раввин Лёв в ужасе, он знает, что если обвиняемые будут осуждены, все евреи Праги подвергнутся разгрому. Но в разгар суда является Голем, ведя за руку пропавшую служанку. По воле Всевышнего и благодаря мудрости раввина Лёва беда очередной раз обходит общину пражских евреев. Так эта легенда выглядит в изложении известного чешского писателя Эдуарда Петишки (1924 — 1987)³.

Многokrатно изгоняемые из западных стран, многие евреи скапливались в Польше, так как дальше на Восток им хода не было. Соответственно и волны кровавого навета разбивались о твердую российских границ. Зато в Польше навет обрел особенно благоприятную почву. С предрассудком пытались бороться польские короли, не раз запрещавшие обвинять евреев в ритуальных убийствах на основе предубеждений. О том же твердили буллы римских пап. Но существенного эффекта на подданных короля и правоверных католиков эти постановления не производили. Если обратиться к скрипицынскому перечню ритуальных обвинений XVII и XVIII веков, то подавляющее большинство их приходится на территорию Польского королевства⁴.

³ Эдуард Петишка. Голем. Перевод с чешского В. Каминской и О. Малевича. Прага, «Мартин», 1997, стр. 63 — 68.

⁴ «Сергиев Посад», 1992, № 9, стр. 13 — 14.

Еврейский вопрос без евреев

В «Золотом теленке» Ильи Ильфа и Евгения Петрова есть забавный эпизод об американском журналисте-сионисте Хираме Бурмине, которого в Советском Союзе больше всего интересует еврейский вопрос.

«— У нас такого вопроса уже нет, — сказал Паламидов. — Как же может не быть еврейского вопроса? — удивился Хирам. — Нет, не существует.... — Но ведь в России есть евреи? — Есть... — Значит, есть и вопрос? — Нет. Евреи есть, а вопроса нет».

Если мы обратимся к столетиям российской истории, предшествовавшим разделу Польши, то обнаружим прямо противоположное: «вопрос есть, а евреев нет!» Юдофобия пунктиром проходит через всю историю Московско-Петербургской Руси. Когда во времена Великого князя Василия III группа влиятельных и наиболее образованных придворных предложила некоторые церковные и светские реформы, то воспротивившееся им новгородское духовенство во главе с архиепископом Геннадием обвинило их в «ереси жидовствующих». Ни одного еврея среди реформаторов, конечно, не было. Однако Геннадий и его сторонники припомнили, что много лет назад, в свите литовского князя, который приезжал в Новгород налаживать отношения с соседями, будто бы находился некий еврей Схария. От него якобы и набрались греховных идей иные новгородские умники, передавшие затем «жидовскую» заразу московским умникам. Главным еретиком считали дьяка Федора Курицына, образованного, широко мыслившего человека, пользовавшегося доверием самого Великого князя. Однако наветы Геннадия и его сторонников исподволь подтачивали репутацию Курицына и его приверженцев. После долгого сопротивления Великий князь «сдал» реформаторов. Большинство «жидовствующих», отродясь не видевших ни одного еврея, были преданы лютой казни, сам Федор Курицын был брошен в темницу, где и умер или был умерщвлен.

Во времена Ивана IV вопрос решался еще проще. Когда его войска захватили польский город Полоцк, в котором оказалось какое-то количество евреев, Грозный царь приказал всех их «добровольно» крестить, а тех, кто не пожелает, утопить в реке Полоти. Что и было исполнено.

Длившаяся веками «юдофобия без евреев» немало способствовала все большему отставанию России от Западной Европы. Даже Петр I, столь азартно прорубавший окно в Европу, отказывался допускать в Россию купцов-евреев, чем ограничил торговые обороты страны, так как в Голландии и других ведущих торговых партнерах России евреи составляли значительную часть купечества.

То же продолжалось и после Петра. Императрице Елизавете Пет-

ровне была подана записка с подробным объяснением, какие выгоды сулит казне дозволение евреям приезжать по торговым делам в Россию. Но она собственной рукой начертала резолюцию: «От врагов христовых интересной прибыли не желаю».

Екатерина II, столкнувшись с тем же вопросом сразу же после воцарения, мудро предпочла «отложить» его решение до лучших времен. Готовя переворот против собственного мужа, она искусно разыгрывала роль строгой блюстительницы православных традиций, чем и привлекла на свою сторону значительные силы. Идти наперекор этим традициям сразу же после переворота она опасалась. До конца ее царствования «лучшие времена» так и не наступили.

После раздела Польши

В царствование Екатерины II произошли три раздела Польши. В пределах Российской империи оказалась самая многочисленная еврейская община тогдашнего мира. Вместе с евреями Россия унаследовала и кровавый навет.

В большинстве стран Европы в те времена уже относились к нему, как к средневековым бредням. В век Просвещения в них продолжали верить темные массы, но для людей образованных они были не более чем курьезным предрассудком.

Для России, однако, все это было внове, и, когда известный поэт и высокопоставленный вельможа Гаврила Романович Державин столкнулся с ритуальной легендой, он отнесся к ней со всей серьезностью, хотя и не без лукавства.

Произошло это в самом конце XVIII века. Группа евреев из местечка Шклов в Белоруссии обратилась к императору Павлу I с жалобой на помещика С. Г. Зорича, который третировал их как своих крепостных. Царь поручил Державину разобраться в жалобе, чем поставил Гаврилу Романовича в щекотливое положение.

Зорич не был рядовым помещиком. Один из последних фаворитов Екатерины II, он был отставлен ею за ссору с всесильным Потемкиным и отправлен в почетную ссылку в свое имение в Могилевской губернии, включавшее несколько богатых поместий и крупное местечко Шклов. Эти земли отошли к России после первого раздела Польши. Екатерина купила их у князя Чарторьского за 450 тысяч рублей и подарила молодому любовнику.

Водворившись в своем имении, отставленный фаворит пустился в разгул. Жизнь проходила в празднествах, с пышными балами и фейерверками. Азартный карточный игрок с репутацией шулера, Зорич мог в одну ночь просадить огромную сумму и наделать долгов, достигавших астрономических цифр. Дошло до печатания фальшивых ассигнаций, чем в имении Зорича промышляли два почтенных польских графа. Когда дело было раскрыто, оба графа были арестованы, но сам Зорич отделался легким испугом.

Император Павел, впику покойной матушке, вернул Зорича на службу, но вскоре должен был снова отправить его в отставку — за крупные упущения и казнокрадство. Словом, бывшему фавориту постоянно требовались деньги, много денег, и он драл по три шкуры со всех, с кого мог, в особенности с проживавших на его земле евреев.

Обладая обширными связями в Петербурге, Зорич все еще пользовался немалым влиянием, и Державин никак не хотел оказаться в числе его врагов. Но и показать нерадивость перед лицом такого крутого самодержца, как Павел, Гаврила Романович опасался. Надо было

найти понятный для государя предлог, который позволил бы, не роняя репутации ревностного служаки, устраниваться от щекотливого расследования. Тут-то и выручил вельможу-поэта кровавый навет.

Изрядно попирав у Зорича, Державин выяснил, что неподалеку, в Сеннинском уезде, перед Пасхой был найден труп женщины с колотыми ранами на лице и по всему телу. Подозрение конечно же пало на евреев — в силу убеждения местных жителей в том, что для пасхальной мацы им надобна христианская кровь. И хотя следствие по делу «ничего не обнаружило», Державин преисполнился благородного негодования. В своем заключении он написал, что «пока еврейский народ не оправдается» в возводимых на него обвинениях, никакие жалобы евреев вообще не следует принимать к рассмотрению.

Зоричу, таким образом, была выдана индульгенция, и он мог без всяких опасений усилить свой произвол. Державин же, введя для евреев принцип коллективной вины и *презюмции виновности*, отвергнутый во всех цивилизованных странах со времен римского права, приобрел репутацию крупнейшего в царской администрации знатока еврейского вопроса. Да он и стал таковым — благодаря общению с Нотой Хаимовичем Ноткиным, одним из трех первых еврейских негодичантов, поселившихся в Петербурге еще при Екатерине II.

Гавриил Державин и Нота Ноткин

Как только к России отошли бывшие польские территории с жившими на них евреями, первым поползновением власти было воспрепятствовать их проникновению в «коренную» Россию.

Однако, когда три богатые и просвещенные еврейские семьи захотели поселиться в столице, царица отнеслась к этому благосклонно. О том, как она либерально закрыла глаза на требование ограничительного закона, она не без кокетства сообщила одному из своих западных корреспондентов.

В числе трех первых евреев Петербурга был Нота Хаимович Ноткин. Глубокий знаток бытовой и религиозной жизни евреев, он и стал наперсником Гаврилы Романовича Державина.

Нота Ноткин объяснял Державину, что основные массы евреев, скупленные в городках и местечках бывших польских губерний, не находят приложения своему труду. Землей им владеть запрещено, работать на государственной службе тоже. Большинство из них — мелкие торговцы, ремесленники, корчмари, маклеры и всякого рода посредники, но для малоподвижной экономики края их слишком много. Живут они впроголодь, нещадно конкурируя между собой и с христианами, занимающимися такой же деятельностью. К тому же они бесправны и ненавидимы, чем пользуется местная администрация, за все требующая от евреев взяток и тем развращающая и себя, и их.

Крестьяне ведут преимущественно натуральное хозяйство, кормятся от земли. Худо-бедно, но крестьянская семья месяцами может прожить без копейки денег. Деньги крестьянам необходимы в экстренных случаях — купить лошадь или инвентарь. Когда у них заводится лишний пятак, они спешат пропить его в ближайшей корчме. Евреи же должны платить наличными за хлеб, молоко, мясо — за все необходимое для семьи. И эти деньги им нужно заработать.

В глазах окружающего населения, объяснял Нота Ноткин, евреи считаются богатыми и жадными, потому что они за свои услуги требуют денег и знают им счет.

К тому же слишком много евреев в бывших польских губерниях вынуждены заниматься винокурением и виноторговлей. Доходы от этого промысла идут помещикам, так как им и государству принадлежит винная монополия. Евреи-виноделы платят непосильную арендную плату и едва сводят концы с концами, но в глазах населения именно к ним уплывают все деньги, они «спаивают» народ. Нелепость этого навета очевидна: в коренной России, где не было и нет евреев, народ пьет не меньше и живет не лучше.

Решение «еврейского вопроса» к пользе евреев и неевреев, убеждал Нота Ноткин Державина, должно состоять в уравнивании их в правах с остальными подданными, в защите их от произвола со стороны местных властей и соседей, в дозволении селиться везде, где они могут с пользой приложить свой труд, в предоставлении им права покупать и арендовать землю, что особенно важно в такой стране, где земля остается основным источником благосостояния.

Но почерпнутые от Ноткина сведения о быте и обычаях евреев Державин перерабатывал таким образом, чтобы доказывать злобредность «нехристей», ведущих якобы паразитический образ жизни за счет эксплуатации, спаивания, обирания и развращения христиан. Чтобы ограничить зло, исходящее от евреев, Державин предлагал еще больше ограничить их права.

Введенный в комитет по разработке первого в России законодательства о евреях (оно было принято в 1804 году, уже при Александре I), Державин занял самую крайнюю позицию. Предложенные комитетом законы были жестокими: официально вводилась черта оседлости, сохранялся запрет на покупку и аренду земли, также сохранялся запрет на государственную службу и многое другое. Однако с некоторыми особо скулодробительными мерами, на которых настаивал Державин, остальные члены комитета не согласились.

Пытаясь настоять на своем, Державин подал государю «особое мнение», но Александр одобрил решение большинства. Уязвленный Державин подал в отставку, и государь ее принял без возражений. На этом основании нанешние национал-патриоты выставят *русского* поэта Державина жертвой *еврейского* заговора¹.

¹ О. Михайлов. «Державин», М., «Молодая гвардия», серия ЖЗЛ, 1977.

Гзейра

Скученные в черте оседлости, даже в ее пределах постоянно изгоняемые то из деревень, то из городов, то из приграничной полосы, третируемые как алчное, развратное, преступное племя, евреи ничего не боялись больше, чем «гзейры» — кровавого навета.

Между тем обвинения возникали одно за другим. Вот только те, что зафиксированы в «Розыскании» В. В. Скрипицына 1844 года:

В 1799 году, кроме дела в Сеннинском уезде, выручившего Державина, возникло еще одно, в местечке Режицы, близ которого был найден труп «с необыкновенными знаками и ранами на теле». «Следствие ничего не открыло, — сообщает Скрипицын? — потому что все взятые под стражу евреи бежали и не были отысканы». В 1805 году в Велижском поветовом суде рассматривалось дело об убийстве 12-летнего мальчика Трофима Никитина. К суду были привлечены три еврея, но «по недостатку улик дело предано воле Божией».

«В 1811 году, перед Пасхой, в Витебской губернии, в деревне помещицы Томашевской пропал у крестьянина из колыбели ребенок. Подозрение пало на евреев, но следствие ничего не открыло».

В 1816 году в Гродно была найдена мертвой девочка Адамович. Трупик был исколот. Подозрение снова пало на евреев, но на этот раз депутация, направленная местной общиной в Петербург, смогла достучаться до каких-то влиятельных особ. Последовало Высочайшее повеление императора Александра I, «чтобы евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей по одному предрассудку, будто они имеют нужду в христианской крови, а что если бы где случилось смертоубийство и подозрение падало на евреев, без предубеждения, однако же, что они сделали сие для получения христианской крови, то было бы производимо следствие на законном основании, наряду с людьми прочих исповеданий, и обвинение выносить на основании судебных улик, а не предрассудков и предубеждений»¹.

Вот оно, оказывается, как просто! Убийство — это тягчайшее преступление, и его должно расследовать на основании судебных улик, а не предубеждений. Этот царский рескрипт на некоторое время охладил пыл ритуалистов. Правда, в 1821 году, когда в селе Голенях Могилевской губернии перед Пасхой был найден труп мальчика «о коем по наружным признакам судили, что он, должно быть, умерщвлен изуверными евреями», губернатор распорядился начать следствие в привычном ритуалистском ключе. Но евреи снова направили депутацию в Петербург с требованием прекратить оскорбительное дознание. Скрипицын констати-

¹ «Сергиев Посад», № 9, стр. 14.

рует с явным неудовольствием, что «дело было прекращено, а губернскому правлению сделано замечание за то, что оно поступило вопреки упомянутому Высочайшему повелению, приняв подобное подозрение на евреев»².

Но, увы, острастка, данная царем, действовала недолго. В 1823 году в городе Велиже началось следствие по очередному делу, которое по своей длительности и грандиозному масштабу перекрыло все предыдущие.

² «Сергиев Посад», 1992, №9, стр. 14.

Велижское дело

Велижское дело легло в основу моего исторического романа «Хаим-да-Марья». В романе, как и положено в художественном произведении, не обходится без вымысла и домысла, но основная канва дела изложена точно.

Рукопись романа была закончена в Москве в 1979 году и побывала в ряде ведущих редакций — от журнала «Дружба народов» до издательства «Советский писатель». Возвращали ее под разными предложениями, предпочитая не прилагать письменных отзывов, но несколько внутренних рецензий я все же получил. Обвинить роман в антисоветчине было трудно: все-таки действие происходило почти за сто лет до советской власти. В рецензиях говорилось о «впечатлении осмеяния русских», о том, что «о религиозности русских пишется только иронически», что показано «вероломство и неблагодарность русской женщины из народа». Иначе говоря, роман не пускали в печать, приписывая мне «руссофобию», хотя само это словцо тогда еще не было пущено в обиход.

В романе, конечно, высмеивались не русские, а тупоголовые носители юдофобии. Что же так пугало советских издателей? Вот это и напугало. За бурные годы гласности и последовавшей неразберихи многие позабыли, что уже в те «застойные» времена добрую половину советских литературных изданий контролировали «национал-патриоты». По велению сердца, а не только по указанию свыше они вели праведную войну с «международным сионизмом», западничеством и «антипатриотизмом». Что же касается второй половины изданий, считавшихся относительно либеральными, то они уклонялась от того, чтобы конфликтовать с национал-патриотами. Разгром возглавлявшейся А.Т. Твардовским редколлегии журнала «Новый мир» послужил поучительным уроком для всех. Сатирическое повествование об абсурдности юдофобии задевало за живое, а ландшафт застойной эпохи был мертвым.

Оказавшись в вакууме, я эмигрировал. Роман был издан в США¹ и в Венгрии². Что же касается России, то пара толстых журналов, в которые я обращался уже в постсоветское время, отреагировала примерно так же, как в «застойные» времена: внутренний цензор в редакторских головах надолго пережил инструкции главлита. Московское издательство ПИК, хотевшее опубликовать роман, не смогло найти на него средств. Как убедится читатель из дальнейшего повествования, средства на издания литературы противоположного толка всегда находятся.

¹ Семен Резник Хаим-да-Марья. Вашингтон, изд-во «Вызов», 1986.

² Szemjon Reznyik. A velizsi vervard. Budapest, Interart, 1990.

Обвинение по Велижскому делу (1823 — 1835) — а по нему проходило более сорока обвиняемых, некоторые умерли, не выдержав пыток и условий заключения, — строилось на показаниях трех безграмотных баб («женщин из народа!»), которые оговорили себя и других, но никак не могли согласовать свои показания. Тем не менее, подсудимые были признаны виновными, и приговор отослан на утверждение в Петербург. Но на последних этапах дело приняло неожиданный оборот. При рассмотрении в Сенате материалы дела подверг критике граф Панин, благодаря этому голоса сенаторов разделились. Как было положено в таких случаях, дело перешло в Государственный совет, где поступило на рассмотрение к графу Н. С. Мордвинову, наиболее просвещенному и независимому государственному деятелю той эпохи. Проанализировав все материалы, Мордвинов составил записку, в которой показал нелепость и абсурдность всех обвинений. Он потребовал не только оправдать подсудимых евреев, а трех христианок наказать за дачу ложные показаний — а не за убийства, в которых они не участвовали, — но и освободить подсудимых евреев на восемь лет от налогов, чем принести им извинения за причиненный ущерб.

Аргументация Мордвинова была столь неотразимой, что члены Государственного совета единогласно к нему присоединились — во всех пунктах, кроме последнего (об освобождении от налогов). И это вопреки всем им известной позиции царя Николая, который с вожделием ожидал обвинительного приговора.

Единогласное решение Государственного совета было окончательным (такое было единственное ограничение самодержавной власти), поэтому Николай нехотя к нему присоединился. Но он был уязвлен и в своей резолюции, соглашаясь освободить евреев города Велижа за недоказанностью вины, начертал, что из этого вовсе не следует, будто «тайны крови» вообще не существует. Вполне может существовать какая-то иудейская секта, которая все-таки практикует ритуальные убийства, начертал царь. Вопрос этот надо наконец разрешить раз и навсегда.

Под влиянием этой мысли государь дал указание Министерству внутренних дел провести соответствующее расследование.

В.В. Скрипицын и его «Розыскание»

Выполнять задание было поручено Департаменту духовных дел и иностранных исповеданий, который возглавлял тайный советник (гражданский чин, эквивалентный генеральскому) В. В. Скрипицын.

Работа тянулась девять лет и в 1844 году была оформлена в виде обширной записки. Министр внутренних дел граф Л.А. Перовский распорядился отпечатать ее в типографии в нескольких экземплярах — для царя, наследника престола, великих князей и членов Государственного совета. Как казенная работа, она публиковалась без указания имени автора.

Пока составлялось и печаталось сочинение Скрипицына, на весь мир прогремело ритуальное дело в Дамаске, где таинственно исчезли — якобы в еврейском квартале — католический священник-миссионер Отец Фома и его слуга Ибрагим Амара. Несколько евреев, из числа арестованных по этому делу, не выдержав нечеловеческих пыток, «признались» в совершении преступления и «подтвердили», что оно носило ритуальный характер. Над еврейской общиной Дамаска нависла злоедающая туча, заставившая ее лидеров воззвать к помощи единоверцев в Англии и Франции. Те обратились к своим правительствам, которые выступили с решительным демаршем перед правительством Османской (Оттоманской) империи, в состав которой тогда входила большая часть арабского мира, в том числе и Дамаск. К протесту присоединились Соединенные Штаты Америки. В глазах Запада Дамасское дело было проявлением «дикого восточного деспотизма». Не желая отставать от просвещенных наций, а отчасти и по политическим соображениям, ибо Турция оставалась главным стратегическим противником России, средневековое мракобесие осудило и правительство Николая I. Под давлением мирового общественного мнения Дамасское дело было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. Обвиняемые (те из них, кто оставался жив) были выпущены на свободу¹.

¹ Дамасское дело было забыто более чем на столетие. Однако с образованием государства Израиль оно было взято на вооружение экстремистскими силами арабского мира, которые снова и снова пускают его в ход в периоды обострения ближневосточного конфликта. Так, в 1984 году фельд-маршал Мустафа Тласс, в течение многих лет возглавлявший министерство обороны Сирии, но так и не снискавший славы на полях сражений, опубликовал воинственную книгу «Маца Сиона», основанную на тенденциозном изложении материалов Дамасского дела. Последней такой акцией, привлечшей внимание Запада, стала обширная статья влиятельного арабского публициста Аделя Хамуда — под названием «Еврейская маца, изготовленная из арабской крови», опубликованная в египетской правительственной газете «Аль-Ахрам» (28 октября 2000 г.). Приведя некоторые выписки из вырванных под пытками показаний арестованных по Дамасскому делу, автор объявляет, что евреи используют для изготовления мацы кровь не только христианских, но и мусульманских детей. Вдохновляемый племенной ненавистью публицист, в частности, пишет: «Если следовать предписаниям Талмуда, то правоверным евреям запрещено жить в городах, священных для евреев [Иерусалим, Хеброн и >

После этого давать ход труду Скрипицына было просто невозможно. Нет никаких данных о том, что царь Николай хотя бы прочитал им же инспирированное сочинение. Вряд ли на него обратили внимание и другие из считанных лиц, которым книга была вручена. А если бы обратили, то убедились бы, что, прокорпев девять лет на сытных генеральских харчах, автор с поручением государя императора не справился. Вместо того чтобы провести *сравнительный* анализ ритуальных обвинений, обстоятельств, при которых они возникали, и ритуальной практики иудеев, Скрипицын собрал в кучу все упоминания о кровавых наветах и судилищах, какие мог разыскать, изложил их в хронологическом порядке, снабдив каждый случай номером. Ни малейшей попытки оценить правдоподобность обвинений и достоверность источников, из которых они почерпнуты, Скрипицын не сделал. Многие из источников, на которые ссылаясь, он не видел в глаза, из-за чего в его работе оказалось много нелепостей. Так, он приводит цитаты из книги крещеного еврея Серафиновича, который никогда ничего не писал («Свидетельства» Серафиновича приведены в книге Пикульского, которую Скрипицын не держал в руках).

Многочисленные сообщения о гонениях на евреев в связи с обвинениями в ритуальных убийствах или только слухи о таких гонениях в «труде» Скрипицына превращены в *доказательство* того, что евреи фактически совершают ритуальные убийства. Вывод Скрипицына прост, как слеза замученного ребенка: «обвинение жидов в мученическом умерщвлении к Пасхе христианских младенцев невозможно считать призраком и суеверием, а должно убедиться, что обвинение это основательно, как равно и общее мнение о употреблении ими крови сих мучеников для каких-то таинственных чар». Иначе говоря, Скрипицын не проводит различия между мнением, молвой и юридически установленными фактами. Коль скоро их обвиняют, значит, они это делают!

Можно лишь вообразить, что произошло бы в николаевской России, если бы книге с зловещим названием «Розыскание о убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» и еще более зловещими выводами был дан ход как официальному правительственному документу. К счастью, этого не произошло, труд Скрипицына остался никому не известным.

Но — рукописи не горят! Через тридцать лет экземпляр «Розыскания» попал в руки некоему Ипполиту Лютостанскому, авантюристу-полюку, выдававшему себя за крещеного еврея и знатока Талмуда. Лютостанский подготовил обширную компиляцию из антисемитских

>>некоторые другие до тех пор, пока они хотя бы один раз не отведают мацы, испеченной на крови. В противном случае такие евреи приравниваются к идолопоклонникам, мусульманам и христианам, чью пищу им запрещено есть, о чьих добрых делах им запрещено говорить, на чьих дочерях им запрещено жениться и чьих надгробий им нельзя касаться, но чью кровь им можно пить». (Цит. по материалам вашингтонской организации Middle East Media and Research Institute, www.mamri.com).

ких пасквилей под названием «Талмуд и евреи», с которой явился к барону Гинцбургу — известному богачу, филантропу и ходатаю по еврейским делам. Авантюрист потребовал от него 50 тысяч рублей в обмен на обещание не публиковать свой «труд».

Когда шантаж не сработал, Лютостанский издал компиляцию в двух объемистых томах (1876), причем в один из них включил от собственного имени лишь слегка переиначенное «Розыскание».

Через два года после появления «труда» Лютостанского другой экземпляр «Розыскания» попал в редакцию газеты «Гражданин» и оно снова было перепечатано.² Страна была взбудоражена очередным ритуальным процессом, который проходил в Кутаиси, и газета жаждала открыть россиянам «правду» о евреях-кровопийцах. В предисловии к публикации указывалось, что воспроизводится текст книги, подготовленной много лет назад по заданию Николая I тайным советником В.В. Скрипицыным.

Побочным результатом этой публикации было раскрытие плагиата Лютостанского, но никакого ущерба ему это не причинило. Он многократно переиздавал свой труд, непрестанно пополняя его и доведя до шести толстенных томов (Своего рода рекорд, перекрытый только в наши дни О.А. Платоновым!). На такую продукцию был постоянный спрос, и Лютостанский неплохо на ней кормился, став первым *профессиональным* антисемитом в России.

² «Гражданин», 1878, № 23 — 28

Д.А. Хвольсон

Даниил Авраамович Хвольсон (1819 — 1911) родился в Вильне в бедной еврейской семье. Получил обычное религиозное воспитание. Страстно хотел учиться и в 22 года, без копейки в кармане, ушел пешком за границу.

В Германии он сдал экстерном за гимназический курс; окончил университет; овладел основными европейскими и древними языками; защитил докторскую диссертацию, посвященную древним религиям семитских народов. Вернувшись в Россию, продолжал разрабатывать ту же тему и издал большой труд, обеспечив себе прочное место в науке.

В 1855 году на Восточном факультете Петербургского университета открылась кафедра еврейской, сирийской и халдейской словесности. Серьезных соперников у Хвольсона не было, но занять кафедру он мог только ценой перехода в христианство, что он и сделал. Позднее он стал также профессором Петербургской духовной академии и Петербургской римско-католической академии, членом-корреспондентом Академии наук, почетным академиком. (Его сын Орест Даниилович Хвольсон стал выдающимся физиком, автором пятитомного учебника, по которому училось несколько поколений физиков России и других стран.)

В еврейской среде, крайне негативно относившейся к выкрестам, позднее бытовал анекдот: «Скажите, профессор Хвольсон крестился по убеждению или по принуждению?» — «Конечно, по убеждению. Он был убежден, что получать профессорское жалование в Петербурге лучше, чем умирать с голоду в черте оседлости!»

Но не исключено, что он искренне уверовал в божественное происхождение Иисуса Христа и смена религии была для него не жертвой и не компромиссом, а этапом личного духовного развития. Среди его научных работ есть исследование под названием «Последняя вечеря Иисуса Христа и день его смерти». Она написана в духе преклонения перед Христом, и в ней, — вероятно, впервые в науке — доказана непричастность еврейского народа к его казни. Католическая церковь признала это только в 1965 году, а Православная не признала до сих пор. На Западе этот труд Хвольсона переиздается и теперь.

Как бы то ни было, а Хвольсон оказался чуть ли не единственным христианином в России, который знал все тонкости религиозной жизни евреев, глубоко изучил еврейскую религиозную литературу и был способен прочитать и объяснить любой документ, так или иначе связанный с евреями, на каком бы языке тот ни был написан.

Когда Хвольсон стал профессором, уже несколько лет тянулось так называемое Саратовское дело о ритуальном убийстве. Оно напоминало Велижское, как и любое ритуальное дело. Обвиняемые

отрицали свою вину, но предубежденные следователи не сомневались в их виновности. Лжесвидетели путались в показаниях, то меняя их на противоположные, то вовсе отказываясь от них. В поисках доказательств следователи обращались к конфискованным у обвиняемых книгам, письмам, случайным бумагам, которые, однако, не могли прочитать. Обвинительный уклон следствия поощрял усердие не по разуму.

По повелению молодого государя Александра II была учреждена экспертная комиссия по Саратовскому делу, в которую ввели и профессора Хвольсона. Так ему представился случай глубоко исследовать не только это дело, но и ритуальную легенду вообще.

Иллюстрируя методы следствия, Хвольсон вспоминал трагикомический эпизод. В одной из конфискованных еврейских молитвенных книг была иллюстрация: обнаженный человек в короне с пятнами на теле сидит в ванне, которую тут же наполняют кровью младенцев, отбираемых свирепыми мужчинами у стенающих матерей. Подпись под иллюстрацией следователи прочесть не могли, но твердо уверовали — наконец-то они нашли то, что их предшественники искали столетиями: изображение ритуального заклятия христианских детей, сделанное самими евреями.

Картинку показали случившемуся в Саратове историку Н.И. Костомарову. Ученый с большой эрудицией и широким кругозором, Костомаров тотчас понял смысл нарисованного и объяснил, что это, скорее всего, иллюстрация к старинному еврейскому преданию, относящемуся ко времени египетского рабства, то есть за полторы тысячи лет до появления Иисуса Христа и христианства: пораженному проказой фараону врачи прописали ванну из крови еврейских детей, которую он и принимает.

Эта трактовка злополучного рисунка совпала с тем, что показывали на допросах сами обвиняемые. Казалось бы, вопрос ясен. Но следователям очень хотелось, чтобы дети на картинке были христианскими, а их убийцы евреями. Объяснение Костомарова они не приняли во внимание.

Позднее, когда книга попала в экспертную комиссию, Хвольсон не мог не расхохотаться. Он подтвердил заключение Костомарова и перевел подпись, не оставлявшую никаких сомнений относительно смысла рисунка. Книга была написана еврейскими буквами на испанском языке (ладино), так как, отпечатанная в Амстердаме, она предназначалась для испанских евреев (сефардов). Хвольсон сообщает, что подобные рисунки можно найти во множестве еврейских книг, ибо легенда о прокаженном фараоне широко известна, еврейские мальчишки с ней знакомятся в начальной школе¹.

¹ Д.А. Хвольсон. Употребляют ли евреи христианскую кровь? СПб., 1879, стр. 4 — 8; далее в ссылках: Хвольсон-2.

Все это не помогло. При направлении приговора на утверждение в высшие инстанции заключения экспертной комиссии к нему не приобщили, а графа Мордвинова в Государственном совете уже не было. «Ритуал» все-таки не прошел, но обвиняемые были осуждены за обычное убийство и сгинули на каторге. Хвольсон остался убежденным «перед Богом и всем светом, что обвинявшиеся тогда в Саратове евреи были невинны и что при гласном судопроизводстве они были бы безусловно оправданы»^{2,3}.

² Хвольсон-2, стр. 59.

³ Гласный суд был введен в России в 1864 году.

Святой Феодосий Печерский (слева), «более всех ненавидел жидов и хотел быть от них убитым за Христа».

Гавриил Романович Державин, поэт и государственный деятель, считал, что пока еврейский народ не оправдается в возводимых на него обвинениях в ритуальных убийствах, никакие жалобы от евреев не должны приниматься.

Святой Геннадий Новгородский, архиепископ, искоренял на Руси «ересь жидовствующих», хотя среди ее приверженцев не было ни одного еврея.

Монах Неофит, невежественный шарлатан и клеветник, выдававший себя за бывшего раввина, посвященного в тайные кровавые обряды иудаизма.

Николай Семенович Мордвинов, граф, адмирал, государственный деятель, доказал несостоятельность обвинений по Велижскому делу.

Царь Николай Первый — ритуалист на троне.

«Кнут или кошелек!» Карикатура французского художника Оноре Домье на антисемитскую политику Николая Первого.

Даниил Авраамович Хвольсон, профессор, член-корреспондент Академии Наук, крупнейший габраист своего времени.

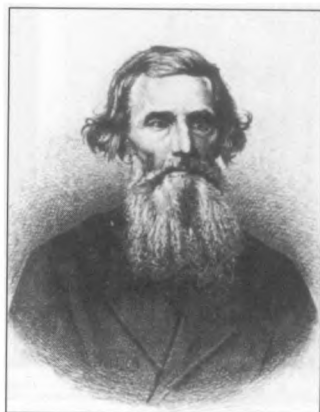
Николай Иванович Костомаров, историк и писатель.

Группа кутаисских евреев, обвинявшихся в ритуальном убийстве.

Федор Михайлович Достоевский в 1880 году. Он считал «отвратительным, что кутаисских жидов оправдали».

Владимир Иванович Даль.

Титульный лист книги В. В. Скрипицина, опубликованной в 1844 году – без указания имени автора.

Титульный лист той же книги, переизданной в 1913 году под измененным названием и под именем В.И. Далья.

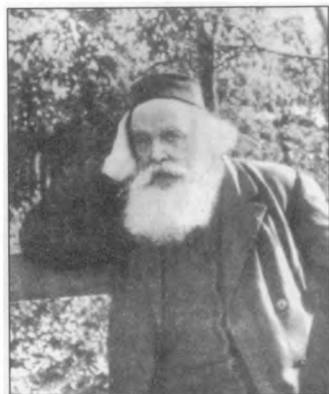
Ипполит Лютостанский, авантюрист-поляк, выдававший себя за бывшего раввина и знатока Талмуда. Первый профессиональный антисемит в России, сделавший клевету на евреев основным источником существования.

Павел Александрович Крушеван, издатель и редактор ряда антисемитских газет, вдохновитель Кишиневского погрома, первый публикатор «Протоколов сионских мудрецов» – самой кровавой книги двадцатого века.

Кишинев, 1903 г. Один из еврейских домов после погрома.

Сергей Александрович Нилус, с чьим именем обычно связывают распространение «Протоколов сионских мудрецов».

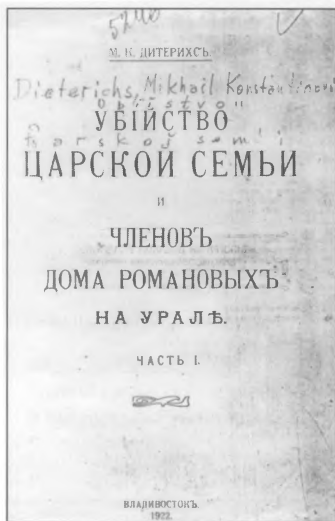
Василий Васильевич Розанов, один из наиболее популярных мыслителей и писателей Серебряного века, автор трактата «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови».

Священник Павел Флоренский, считающийся классиком русской философии Серебряного века. Фактический соавтор книги В.В. Розанова.

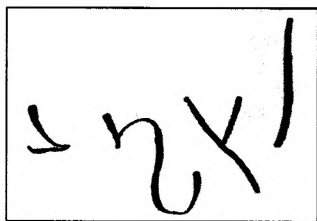
Рисунок головы убитого в Киеве Андруши Ющинского с наложенным на его височные раны «кабалистическим знаком», якобы подтверждающим ритуальный характер убийства. Рисунок взят из книги В.В. Розанова.

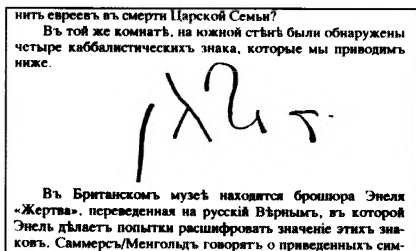
Титульный лист первого тома книги генерала М. К. Дитерихса – одного из трех первых сочинений об убийстве царской семьи.

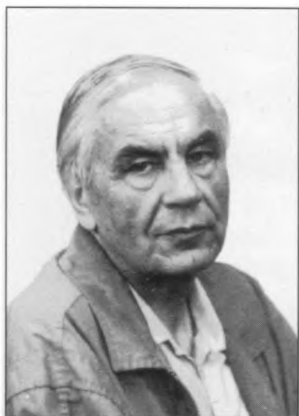
Николай Алексеевич Соколов, следователь по особо важным делам. Под руководством Дитерихса придал следствию по делу об убийстве царской семьи антисемитский уклон.

Непонятные значки (проба пера?), найденные следователем И.С. Сергеевым в подвале Дома особого назначения, где была расстреляла царская семья. Воспроизводится по книге Роберта Уилтона «Последние дни Романовых», 1920 г. Тройка генерала Дитерихса объявила эти значки «каббалистическими» и усмотрела в них подтверждение антисемитской версии цареубийства.

Те же якобы «каббалистические знаки» в книге современного автора П. Н. Пагануцци воспроизведены в перевернутом виде, но служат для той же цели.

Игорь Ростиславович Шафаревич, математик, академик, бывший диссидент, в чьей книге «Русофобия» антисемитская версия расстрела царской семьи доводится до объявления цареубийства «ритуальным актом».

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев).

Титульный лист книги П.Н. Пагануцци, в которой творчески «развивается» антисемитская версия цареубийства.

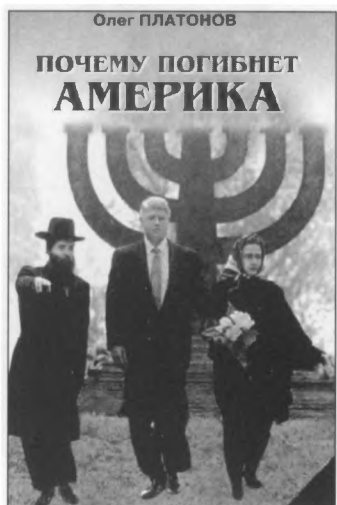
Виктор Аксючиц, «монархист умеренных национал-патриотических взглядов», с чьей помощью либеральный реформатор Борис Немцов возвел миф о ритуальном каннибализме евреев в предмет официальной озабоченности государственной власти.

Александр Проханов, писатель и издатель. Под его пером президент США Клинтон «ритуально» бомбит Ирак и Югославию.

Юрий Власов, прославленный спортсмен, а ныне видный политик национал-патриотической ориентации, несет миру благу весть о «ритуальном убийстве» евреями самой России.

Олег Платонов предвещает скорую гибель уже не только России, но и Америки от того же еврейского заговора.

Ефим Давидович Гохберг (1910-2000) – ветеран Второй мировой войны, полковник в отставке, один из наиболее активных и последовательных борцов с фашистскими тенденциями в политической и духовной жизни советской и пост-советской России.

Два выкреста

Неудача не обескуражила Хвольсона. Он продолжал разрабатывать тему и в 1861 году издал книгу «О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам». В 1880 году он выпустил второе, «совершенно переработанное» издание этого труда, пополнив его новыми или вновь добытыми материалами. По объему оно оказалось почти вдвое больше первого.

Работая над романом «Хаим-да-Марья», я тщательно изучил труд Хвольсона, благо второе издание имелось в Библиотеке имени В. И. Ленина. Позднее я заново просмотрел его по экземпляру Библиотеки Конгресса в Вашингтоне.

Книга поражает обширной эрудицией автора, безупречностью доказательств, сочетанием строгого академического стиля и прямоты, с которой этот христианин отстаивал честь и достоинство своих бывших единоверцев.

Хвольсон анализирует многие антисемитские мифы, развенчивая их один за другим, но основное содержание труда посвящено кровавому навету. Хвольсон объясняет, что религия запрещает еврею употреблять в пищу кровь — не только человека, но и животных. Случайно проглотить каплю собственной крови (слизнув, например, пораненную губу) для религиозного еврея считается страшным грехом. Правила ритуального убоя скота сводятся к тому, чтобы из животного вышла вся кровь; но и после этого хозяйки вымачивают мясо в соленой воде — все с той же целью: лишить его последних остатков крови.

Автор знает, где, когда и при каких обстоятельствах возникали дела о ритуальных убийствах и чем они заканчивались. В каких произведениях возводилась на евреев клевета об употреблении христианской крови и как исторически она переключивалась из одной клеветнической книги в другую, обогащаясь новыми подробностями, а то и искажаясь до неузнаваемости. Он знает биографии невежественных, а порой и умалишенных выкрестов, которые, выдавая себя за бывших раввинов, плодили фантазмагорические разоблачения «гайны крови». Он указывает, что в течение столетий около 150 евреев, перешедших в христианство, опубликовали антисемитские сочинения, но только пять или шесть из них наполнены фантазмагориями о ритуальных убийствах. Остальные либо не упоминают о них, либо решительно отвергают эти сказки.

«Я полагаю, что имел полное основание заявить о своем труде, что он составлен «по источникам», — писал Хвольсон, — так как при составлении его я исследовал не только еврейскую литературу, но мас-

су средневековых хроник и множество написанных на различных европейских языках сочинений, как враждебных, так и благоприятных евреям. Благодаря сношениям с некоторыми заграничными учеными я имел возможность получить оттуда самые редкие сочинения, рукописи и акты, имеющие какое-либо отношение к разбираемому мною вопросу. Не опасаясь быть нескромным, я могу сказать, что никогда этот вопрос не был исследуем так полно, основательно и всесторонне, как это было сделано мною. Нигде в моей книге не встречаются голословные, бездоказательные предположения: каждое слово в тексте подтверждается доказательствами, напечатанными внизу, в примечаниях, с точным обозначением цитируемых мест; важнейшие места приведены в подлиннике и снабжены русским переводом»¹.

Однако первое издание книги (1861) осталось незамеченным.

Гробовое молчание русского общества по поводу своего труда Хвольсон сравнивал с бурным успехом вскоре появившегося сочинения другого крещеного еврея — «Книги кагала» Якова Брафмана. Прочно забывтая за советский период, «Книги кагала» взята на вооружение современными «национал-патриотами». В новом издании она появилась на книжных прилавках Москвы. Ее текст перепечатан также в упомянутом фолианте О. Платонова².

Брафман не был невеждой или помешанным вроде «бывших раввинов», таких, как монах Неофит или Серафинович, на авторитет которых опираются В. Скрипицын, Лютостанский и их современный последователь О. Платонов, который даже воспроизводит полный текст книги Неофита³. Брафман, перешедший в христианство в 34-летнем возрасте, знал древнееврейский язык, знал повседневную жизнь евреев и мог бы правдиво рассказать о ней русскому обществу. Но он использовал свои знания для клеветы. «Употребление христианской крови» он обошел молчанием: не стал компрометировать себя такой нелепостью. Мишенью своих атак он избрал «кагалы», то есть систему самоуправления еврейских общин, которую долгое время поддерживала царская администрация как удобный институт для взимания налогов. Кагалы были упразднены в 1843 году, но Брафман утверждал, что они продолжали тайно существовать и начальствовать над еврейскими общинами, а рядовые евреи не могли выйти из-под их власти под страхом смерти. Таким образом, под концепцию коллективной вины евреев подводилась теоретическая база. Еврейский народ предстает как спянная общими преступлениями конспиративная организация, из которой даже при желании невозможно вырваться.

Кагалы у Брафмана наделены невероятным могуществом, направленным на подрыв христианского государства и на порабощение

¹ Хвольсон-2, стр. 8 — 9.

² Платонов-1, стр. 529 — 740.

³ Платонов-1, стр. 748 — 754.

христианского населения. В неоформленном виде здесь присутствует идея «еврейского заговора», нашедшая свое полное развитие уже в XX веке, в «Протоколах сионских мудрецов».

Тщетно евреи пытались опровергнуть эту клевету. Повествование об их зловещих тайнах пленяло публику. «Книга кагала» многократно переиздавалась, обсуждалась в печати и служила основным источником знаний о евреях для русского общества. Она оказывала воздействие на сознание россиян не только прямо, но и отраженно, например через знаменитую статью Ф. М. Достоевского «Еврейский вопрос», из которой видно, что автор читал Брафмана и с доверием относился к его рассказам.

«Как бы ни был добросовестен и правдив защитник евреев — его не хотят слушать: слова его остаются гласом вопиющего в пустыне. Напротив, наиболее лживому и недобросовестному обвинителю — все рукоплещут. Книгу Брафмана «О кагале» у нас все читали, а об основательном и веском на нее возражении г. Шершевского никто и не слышал», — с горечью писал Хвольсон⁴. (Признаюсь, я тоже не слышал о Шершевском, и только работая над этими очерками, отыскал его книгу в Библиотеке Конгресса.)⁵

Хвольсон указывал, что среди тысяч образованных и добросовестных евреев, переходивших в христианство, было немало подлинных знатоков еврейских традиций и текстов. Были среди них и бывшие раввины — подлинные, а не мнимые; некоторые из них заняли видное положение в церкви. Но они не клеветали на евреев, и их труды оставались незамеченными. Зато как только появлялся очередной Неофит, его признавали «бывшим раввином» и авторитетом.

«Кто причиняет евреям зло, тот достигает больших почестей» — говорит древнееврейское изречение, справедливость которого подтверждается во многих случаях и в настоящее время», — с горечью писал Хвольсон.⁶

⁴ Хвольсон-1, стр. 9.

⁵ Шершевский И. И. О «Книге кагала». СПб., Тип. Скарятин, 1872.

⁶ Хвольсон-2, стр. 9.

Полемист

С особым блеском ученый разбирал сакраментальный вопрос о сектах. Он подчеркивал, что при возбуждении ритуальных процессов обвинители, как правило, исходили из того, что «тайна крови» — это важнейший догмат иудаизма, обязательный для всех евреев. Когда же материалы следствия все очевиднее показывали абсурдность этих представлений, обвинители хватались за слово «секта». Да, говорили они, иудаизм несовместим с ритуальными убийствами, но ведь может существовать тайная изуверская секта, в которой учение иудаизма извращается и перетолковывается наоборот! Вот к этой секте, возможно, принадлежат обвиняемые по данному делу.

Такой довод казался убедительным не только Николаю I. Существование изуверской иудейской секты, исповедующей «догмат крови», допускал и упоминавшийся выше историк Н. И. Костомаров, с которым Хвольсону пришлось вступить в полемику. Настаивая на своей правоте, которую он считал доказанной «можно сказать, математически», Хвольсон писал: «Евреи всегда отрицали и теперь еще отрицают существование среди них тайной секты, и во всей еврейской литературе нет и следа ее, что признают и злейшие враги евреев. Возможно, следовательно, одно из двух: или евреи действительно не знают о существующей в их среде секте, или же они знают о ней, но молчат и даже защищают отвратительных сектантов. Но оба предположения одинаково невозможны. Первое потому, что во все течение средних веков, и в иных странах даже до нынешнего времени евреи жили весьма тесно и скученно в особых кварталах, называемых гетто, в узких и густо застроенных улицах. Если бы между ними была секта или отдельные личности, которые ежегодно или по крайней мере нередко крали и убивали христианских детей, то это не могло бы оставаться тайной для остальных евреев в течение 500 лет, в особенности когда часто повторявшиеся обвинения и следовавшие за ними страшные преследования давали им достаточный повод к разысканию подобных злодеев. Предположить же, что евреи знали о существовании подобной секты и умышленно умалчивали о ней, невозможно, потому что евреи, как это достаточно доказано исторически, преследовали в течение столетий всякую возникавшую среди них секту, в каких бы несущественных пунктах она ни отличалась от остального иудаизма, и при том преследовали всеми возможными средствами и при помощи светских властей. Почему же бы они именно в отношении к этой такой отвратительной секте, которая была в течение веков причиной стольких несчастий для всего еврейства в Европе, почему к ней евреи были не только толерантны, но даже особенно расположены? Почему они всеми силами старались защи-

щать обвиняемых и даже увековечили в молитвах память тех, которые пали мучениками этого обвинения?»¹

Когда Хвольсон изучал кровавый навет, еще не существовало психоанализа и он не мог рассмотреть вопрос с фрейдистских позиций. Это было бы весьма поучительно, ибо легенда об «употреблении христианской крови» — не что иное, как перенос на еврея собственных тайных вождедений антисемита.

Евреи отказались от человеческих жертвоприношений за две тысячи лет до большинства европейских народов. Этот колоссальный по своему религиозно-нравственному значению акт запечатлен в книге «Бытие», где повествуется о том, как Бог явился Аврааму и потребовал, чтобы тот принес в жертву своего сына Исаака, но в последний момент отменил это требование, предложив заменить человеческую жертву ягненком. Язычников же человеческие жертвы культивировались вплоть до принятия христианства в V - X веках и позже. Сознание язычников было населено сонмом различных божеств, добрых и злых, которых следовало задабривать человечиною.

Но и после принятия христианства злые духи не исчезли. Они преобразились в бесов, чертей, ведьм, вампиров, колдунов, сказочных персонажей вроде Бабы Яги и Кошца Бессмертного, которыми наполнены предания многих европейских народов. Достаточно вспомнить «Фауста» Гёте, «Руслана и Людмилу» Пушкина, «Вия» Гоголя и многие другие классические произведения литературы XVIII - XIX веков, чтобы понять, какую важную роль в народном сознании играли злые духи, требовавшие человеческих жертв и высасывавшие из них кровь!

Христианство осудило человеческие жертвы как страшный грех, но атавистическая склонность к кровавым оргиям не исчезла. Она подавлялась, вытеснялась в подсознание. А затем переносилась на еврея — нехриста, а, стало быть, и антихриста. Ему так просто, так удобно приписать, в нем так легко материализовать собственные постыдные и тайные побуждения!

Сизумительной художественной силой эту тьму подавленного подсознания словно лучом прожектора высветил Ф.М. Достоевский в отрывке из «Братьев Карамазовых», частично взятом эпитафией к этим очеркам. 14-летняя Лиза Хохрякова, не по годам развитая, гордая, страшно одинокая девочка, чьи чувства до предела обострены неразделенной любовью то ли к Алексею, то ли к Ивану Карамазову, потрясена вычитанным в какой-то книжонке рассказом о ритуальном процессе над «жидом», якобы замучившим четырехлетнего мальчика. После этого ей снится сон, будто это она сама мучала ребенка, да еще наслаждалась его страданиями, запивая их любимым ананасовым компотом. Страшный сон обнажает перед Лизой самые тем-

¹ Хвольсон-2, стр. 60 — 61.

ные закоулки ее собственной души, в которой, оказывается, гнездится тайная садистская страсть к мучительству и убийству, о чем она, ненавидя себя за греховные побуждения, сообщает Ивану, а затем Алексею Карамазовым, вызвав сардонический смех у первого (он ведь и сам в душе садист и убийца) и глубокое сострадание у второго. Ни у автора, ни у его героев не возникает вопроса – а что же «жид», привлеченный к суду за убийство ребенка? Может быть, он невиновен? Каково ему в этом случае? На вопрос Лизы, совершают ли евреи ритуальные убийства, Алеша спокойно отвечает «не знаю» – это он-то, который, по замыслу Достоевского, благодаря своей религиозной просветленности прозревает почти все явные и тайные движения души человеческих, он-то, способный понять и простить всякого!

Презрение к незащитному иноверцу, над которым можно безнаказанно измываться, совмещалось с мистическим ужасом перед ним: ведь вопреки всем гонениям он продолжал держаться своего образа жизни и своей «басурманской» веры. Бесы, колдуны, носители несчастий материализовались в еврее, тайно пожирающем невинных младенцев...

Когда возникло Кутаисское дело (1879) и над евреями снова навис дамоклов меч кровавого навета, Хвольсон, по его словам, явился к «одному высокопоставленному лицу» и вручил свою книгу. По совету «лица», он отправил на Кавказ почти все оставшиеся экземпляры первого издания книги и решил ее переиздать, включив накопившийся за 20 лет новый материал. А для широкой публики издал популярную брошюру.

В обеих работах обнаруживается его яркий талант не только исследователя, но и полемиста.

Так, цитируя высказывание Лютостанского о том, будто Талмуд – «это не что иное, как историческое доказательство той ненависти, какую евреи питают к христианству с самого момента его появления в мире», Хвольсон пишет: «Не следует ли, после сказанного Лютостанским, полагать, что по крайней мере на каждой странице Талмуда речь идет о христианах?» Но «в двадцати фолиантах Талмуда находятся только немногие места, составляющие вместе около одной страницы, в которых идет речь о Христе, о некоторых апостолах и о христианах вообще»².

Объяснив, что в тех местах, где все-таки говорится о христианах, по отношению к ним нет никакой враждебности, а все враждебные комментарии относятся к идолопоклонникам, Хвольсон продолжает:

«Правда, не все евреи это поняли, и какой-нибудь средневековый раввин, не знавший христианства и судивший о нем лишь по внешним проявлениям, не сознавал различия между христианами и язычниками.

² Хвольсон-1, стр. 123.

Но в этом не Талмуд виноват, а мы сами, так как мы не задавали себе труда ознакомиться с евреев с сущностью нашей религии. Огнем и мечом и жестокими гонениями всякого рода *заставляли* мы евреев креститься; мы отнимали у них детей, мы таскали мужчин и женщин за волосы по улицам Лиссабона и в других местах и крестили их насильно. Но с кроткими поучениями в духе божественного Основателя нашей религии мы к ним не обращались. Если поэтому кто-нибудь из евреев не мог нас отличить от язычников, то не Талмуд, а мы сами в этом виноваты. Мы обращались с ними не как христиане, исповедующие религию любви, а как язычники, и не знакомили их с сущностью нашей веры. По нашей вине заурядный еврей не имеет понятия, что по крайней мере 4/5 христианского катехизиса вполне согласны с учением его раввина»³.

Приведя одну из цитат, общих для обоих российских «специалистов» по «тайне крови», Скрипицына и укравшего его текст Лютостанского, Хвольсон прокомментировал ее так: «Здесь что ни слово, то бессмыслица. Упоминаемый здесь «Раваше» (должно читать рабб Аши) жил не в Иерусалиме, а в Суре на Евфрате, в южной Месопотамии. Он жил не несколько десятилетий после распятия Спасителя, но в начале V века по РХ. Книгу «Рамбам» Раваше не мог читать, потому что такая книга никогда не существовала и не могла существовать; «Рамбам» не есть заглавие книги, но сокращенное имя знаменитого еврейского ученого и философа XVII века, именно рабби Моисея Бен-Маймона (Маймонида): из заглавных букв его имени (Р-М-Б-М.) образовалось имя Рамбам... Сочинений этого ученого, бывшего лейб-медиком Саладина и жившего в XIII столетии] по РХ, не мог читать раввин, живший 700 лет до него»⁴.

Чтобы еще нагляднее показать русскому читателю чудовищное невежество авторов этой нелепицы, Хвольсон продолжал:

«Представьте себе, что кто-нибудь написал бы историю России и русского народа и в ней сказал бы примерно следующее: «Владимир Св[ятой] имевший местопребывание в Манчестере, заключил союз с Александром Македонским и императором Юстинианом для завоевания Сахары, послал затем своего сына Ивана Грозного в Ташкент, откуда при его помощи изгнали Наполеона Бонапарта»⁵.

Но шуточный тон не характерен для его брошюры.

«В другое время я, быть может, посмеялся бы над этой бестолковщиною; но у меня выступает краска стыда на лице — при одной мысли о том, что подобная нелепость была напечатана в 1876 году [Лютостанским], и не у готтентотов, а у нас, на святой Руси. И такую нелепость 30 лет тому назад [в виде «Розыскания» В. В. Скрипицына] у нас представили монарху»⁶.

³ Хвольсон-1, стр. 125.

⁴ Хвольсон-2, стр. 42-43.

⁵ Хвольсон-2, стр. 41 — 42.

⁶ Хвольсон-2, стр. 43.

Хвольсон не только разъясняет всю степень нелепости написанного Скрипицыным и попользовавшимся его трудом Лютоостанским, но точно знает, откуда эти нелепости «срисовал» сам Скрипицын: во-первых, из книги монаха Неофита, а во вторых, «эта бессмыслица почерпнута из ... книги Пикульского, который опирается на свидетельство ... Серафиновича ... утверждавшего о себе, что он был даже главным раввином всей Литвы, и заявившего, между прочим, что евреи на Литве употребляют ежегодно 120 штофов христианской крови»⁷.

Комментируя труд «бывшего раввина» Неофита, Хвольсон останавливается на том месте, где тот с умным видом сообщал, что «тайна крови» известна — не всем евреям, а только особо посвященным: «знают ее, конечно, только раввины, хахамы и *фарисеи, кои называются у евреев хасидимами*» (курсив Хвольсона. — С.Р.). «Это похоже на то, — пишет Хвольсон, — как если бы кто-нибудь сказал: «епископы, архимандриты и православные христиане, кои называются духоборцами, знают или делают ту или другую вещь». Не покажется ли подобная фраза смешною или даже безумною каждому разумному человеку? Ведь в таком случае, скажет каждый, выходит, что православные христиане называются духоборцами, между тем как последние составляют отдельную секту»⁸.

Далее он объясняет, что учение фарисеев (как отличное от учения саддукеев) существовало в еврейской истории со II века до нашей эры по II век нашей эры, после чего саддукеи исчезли, а понятие «фарисей» слилось с понятием «еврей» и тоже перестало существовать. Хасиды же — это представители нового течения, возникшего только в середине XVIII века и распространившегося среди части евреев Польши и России. То есть между появлением хасидов и исчезновением фарисеев пролегло семнадцать столетий. Но если не считать фарисеев исчезнувшими, так как *все* современные иудеи придерживаются их учения, то хасиды относятся к ним, как часть к целому. Куда ни кинь, все клин: высказывание Неофита совершенно бессмысленно. Стоит ли удивляться, что, по «авторитетному» мнению этого «бывшего раввина», хасиды упивались христианской кровью за пятьсот и более лет до возникновения самой их секты!⁹

Одну за другой приводит Хвольсон нелепости Серафиновича, изложенные Пикульским и послужившие основой для труда Скрипицына. Как сообщил Пикульский, Серафиновича полтора года содержали в больнице как умалишенного — закованным в цепи, чтобы не мог сбежать. Там он и взмолился христианскому Богу, пообещав принять святое крещение, если тот освободит его от оков. Это якобы и произошло. И тогда он стал фантазировать о еврейских

⁷ Хвольсон-2, стр. 43.

⁸ Хвольсон-1, стр. 130.

⁹ Хвольсон-2, стр. 131.

преступлениях, в которых будто бы сам участвовал. Серафинович свидетельствовал — а Пикульский наивно зафиксировал в своей книге, — что он лично убил христианского ребенка, пырнув его ножом в бок, из которого брызнула кровь, *белая, как молоко*.

Хвольсон не обходит молчанием и западных коллег Скрипицына — Лютостанского, в особенности наиболее свежую в то время работу католического профессора Ролинга «Der Talmud-jude» («Еврейский талмуд»). Хвольсон ясно показывает, что Ролинг никогда в глаза не видел Талмуда, как и Лютостанский. Приводимые им обширные цитаты он переписал из книги некоего Эйзенменгера, чье имя, конечно, ничего не говорит современному читателю, как и читателям прошлого века, но Хвольсону оно было хорошо известно.

Он рассказывает, что Эйзенменгер жил в Германии во второй половине XVII века, был иезуитом и профессором восточных языков Гейдельбергского университета. Однако языки — древнееврейский и халдейский, которые ему приходилось преподавать, — он знал плохо и изучить их самостоятельно был неспособен. Чисто иезуитскими методами он втерся в доверие к местным евреям, уверив их в своей расположенности и даже в намерении принять иудаизм. С их помощью он стал знакомиться с еврейской жизнью, языком и обычаями. Он нанял малообразованных выкрестов, и они подрались переводить для него обширные отрывки из еврейских книг. Их переводы изобиловали неверными транскрипциями названий и отдельных слов, причем неправильности соответствовали особенностям произношения, характерного для волынских евреев, из чего Хвольсон заключает, что помощники Эйзенменгера были родом с Волыни.

Опираясь на этот сомнительный материал, Эйзенменгер двадцать лет корпел над своим «трудом жизни». Когда содержание его книги стало известно, то оно так переполошило и евреев, и христиан, что князь-архиепископ майнцкий обратился к германскому императору с настоятельной просьбой о запрещении этой книги. По его характеристике, «будучи вызвана злыми побуждениями, книга эта должна найти гибельные последствия и даже нанесет вред католической религии»¹⁰. Аналогичное представление сделал императору курфюрст ганноверский Георг-Людвиг (будущий король Англии Георг I). Протестовали, конечно, и евреи. В результате отпечатанный тираж книги был конфискован и уничтожен (уникальный случай в истории христианской Европы, когда гонениям подверглись не еврейские книги, а антисемитская!).

Эйзенменгер сумел сохранить несколько экземпляров, которые готов был уступить евреям за 30 тысяч талеров (узнаем почерк Лютостанского!), но сделка не состоялась.

¹⁰ Хвольсон-1, стр. 136.

Перехитривший самого себя иезуит умер от огорчения в 1704 году, и только через семь лет его наследникам удалось добиться отмены запрета. Книга была издана в Кенигсберге.

«Творческий метод» Эйзенменгера, рассказывает Хвольсон, состоял в том, что с помощью вольных выкрестов он «перерыл всю еврейскую литературу с единственной целью отыскать что-нибудь во вред евреям. С этой же целью перерыл он также много средневековых хроник, извлекая из них, без всякой критики, обвинения против евреев в отравлении колодцев, осквернении св. Причастия, детоубийстве и т.д. При всей ограниченности ума он при этом поступал, однако, с особенною хитростью и лукавством. Он вырывал фразы из их связи с предыдущим и последующим, отчего затемнял их смысл и значение. Иногда он прибавлял в переводе какого-нибудь места одно только словечко и этого было достаточно, чтобы место получило враждебный евреям смысл. Некоторые места, сами по себе совершенно невинные, он сумел так исказить, что они стали вполне пригодными для его целей»¹¹.

Труд Эйзенменгера стал дойной коровой для последующих поколений таких же шарлатанов, вплоть до Ролинга и — добавлю от себя — более поздних.

В 1897 году появилось увесистое сочинение московского присяжного поверенного А. С. Шмакова под названием «Еврейское зеркало», которое оказалось вольным переводом с немецкого труда приват-доцента католической духовной академии в Мюнстере доктора Эккерта под названием «Еврейское зеркало в свете истины». Появлению этого труда предшествовала любопытная история, начало которой восходит к 1883 году, когда в Германии было опубликовано сочинение некоего доктора Юстуса под длинным названием «Еврейское зеркало, или 100 новооткрытых, доселе действующих, сношения между евреями и христианами относящихся, законов, снабженных в высшей степени интересным введением». В этом труде, составленном по рецептам Эйзенменгера, злостно искажались основные положения Шулхан-Аруха (краткого изложения Талмуда, составленного в XVII веке в Венеции раввином Иосифом Каро), с тем, чтобы изобличить евреев как ненавистников христиан, которым их религия якобы позволяет их обманывать, овладевать их имуществом, третировать как скотов. Труд был разрекламирован германскими антисемитскими изданиями, в особенности «Вестфальским Меркурием», который объявил никому не ведомого доктора Юстуса крупнейшим в Германии знатоком еврейской литературы и перепечатал больше половины его сочинения. На проверку оказалось, что под именем доктора Юстуса скрывался малограмотный румынский еврей, принявший протестантство, а затем католиче-

¹¹ Хвольсон-1, стр. 137.

ство, Арон Бриман. Он, между прочим, снабжал переводами еврейских текстов профессора Ролинга. Осев в Вене, он вскоре предстал перед судом за подлог, был осужден на два месяца тюрьмы с последующей высылкой из Австрии, после чего его след затерялся.

Редактор «Меркурия» был привлечен к суду — на основании закона, запрещавшего возбуждать одну часть населения против другой¹². Два эксперта, представившие свои заключения по делу, резко разошлись в оценках сочинения доктора Юстуса. Если учитель еврейской семинарии Трей заключил, что в книге не содержалось ни единого слова правды, то приват-доцент Эккер доказывал, что, напротив, все написанное Юстусом — правда.

Вскоре Эккер издал свое экспертное заключение в виде книги, в которой привел все 100 «законов» в изложении Юстуса, сопроводив их подлинными еврейскими текстами и своими дословными переводами. Простое сопоставление текстов демонстрировало злостный и крайне недобросовестный характер «переводов» Юстуса, но Эккер в своих комментариях обелял проходимца, упрекая его лишь в том, что он допускал некоторые второстепенные ошибки и неточности, причем ненамеренно.

Вот это сочинение и предложил русским читателям А. С. Шмаков, причем во многих случаях в своем переводе с немецкого он еще больше усиливал антисемитское звучание текстов Юстуса и комментариев Эккера.

«Труд» Юстуса — Эккера — Шмакова был подвергнут тщательному анализу Н.А. Переферковичем, одним из крупнейших знатоков еврейской литературы в России, перу которого, кстати, принадлежал перевод на русский язык Талмуда. В своей обстоятельной работе¹³ Переферкович изложил подлинный смысл еврейских законов об иноверцах, попутно раскрывая технологию их искажения Юстусом — Эккером — Шмаковым. Увы, и этот труд остался на задворках общественного сознания России, тогда как Шмаков стал одним из самых видных идеологов русского антисемитизма, а затем и фашизма. Его сочинения, выходявшие одно за другим, обеспечивали теоретическую базу Союзу русского народа и всему черносотенному движению. Шмаков играл ведущую роль в главных антисемитских процессах своего времени. В 1903 году он оказался в числе защитников тех, кто был привлечен к суду по делу о Кишиневском погроме, а в 1913 году оказался на скамейке гражданских истцов в процессе Бейлиса.

Д.А. Хвольсон в конце 70-х годов XIX века не мог предвидеть этих грядущих битв, но, думается, он их интуитивно предвосхи-

¹² Аналогичный закон существовал и в России, но постоянно игнорировался.

¹³ Н.А. Переферкович. Еврейские законы об иноверцах в антисемитском освещении. Разбор «Еврейского зеркала», переведенного А. Шмаковым. Издание второе. СПб., 1910, стр. 92.

шал. Горячее сочувствие к своим без вины виноватым соплеменникам сочеталось в его сердце с глубоким стыдом за своих безжалостных единоверцев.

«Ненависть евреев к христианам есть не более, как фантазия, призрак, и уж по самой большей мере, во время особенного огорчения, кулак в кармане. Напротив, ненависть христиан к евреям есть, к сожалению, нечто действительное, положительное, стоившее евреям много и очень много жертв. Если еврей и ненавидит иногда христианина, то он ненавидит его *не как христианина*, но как своего *гонителя*, который относится к нему с ненавистью, насмешками и презрением»¹⁴.

Выпуская в свет второе издание своего труда, Хвольсон был преисполнен надежд. Он полагал, что его голос будет наконец услышан и ему удастся «уничтожить в России ... опасный предрассудок, жертвою которого сделалось столько невинных. Если мне это удастся, тогда я скажу: «я не даром жил на свете»¹⁵. Увы, доводы, основанные на «ума холодных наблюдениях и сердца горестных заметах», были восприняты очень немногими. Значительную часть российского общества ласкали иные мелодии.

«Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут несомненно они виноваты», негодовал в частном письме не какой-нибудь злобный негодяй вроде Лютостанского или Шмакова, а Федор Михайлович Достоевский, столь, казалось бы, глубоко умевший сочувствовать униженным и оскорбленным, сам познавший царскую каторгу, на которую загремели бы «кутаисские жида», если бы их признали виновными. И Достоевский был не одинок.

«Мысль моя, коли хотите, может быть выражена двумя словами: «Жид идет!» Понятно ли?.. Мы одрябтели, распустились, обращаемся в какую-то размазню, а жид стоит крепко; и крепок он, во-первых, силой своей веры и, во-вторых, физиологической силой крови... Жид — везде жид, и норовит в мутной воде ловить рыбу, будет ли эта мутная вода называться биржей, прессой, продовольствием армии, парламентом или революцией. Остановить торжественное шествие жида невозможно; для этого, повторяю, в обществе «европейской цивилизации» нет надлежащих сил; ствол, обратившийся в труху, не создаст свежих отпрысков; он — «жертва, обреченная жидовству», потому что сам всем складом новейшей жизни допустил развиться этому паразиту на своем теле».

Эта филиппика принадлежит перу В. В. Крестовского (1840 — 1895), весьма популярного и очень широко читавшегося во второй половине прошлого века писателя. Цитату я заимствую у Олега Платонова¹⁶, который приводит ее по изданию «Русская трибуна. Вестник Союза национального освобождения» (1.6.1923), но

¹⁴ Хвольсон-1, стр. 209, курсив автора. — С.Р.

¹⁵ Хвольсон-1, стр. 16.

¹⁶ Платонов-1, стр. 284.

указывает, что первоначально эти погромные строки были опубликованы в журнале «Русский вестник» в 80-е годы прошлого столетия, то есть вскоре после второго издания труда Хвольсона. Симптоматично, что ради обличения жидовской «проказы» писатель-патриот изображает «прокаженной» саму Россию и всю европейскую цивилизацию. Никому, однако, не приходит в голову обвинить его в русофобии или христианофобии — ни тогда, когда он это писал, ни теперь, когда О. Платонов приводит его писания в качестве образчика того, что «волновало многих мыслящих людей России»¹⁷.

И действительно — волновало! И продолжает волновать. В конце XIX века публика нарасхват раскупала лихо написанные романы Крестовского, иллюстрировавшие те же идеи. И то же повторялось в конце XX столетия, но уже в гораздо большем масштабе. В Москве переиздана в двух толстых томах трилогия В. Крестовского «Тьма египетская—Тамара Бендавид—Торжество Ваала» (М., Камея, 1993). Ее двухсоттысячный тираж был распродан мгновенно. И это при полном крахе книжного рынка и обнищании населения!

¹⁷ Платонов-1, стр. 283.

Крушеван. Оскал фашизма

Павел Александрович Крушеван (1860 — 1909), молдавский аристократ и русский патриот, был образованным, не лишенным дарования литератором. Он был неутомим и полон энергии. Родившийся за год до отмены крепостного права, он с болью наблюдал за гибелью «вишневых садов» и ростом капиталистических отношений, что неукоснительно вело к эрозии дворянства, к которому он принадлежал, и самодержавного строя, который он обожал.

Около двух десятилетий после убийства народовольцами Александра II в стране царило относительное спокойствие, но это было затишье перед новой бурей. С приближением XX века на небосклоне общественной и государственной жизни России появились грозные тучи. Теперь они предвещали не только выстрелы террористов, но рабочие забастовки и демонстрации, крестьянские бунты и полыхание помещичьих усадеб, все более громкие требования конституции и гражданских свобод.

Видя, что общество настроено против власти, Крушеван понимал, что она сама, обычными полицейско-бюрократическими методами, не сможет совладать с ситуацией. Режиму требовалась поддержка народа, хотя бы его части. Чтобы ее обеспечить, народу надо было объяснить, что его враг — не царь, не помещик, не околоточный надзиратель, а сбивающие его с толку смутьяны, подкупленные или в свою очередь сбитые с толку погубителями России и всего христианского люда.

Крушеван ринулся выполнять эту задачу, уверенный, что для святой цели пригодны любые средства — от лома и револьвера до клеветы и подлогов. Когда спасаешь отечество, не думаешь о том, чтобы сохранить белизну перчаток.

Основав в родном Кишиневе газету «Бессарабец», а позднее еще одну газету, «Знамя», в Петербурге, Павел Александрович стал открывать народу глаза на еврейское коварство, еврейское засилье, еврейскую эксплуатацию, на то, как евреи «захватывают» русскую прессу и русскую биржу, русскую землю и промышленность, русскую медицину и адвокатуру, как надругаются над православными святынями, разлагают русскую духовность, упиваются кровью христианских младенцев.

Убиенный младенец подвернулся весной 1903 года. Им оказался 14-летний подросток Михаил Рыбаченко из города Дубоссары, чей труп, страшно обезображенный расклевавшими его птицами, был

найден в заброшенном саду через несколько дней после исчезновения мальчика.

Миша был убит ударом полена по голове. Убийцей скорее всего был его двадцатилетний двоюродный брат. Отправляя кузена на тот свет, он рассчитывал, что наследство, которое их дед отписал младшему внуку, достанется ему, старшему. Это позднее установило следствие. Но пока оно производилось, газета Крушевана изо дня в день публиковала леденящие душу подробности об изуверских истязаниях, которым евреи подвергали мальчика в темном подвале, совершая над ним бесовские обряды. Так между убийством Миши Рыбаченко и обнаружением его убийцы «пролегла кровавая кишиневская Пасха», как писал В. Г. Короленко.

В моей книге «Кровавая карусель», написанной еще до эмиграции в 1980 — 1981 годах и вышедшей в свет в Вашингтоне (изд-во «Вызов», 1988) и в Москве (изд-во «ПИК», 1991), я подробно рассказываю о зловещей роли Крушевана в событиях, связанных с Кишиневским погромом 1903 года. В послесловии к московскому изданию книги историк Владлен Сироткин написал, что ему как русскому человеку «тяжело и больно» было читать книгу. Это замечание вызвало отповедь известного национал-патриота Вадима Кожина, который обвинил Сироткина в опорочивании русского народа, так как тот называет Крушевана Павлом Александровичем. Этим-де «преследуется... цель скрыть тот факт, что Крушеван принадлежал к знатному молдавскому роду, чем очень гордился, и носил чисто молдавское имя Паволаки (а не Павел)»¹. В обоих случаях он умалчивает о том, что в моей книге подробно говорится о происхождении Крушевана, так что автору послесловия не было нужды это повторять.

Кожин, конечно, известно, что Павлом Александровичем именовал себя сам Крушеван, что свои произведения он писал на *русском* языке, наполненные ядом ненависти газеты издавал тоже *на русском*, что делал свое черное (черносотенное!) дело во имя *русского* патриотизма и *русской* государственности. Другой современный национал-патриот, что помоложе и понаглее, нисколько не стыдится духовного родства с вымазанным еврейской кровью молдаванином. Олег Платонов до небес превозносит «*русского* писателя и выдающегося общественного деятеля Павла (Паволакия) Александровича Крушевана» (курсив мой. — *СР*), торжественно декларируя, что «еврейские бандиты из тайных организаций неоднократно пыггались его убить, однажды даже серьезно ранили из-за угла², но не смогли запугать»³.

¹ В. Кожанов. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М., «Прима В», 1995, стр. 104). В своей последней книге Кожанов повторяет те же выпады (В. Кожанов. Россия, век XX. М., «Алгоритм», 1999, стр. 120.

² На самом деле на Крушевана было совершено неудачное покушение еврейским юношей Пинхусом Дашевским, который слегка оцарапал ему шею. Эпизод описан в моей книге «Кровавая карусель».

³ О. Платонов. Терновый венец России. Загадка сионских протоколов. М., «Родник», 1999, стр. 230 — 231; далее в ссылках Платонов-2.

В публикациях Крушевана кровавый навет и прочие антисемитские мифы обрели качественно новое содержание. Манипулируя темными страстями толпы, играя на ее вековых предрассудках, Крушеван и близкие ему идеологи не просто вымещали злобу к «неверным». Целью натравливания масс на евреев стало создание широкого движения для упрочения и обновления изжившего себя режима. Иначе говоря, бытующие в народе предрассудки по отношению к евреям, становились гремучей смесью, использовавшейся в политической борьбе в самом русском обществе.

Это был ранний, еще не оформившийся, но уже несомненный *фашизм*, причем в самой крайней его ипостаси — в ипостаси *нацизма*.

Существуют разные определения фашизма — не столько потому, что он «многолик», сколько из-за того, что фашизм, как и каждое крупное историческое явление, может рассматриваться с разных точек зрения. В контексте этих очерков под фашизмом понимаются все формы целенаправленного культивирования и использования общественных предрассудков по отношению к национальным и/или религиозным меньшинствам *в политических целях*. Проще говоря, традиционный антисемитизм — это предрассудок, более или менее широко распространенный в обществе. Когда этот предрассудок сознательно культивируется и используется для завоевания или укрепления политической власти, то это *фашизм*, а в экстремистской форме — *нацизм*.

Еще в конце прошлого века поэт и религиозный философ Владимир Соловьев с тревогой писал о том, что нагнетание антисемитизма ведет к «моральному одичанию» русского народа.

Вот такого морального одичания сознательно добивался «патриот» Крушеван, когда инспирировал Кишиневский погром, а потом и другие погромы, ибо только морально одичавшему народу можно навязать фашизм. В своей газете «Знамя» Крушеван впервые напечатал «Протоколы сионских мудрецов» — эту «главную ложь столетия», ставшую позднее Библией гитлеровского нацизма.

В «Протоколах» концепция коллективной вины евреев освобождается от религиозных пут. Евреи по *крови* и их пособники («масоны») превращены в строго законспирированную всемирную организацию, подчиненную своему тайному правительству и стремящуюся коварными методами покорить мир и установить свое нераздельное господство над всеми народами.

Именно к этому в первую очередь стремится фашизм. Фокус в том, что свои собственные политические цели фашисты приписывают евреям, всячески раздувают ненависть к ним и, опираясь на эту ненависть, развязывая борьбу с «еврейским заговором», идут к достижению своей цели.

Публикацией «Протоколов» Крушеван прочно закрепил за собой приоритет на фашизм и нацизм, которые появились в России почти

за два десятилетия до возникновения самых этих течений в Италии и Германии.

Крушеван входил в число создателей первой нацистской политической партии России — Союза русского народа, и возглавлял его Бессарабское отделение. Он был депутатом второй Государственной думы. Под его крылом вызревал и мужал другой, еще более известный лидер раннего русского фашизма, В.М. Пуришкевич.

После спада революционной волны Крушеван с удвоенной энергией повел контрнаступление на те ограниченные свободы, которые в ходе революции 1905 года удалось вырвать у царя. Он готовился к новым сражениям с «еврейским заговором», и кто знает, каких бы еще побед достиг, если бы не внезапная смерть от сердечного приступа в 1909 году.

Однако умерло только *тело* Павла Александровича Крушевана. *Дело* его продолжало и продолжает жить.

В дореволюционной России социальный эксперимент, столь многообещающе начатый Крушеваном, Шмаковым, Пуришкевичем, не был доведен до конца. Инициативу у русских фашистов перехватили большевики. Зато в постсоветской России фашизм рвется к реваншу. Под барабанный бой наследников Крушевана и Гитлера в нее вернулись и кровавый навет в его традиционных и нетрадиционных формах, и «Сионские протоколы». Достойное место в рядах занял и сам первопроходец русского фашизма-нацизма Павел Крушеван.

В фолианте, посвященном «Протоколам», Олег Платонов воспроизводит страничный портрет Крушевана, подкрепленный его «бессмертным» высказыванием: «Программа завоевания мира евреями [изложенная в «Сионских протоколах»] не бред душевнобольного, а строго обдуманый жестким умом евреев план, часть которого, как мы видим, уже осуществлена»⁴. Сказанное фашистом *начала* века автор подкрепляет столь же авторитетным заявлением *конца* века. Оно принадлежит недавно почившему митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну (Снычеву): «Важно не то, кем они [«Сионские протоколы»] были составлены, а то, что вся история XX века с пугающей точностью соответствует амбициям, заявленным в этом документе»⁵. Между двумя высказываниями никакого противоречия нет: то, что во времена Крушевана осуществилось только «частично», к концу века сбылось «с пугающей точностью».

⁴ Платонов-2, вклейка с портретом П. А. Крушевана между стр. 384 и 385; в более просторном виде та же цитата повторена на стр. 232.

⁵ Платонов-2, вклейка перед титульным листом.

Василий Розанов и Павел Флоренский

Хронология подвела нас к Делу Бейлиса (1911 — 1913). Если Д.А. Хвольсон противостоял кровавому навету почти в одиночку, то в политической и общественной борьбе, завязавшейся вокруг этого дела, против средневекового мракобесия выступила почти вся интеллектуальная Россия. Сотни ученых, писателей, юристов, общественных деятелей поняли или почувствовали, что на карту поставлена судьба не одного Менделя Бейлиса и даже не всего российского еврейства, а самой России. Они сознавали, что от исхода этого дела зависело, смогут ли самодержавие и черная сотня надеть на страну железный намордник, или власть должна будет пойти на дальнейшие уступки требованиям времени. Протестуя против ритуального навета, общественность России, в сущности, выступала против фашизма.

Общественное мнение разделилось на две неравные части, причем на стороне здравого смысла, терпимости и гуманности оказалось куда больше интеллектуальной мощи, чем на стороне черной сотни, которую в наши дни старательно пытаются облагородить патриоты типа Кожинова и Платонова. Но ритуалистов поддерживала государственная машина империи с ее полицией, тюрьмами, секретными службами и секретными фондами. «Патриоты» клеймили всех противников кровавого навета как прихвостней евреев и врагов России. Борьба шла на всех уровнях — политическом, общественном, юридическом, в сфере религии, морали, науки.

Одним из эпизодов этой борьбы был скандал в Петербурге в религиозно-философском обществе, вызванный статьями известного писателя, литературоведа и религиозного философа Василия Васильевича Розанова.

В. В. Розанов (1856 — 1919) был глубоким знатоком творчества Ф. М. Достоевского и по складу своего характера и мышления был близок наиболее сложным героям великого романиста, — не таким, как князь Мышкин или Алеша Карамазов, а таким, как Иван Карамазов, Петр Верховенский, Великий Инквизитор, тем, кто с двойным и тройным дном.

Наделенный незаурядным литературным талантом и абсолютной нравственной глухотой, Розанов в своих произведениях, написанных в жанре «исповедальной» прозы, с поразительным бесстрашием обнажал самые темные закоулки своей души, не терзаясь, однако, своими несовершенствами, а демонстративно бравируя низкими поступками и помыслами своего «лирического героя». Нередко его

публикации шокировали публику, но ему самому это доставляло несомненное удовольствие. Он жаждал известности, славы хотя бы ценой скандала.

В связи с делом Бейлиса Розанов взялся доказывать, что евреи все-таки употребляют христианскую кровь и что Андрюша Ющинский был убит именно ими и именно для вицеживания крови.

Очень скоро он дошел до крайнего предела интеллектуального цинизма. Даже «Новое время» — ведущая консервативно-антисемитская газета, в которой он был постоянным сотрудником, — отказалась печатать некоторые статьи, так что их приходилось публиковать в непотребных черносотенных листках — петербургской «Земщине» и киевском «Двуглавом орле».

Статьи вызвали негодование, которое и провоцировал Розанов. Но на этот раз оно оказалось столь сильным и всеобщим, что Розанов этого не ожидал. Большинство членов Религиозно-философского общества сделало заявление, что не может работать с ним в одной организации, так что он больше не мог в нем показываться. Даже самые горячие почитатели его таланта, многолетние друзья прекратили с ним всякие отношения, перестали подавать руку.

Уже после окончания процесса, проигранного фашистами, уязвленный Розанов продолжал размахивать кулаками. Он переиздал статьи в виде отдельной книжки, снабдив их дополнениями, комментариями и примечаниями. От грязи, в которой он себя вымазал, он так и не смог отмыться до конца жизни.

В контексте событий, развернувшихся вокруг Дела Бейлиса, это был мелкий эпизод. Однако в сегодняшней России произведения Розанова и его личность вызывают жгучий интерес. Его книги издаются самыми престижными издательствами, изучаются, превозносятся как классические, комментируются, рецензируются в ведущих изданиях.

«Сейчас Розанов — один из наиболее популярных мыслителей и писателей Серебряного века», — констатирует В.А. Фатеев, автор статьи о нем в издании энциклопедического типа «Русские писатели. XX век. Библиографический словарь», выпущенном под редакцией директора Института русской литературы (Пушкинский дом) Н. Н. Скатова¹.

Книга Розанова по делу Бейлиса имеет весьма выразительное название: «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». В ней Розанов доказывает, что иудаизм строго запрещает своим адептам употреблять в пищу какую-либо кровь. Простой логический вывод из этого положения ясен, но Розанову ближе «диалектическая» логика. Он делает заключение, что иудаизм придает крови особое, священное значение, так что кровь должна играть в ритуалах иудейской религии чрезвычайно важную роль. А если так, то в некоторых

¹ М., «Просвещение», 1998. Т. 2, стр. 276.

секретных обрядах религия должна *предписывать* употребление крови. То есть свой исходный тезис Розанов доводит до антитезиса — совсем как Великий Инквизитор у Достоевского.

Хитроумные извороты мысли подкрепляются «фактическими данными» о якобы сакральном смысле для иудеев числа тринадцать и «каббалистическими» диаграммами, которые сопоставляются с расположением тринадцати ранок на виске Андриюши Ющинского. Текст сопровождается рисунками и затем делается вывод: ранки были нанесены строго определенным образом — стало быть, по требованию секретного ритуала. Все те, кто, прикрываясь гуманными соображениями, выгораживает евреев, — это изверги рода человеческого, которым наплевать на страдания христианского великомученика Андриюши Ющинского!

(О том, какое реальное значение имели ухищрения «жесткого ума» Розанова, говорит то, что профессор В. М. Бехтерев, давая показания на суде в качестве эксперта, на основе анализа анатомических препаратов заключил, что на виске Ющинского было четырнадцать колотых ран, а не тринадцать.)²

Само название книги Розанова говорит о ее расистском характере, ибо обоняние и осязание — это не из области религиозных верований и ритуалов, а из области биологии. По Розанову, евреи составляют особую биологическую породу людей, наделенных особыми свойствами, которые делают их ненасытными кровопийцами.

...В литературе по германскому нацизму обычно подчеркивается, что гитлеровский антисемитизм отличался от традиционного тем, что опирался на расовую теорию. Русские предшественники Гитлера тоже не довольствовались только религиозным «обоснованием» ненависти к евреям. Концепцию расовой несовместимости евреев с остальными народами можно найти и у Крушевана, и у Шмакова, и у публициста «Нового времени» М. Меньшикова, и у другого публициста той же газеты, А.А. Столыпина (брата П.А. Столыпина), который писал в нашумевшей статье:

«Необходимо понять, что расовые особенности так сильно отграничили еврейский народ от всего человечества, что они из них сделали совершенно особые существа, которые не могут войти в наше понятие о человеческой натуре. Мы можем их рассматривать так, как мы рассматриваем и исследуем зверей, мы можем чувствовать к ним отвращение, неприязнь, как мы чувствуем к гиене, к шакалу или пауку, но говорить о ненависти к ним означало бы их поднять к нашей ступени... Распространение в народном сознании понятия, что существо еврейской расы не то же самое, что другие люди, а подражание челове-

² Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. II, стр. 274; далее в ссылках: Стенограмма.

ку, с которым нельзя иметь никакого отношения... История знает о вымирающих племенах. Наука должна поставить не еврейскую расу, а характер еврейства в такие условия, чтобы оно сгнуло»³. Трудно после этого говорить о приоритете Гитлера на расовую теорию. (Впрочем, в самой Германии у него тоже хватало предшественников, таких, как Дюринг, Штеккер, Чемберлен и другие.)

Но наиболее «обоснованно» в России расовая теория была выражена именно в книге Розанова. Причем, не только им самим, но и в письмах к нему, которые он опубликовал в приложении под псевдонимом Омега.

Этим таинственным корреспондентом оказался известный священнослужитель и публицист отец Павел Флоренский⁴. Он рисует поистине апокалиптические картины гибели всего мира, пожираемого ненасытной скверной еврейства. Флоренский пишет, а Розанов — с его согласия — публикует следующее: «Жиды всегда поворачивались к нам, арийцам, тою стороною, на которую мы, по безрелигиозности своей, всегда были *падки*, и затем извлекали выгоды из такого положения. Они учили нас, что все люди равны, — для того, чтобы сесть нам на шею; учили, что все религии — пережиток и «средневековье» (которого они, кстати сказать, так не любят за его цельность, за то, что тогда умели с ними справиться), — чтобы отнять у нас нашу силу — нашу веру; они учили нас «автономной» нравственности, чтобы отнять нравственность существующую и взамен дать пошлость. Если бы они хотели нас иудаизировать — это было бы лишь полгоря. Но в том то и дело, что они прекрасно понимали и понимают ценность всякого религиозного начала и наконец его народообъединяющую мощь и потому *свое* религиозное начало, в его тайнах и в его глубинах, таят про себя. Полновесное зерно для себя, а мякину — нам, «скотам», по их воззрениям»⁵.

И там же знаменательный постскриптум: «Что же мы *называем* еврейством(?) Израиля, — мужскую и даже отчасти только главную мужскую линию роста. Однако от *каждой* линии, как мужской так и женской, в каждом существе ее отделяются боковые отпрыски — новые женские линии, из которых очень многие *смешиваются кровью с иными народами*, и, оставаясь фактически еврейскими, ибо еврейская кровь *необыкновенно* сильна, перестают *называться таковыми*. Таким образом, еврейство, не нося этого имени, внедряется все глубже и глубже в массу человечества и корнями своими прорастает *всю* человеческую толщу. Секрет иудейства — в том, что есть чисто иудейское, чистокровное, и около него, — с невероятной быстротой иудаизирующаяся «шелуха» прочих народов. Теперь в мире нет ни одного народа, совершенно свободно-

³ «Новое время», 1911, 5 октября.

⁴ См. Ефим Курганов. Павел Флоренский и евреи. «Русский еврей», 1999, № 2 (11), стр. 22 — 24.

⁵ В.В. Розанов. Сахарна. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. Собрание сочинений под общей редакцией А.Н. Николожкина. М., изд-во «Республика», 1998, стр. 363 — 364, *курсив автора*.

го от иудейской крови, и есть еврейство с абсолютно несмешанною кровью. Итак, есть евреи, полуевреи, четверть-евреи, пятая-евреи, сотая-евреи и т.д. И вот каждый народ с каждым годом увеличивает процент еврейской крови, то есть разжижается в своей самобытности. Еврейство представляет какой-то незыблемый центр, к которому, вдоль радиусов, неумолимо скользят все прочие народы. Следовательно утешаться сравнительной немногочисленностью евреев — это значит забывать, что у евреев не один ствол, — под этим *именем* слывущий, но еще сотни и тысячи побочных *ответвлений*, и при том растущих и множасьихся *ускоренно*... Хотя и сравнительный процент чистокровных евреев растет, но с ужасающей, головокружительной быстротой растет число внедрений еврейства в человечество. И, рано или поздно, процент еврейской крови у всех народов станет столь значительным, что эта кровь окончательно заглушит всякую иную кровь, съест ее, как кислота съедает краску. А для этого, вы сами знаете, отнюдь не требуется процента значительно... Даже ничтожная капля еврейской крови ... придает всей структуре души чекан и закал еврейства»⁶⁷.

Сколько же адской злобы клокотало в душах этих якобы христианских журналистов, философов, священников, способных на такие рассуждения, причем злобы отнюдь не религиозной, а стопроцентно атеистической, биологической, и не только к евреям, но ко всему роду человеческому, «разжижаемому» «сильной еврейской кровью». По сравнению с этими рассуждениями проповеди Гитлера и Геббельса могут показаться образцами терпимости и гуманности.

⁶ В эпоху «развитого социализма» советский агитпроп, мурлыча об интернационализме, исподволь проповедовал те же концепции. В 1978-м или 79-м году мне в составе группы писателей довелось побывать в воинских частях на Дальнем Востоке. Помню, как политрук одной такой части объяснял нам агрессивные намерения китайцев: «Если они придут, они всех мужчин уничтожат, а женщины нарожают от них китайчат. Китайская кровь сильная; если китаец спит с русской, дети — стопроцентные китайцы». Когда я мягко возразил, что такие представления несовместимы с законами генетики, так как ребенок получает половину генов от отца, а другую половину от матери, политрук на минуту был озадачен, но затем, отбросив сомнения, жестко ответил: «Что вы мне говорите! К нам профессор из Москвы приезжал, лекцию читал — у них кровь сильная!»

⁷ Ук соч, стр. 364, *курсив автора*.

Потревоженная тень Александра Меня

Процесс Бейлиса до сих пор не дает покоя российским ритуалистам. Похоже, они не утратили надежды взять реванш за поражение, которое потерпели в 1913 году. К 80-летию процесса, в 1993 году, «неожиданно» для российских либералов, но вполне предсказуемо были изданы и распространены книги Г. Замысловского «Убийство Андриюши Ющинского» и «Умученные от жидов», «Международное тайное правительство» А. Шамова, «Тайна крови у евреев» И. Пранайтиса. Все три автора играли ведущую роль на процессе Бейлиса на стороне обвинения. Первые двое были «гражданскими истцами», формально представляя интересы матери убитого Андрея Ющинского, а фактически — интересы черной сотни. Ксендз И. Пранайтис был привлечен обвинением в качестве эксперта по религиозным вопросам. За отсутствием образованных православных теологов, готовых поддержать кровавый навет, пришлось удовольствоваться католиком, к тому же с весьма подмоченной репутацией: за финансовые махинации Пранайтис был лишен прихода в родной Литве и на процесс приехал из Ташкента, где отыскался для него захудалый католический приход.

Их прочно забытые фальсификации возродились в постсоветской России, как феникс из пепла, тогда как работы, «освещавшие процесс Бейлиса под иным углом зрения», продолжали оставаться в туне, о чем с недоумением писала либеральная пресса, ничего, однако, не сделавшая, чтобы изменить это положение¹. Таким образом, значительная часть россиян сегодня либо ничего не знает о Деле Бейлиса, либо знает то, что может почерпнуть у Розанова, Пранайтиса, Замысловского или знакомого нам доктора исторических наук Олега Платонова. В приложении к одному из своих фолиантов он публикует «Обвинительный акт о мещанине Менахеме-Менделе-Тевьеве-Бейлисе»², игнорируя тот факт, что изложенные в этом акте обвинения были полностью опровергнуты в ходе судебного разбирательства. Для пущей выразительности Платонов присовокупляет подзаголовок, гласящий: «Историческое дело о ритуальном убийстве киевскими хасидами христианского мальчика Андрея Ющинского 12 марта 1911 года»³. Достаточно заглянуть в стенограмму процесса⁴, чтобы убедить-

¹ Виталий Свинцов. «Пьют ли евреи христианскую кровь?» «Новое Время» (Современный журнал «Новое время» либерально-демократического направления не следует путать с дореволюционной газетой под таким же названием.), 1993, № 39, стр. 31.

² Платонов-1, стр. 755 — 785.

³ Платонов-1, стр. 755.

⁴ Дело Бейлиса. Стенографический отчет. К., 1913, Т. 1, стр. 17.

ся, что такого подзаголовка там нет. Платонов дает ссылку на *другой* источник «Вильно, 1911». Совершенно очевидно, что Обвинительный акт, составленный в 1913 году, не мог быть опубликован в 1911-м. Разве что речь идет о первом обвинительном заключении, которое, под давлением вновь открывшихся фактов, самой же прокуратурой было отозвано. В любом случае это апокриф, Платонов публикует его, не делая никаких оговорок. Эта липа закономерна: ни один ритуалист не может обойтись без фальсификаций.

Продолжая держать руку на пульсе процесса Бейлиса, ритуалисты снова и снова возвращаются к нему, дабы ни на минуту не иссякал горячий фонтан крови, источаемой ненавистными «жидами». Одна из последних попыток паразитировать на этом процессе предпринята в 1999 году доктором исторических наук Петром Ланиным. Его работа объемом в 45 страниц большого формата помещена в Интернете. Поводом для нее автор избрал забытое интервью священника Александра Меня журналу «Евреи и христианство», недолго выходявшему в самиздате в середине 70-х годов.

В «застойные» годы Александр Мень был одной из наиболее интересных фигур в среде московской неконформистской интеллигенции. Это было время, когда все больше людей освобождалось от оков партийного мышления. Те, кто искал духовную опору в религии, тянулись к таким людям, как отец Александр, и он охотно шел им навстречу, ведя душевные беседы и знакомя с христианством, как он его понимал.

Заметную часть среди этого поколения богоискателей составляли евреи. Многие из них были настолько ассимилированы в русской культуре, что православие представлялось им более близким, нежели иудаизм, и отец Александр, еврей по происхождению, был для них подлинной находкой, служа им вдохновляющим примером и становясь их наставником.

Деятельность Александра Меня вызывала настороженность среди другой части евреев, которые полагали, что если уж обращаться к религии, то своих предков, а не их гонителей.

С другой стороны, у Александра Меня было немало трудностей с партийным и церковным начальством. Их раздражала независимая позиция неординарного священника, его интеллектуальное превосходство, либеральное толкование религиозных догм, уклонение от мелочной опеки, а больше всего то, что он столь широко распахивает двери православия перед евреями. Определенные церковные круги видели в этом диверсию, направленную на «разжижение» устоев православия изнутри.

Популярность Александра Меня еще больше возросла в годы гласности, когда он стал выступать с публичными лекциями, давать интервью теле- и радиостанциям, когда в продаже появились его книги. Одновре-

менно усилились и нападки на него, становившиеся все более агрессивными и откровенно антисемитскими.

Во время публичных выступлений Александру Менью часто подавали записки с одним и тем же вопросом: «Кто вы по национальности?» Зачитывая такую записку, он неторопливо откладывал ее в сторону и ровным голосом отвечал:

– Успокойтесь, пожалуйста, я еврей.

В 1990 году Александр Мень был зверски убит среди бела дня, когда шел в свою церковь к заутрене. Убийство это до сих пор не раскрыто, но мало у кого вызывает сомнение, что оно носило политический характер. Другой священник, отец Лазарь, пытавшийся организовать независимое расследование этого дела, вскоре тоже был убит — у себя на квартире.

Почти через десять лет после этой трагедии доктор наук Петр Ланин решил потревожить тень Александра Меня, вытащив на свет Божий его забытое интервью. Вопрос, на который ему пришлось отвечать, касался «умученных от жидов» святых Русской православной церкви, в частности знакомого нам Евстратия. Интервьюер спрашивал, «не является ли это одним из препятствий для пребывания евреев-христиан в лоне Русской православной церкви».

В ответ либеральный священник выразил надежду, граничившую с уверенностью, что указанные святые будут деканонизированы. Он подчеркнул, что «ни одно официальное постановление Православной церкви не поддержало ритуальных наветов на еврейство. На процессе Бейлиса, — продолжал Александр Мень, — выдающиеся православные богословы (такие, как гебраист профессор Троицкий) решительно опровергли эти измышления... Под влиянием общественного возмущения Бейлис был оправдан судом присяжных»⁵.

Приведя это высказывание, автор статьи язвит: «Суды в старой России, оказывается, тоже «организовывались», как и у нас, в «доброе большевистское время», присяжные же выносили приговоры в согласии с «общественным мнением», хотя им полагалось бы сообразоваться с данными судебного разбирательства. Нам кажется, что пришло время внести в эту историю ясность»⁶.

Для внесения ясности замечу, что с обстоятельствами дела Бейлиса Александр Мень был знаком в общих чертах. На время процесса присяжные были изолированы от внешнего мира: им не разрешалось читать газет и общаться с кем-либо, кроме нескольких лиц, приставленных к ним в виде прислуги. Роль прислуги исполняли переодетые жандармы. Таким образом, общественное мнение не могло прямо воздействовать на присяжных, а вот об-

⁵ Петр Ланин, «Александр Мень и Дело Бейлиса». Интернет, <http://www.interest.ru/sotnia/text/0030.htm>, стр. 1-2.

⁶ Там же, стр. 2.

винители Бейлиса могли и воздействовали: получая ежедневные донесения о том, какими впечатлениями обмениваются между собой присяжные, обвинители корректировали свои действия. Но никакие ухищрения, никакие нарушения закона не помогли. Присяжные вынесли оправдательный приговор не под каким-либо посторонним влиянием, а на основании того, что видели и слышали в зале суда, где защитники Бейлиса, с помощью многочисленных свидетелей и экспертов разбили все фальсифицированные доводы обвинения. Так что Александр Мень действительно высказался неточно.

Но Петр Ланин вносит другую «ясность». Избирательно цитируя и перетолковывая некоторые места из трехтомной стенограммы процесса, он представляет дело так, будто наиболее весомыми и неотразимыми были именно доводы обвинения, а наиболее авторитетным экспертом был ксендз Пранайтис.

А ведь Петр Ланин знает, что Пранайтис не мог ответить на большинство вопросов, исходивших не только от защитников Бейлиса, но и от его обвинителей. Так, гражданский истец А.С. Шмаков зачитал несколько строк из библейской книги «Царств» и спросил: «Как надо это понимать?»

«Пранайтис молчит» зафиксировано в стенограмме.

Другой вопрос Шмакова: «Так вот, вы, отец Пранайтис, признали, что у сынов Израилевых постановлено было выкупить каждого первенца?»

Пранайтис: «Не помню».

Шмаков зачитывает отрывки из библейской книги «Исход», затем спрашивает: «Вот я прошу вас объяснить, почему в одном месте говорится, что во всех жилищах ваших не ешьте ни из птиц, ни из скота, а тут говорится, что назначил ее вам для жертвенника?»

Пранайтис: «Не знаю, не могу ответить».

Следует еще серия вопросов.

Пранайтис: «Не знаю»⁷.

Степень невежества «эксперта» Пранайтиса соперничала только со степенью его наглости. На вопрос защитников Бейлиса о том, как он, католический священник, может поддерживать кровавый навет, многократно осужденный в буллах Римских пап, являющихся непогрешимым авторитетом для каждого католика, Пранайтис ответил, что никаких булл никогда не было, а все опубликованные тексты — это еврейские фальсификации. В ответ на это шокирующее заявление защита потребовала запросить Ватиканский архив о предоставлении заверенных копий булл (а российский посланник при ватиканском дворе получил секретное предписание задержать присылку этих копий до окончания процесса).

⁷ Стенограмма, Т. II, стр. 332 — 333

Когда защита попросила эксперта показать в Талмуде и других книгах те места, где якобы говорится об употреблении христианской крови, на выручку «эксперту» бросился сам председатель суда Болдырев, заявивший, что эксперта нельзя экзаменовать. Защитник О. Грузенберг возразил: «По закону, допрос эксперта производится в том же порядке, как допрос свидетеля. Свидетелю, по закону, могут предлагаться вопросы, которые клонятся к доказательству того, что его показания неправильны, ошибочны, а бывает и иное. Мы не занимаемся экзаменом гг. экспертов, а мы говорим, чтобы эксперт указал, где это есть в книге, это недолго посмотреть».

Пранайтис: «Я оставил свои книги. Есть книги, которые пишутся целиком, и есть книги, которые пишутся с пропусками. Есть Талмуд полный, а в позднейших изданиях есть пропуски»⁸.

Когда же защита заявила, что имеет при себе *все* издания Талмуда, включая самые древние и редкие, прижатый к стене Пранайтис признал, что с еврейской литературой знакомился не по первоисточникам, а по писаниям «величайшего авторитета, именно Эйзенменгера, который считается величайшим знатоком еврейских сочинений и который долгое время работал над тем, чтобы издать все подлинные тексты»⁹.

Так шарлатан Эйзенменгер воплотился в шарлатане Пранайтисе, чье выступление на суде Петр Ланин считает более убедительным, чем профессора Троицкого! Выслушавшие обоих присяжные заседатели составили иное суждение.

Если Пранайтис на процессе Бейлиса оказался святее Папы Римского, то современный доктор исторических наук в «патриотическом» рвении оказывается святее Патриарха Алексия II. Во время визита в Соединенные Штаты в ноябре 1991 года у патриарха состоялась встреча с группой американских раввинов; выступая перед ними, он, понятно, говорил о веротерпимости и при этом напомнил: «Во время печально знаменитого суда над Бейлисом эксперты нашей Церкви — профессор Киевской Духовной академии протоиерей Александр Глаголев и профессор Петербургской Духовной академии Иван Троицкий твердо защищали Бейлиса и решительно высказались против обвинения евреев в ритуальных убийствах».

Приведя эту тираду Алексия II, Петр Ланин оспаривает в ней почти каждое слово. Он *не согласен* с тем, что процесс Бейлиса назван «печально знаменитым». Он *уличает* патриарха в ошибках, так как профессор Глаголев не выступал на суде, а только «прислал письменное показание», а профессор Троицкий хотя и выступал «в защиту еврейства» (слова из песни не выкинешь!), но не произвел «особого впечатления» на присяжных¹⁰.

⁸ Стенограмма, Т. II, стр. 337.

⁹ Стенограмма, Т. II, стр. 337.

¹⁰ Ланин, стр. 44.

Ни одно выступление главы Русской православной церкви не подвергалось столь ожесточенному поношению со стороны национал-патриотов, как на встрече с раввинами в Нью-Йорке, хотя это был только «ритуальный» дипломатический жест, ни разу не повторенный в самой России. «Патриоты» никак не могут простить патриарху сам факт встречи с раввинами. А между тем хорошо известны куда более серьезные прегрешения патриарха перед Богом и своей паствой. В годы гласности открылось, что свою долгую церковную карьеру Алексей II (Редигер) делал не столько служением Богу, сколько службой в КГБ. С 1958 года он состоял секретным сотрудником под агентурным именем Дроздов¹¹. Однако неприятностей для патриарха эти разоблачения не создали. К гебистскому прошлому главы русского православия патриоты, как и либералы, относятся с «пониманием». Никто не говорит, что КГБ, наштабиовав своими агентами церковный олимп, разлагал православие изнутри. В «разлагателях» числятся лишенный сана диссидент Глеб Якунин да зверски убитый нонконформист Александр Мень. Патриарху с агентурной кличкой Дроздов не прощается только несколько примирительных слов по отношению к евреям.

Свою версию Дела Бейлиса Петр Ланин подкрепляет ссылками на самые неотразимые авторитеты. В их числе и «замечательный представитель серебряного века русской культуры» В.В. Розанов, чье «воскрешение из 80-летнего забвения» якобы только «намечается в наши дни, хотя и робко»¹², и «известный русский ученый» Владимир Иванович Даль, чья «Записка о ритуальных убийствах» «только в 1913 году, то есть в год Киевского процесса» «стала впервые известна ... широкому читателю»¹³.

Поскольку с писаниями Розанова мы уже разобрались, перейдем к Далю.

¹¹ См. Глеб Якунин. Подлинный лик Московской патриархии, Москва, 1994.

¹² Там же, стр. 19.

¹³ Там же, стр. 26 — 27.

Владимир Даль.

«Редчайшая редкость»

В то время когда Александр Мень, считая кровавый навет досадным недоразумением в церковной истории, говорил о скорой деканонизации «умученных от жидов» святых, мне, наоборот, стало ясно, что обвинения евреев в ритуальных убийствах скоро вновь зазвучат в полный голос.

Правда, в официальных советских средствах информации такие крайние формы манифестации антисемитизма не допускались: слишком уж они расходились с доктриной интернационализма, как бы ни выхолащивалось ее содержание. Но в обывательском сознании легенда о том, будто евреи замешивают в пасхальные опресноки христианскую кровь, продолжала жить. Я сам, как уже упоминалось, в начале 50-х не раз слышал подобные рассказы от ребят моего двора на одной из шпанистых московских окраин. А моя жена, уже в 70-е, слышала такие же толки от своих сослуживиц во вполне интеллигентном московском НИИ.

Впитали ли ее товарки эти воззрения с материнским молоком или вычитали в антисемитском самиздате, судить не берусь. Знаю только, что тогда уже ходила по рукам объемистая рукопись: «Записка о ритуальных убийствах» Владимира Даля (1801 — 1872).

Достать эту самиздатскую работу мне тогда не удалось, но с ней познакомился один мой приятель. Он сказал, что книга перепечатана с издания 1913 года и в ней приводятся многочисленные случаи убийства евреями христианских младенцев.

Меня эта информация задела нравственно и профессионально. Если Владимир Даль был автором такой книги, то мне как минимум надлежало об этом знать!

Разочарование интеллигенции в официальной коммунистической идеологии, о котором я говорил выше, толкало ее не только к религии. Усилился интерес к «проклятому прошлому», а в этом прошлом отталкивало то, что поддерживалось официальной пропагандой как прогрессивное и революционное. Белинский, Чернышевский, Герцен вызывали в лучшем случае пренебрежение. И тем больше привлекали деятели культуры, не входившие в святцы большевизма, такие, как Даль. Его прекрасно написанная биография, изданная редакцией серии «Жизнь замечательных людей», в которой я работал¹, вызвала большой интерес. Как редактор книги я помогал автору доводить ее «до ума» и дал ей путевку в жизнь. Даль в ней пред-

¹ В. Порудоминский. Владимир Даль М., «Молодая гвардия», 1971.

ставлен умным, честным, справедливым, совестливым, широко мыслящим, крайне ответственным человеком. И вот оказалось, что он приложил руку к распространению злобного мракобесия!

При первом же посещении Библиотеки имени Ленина я попытался найти «Записку» Даля издания 1913 года, но в каталоге она не значилась. То же повторилось в Исторической и других библиотеках. Стало ясно, что если такая книга существует, то она упрятана в спецхраны и без особого разрешения не выдается.

На такого рода ограничения я уже наталкивался. Видимо, действовал запрет, введенный еще в первые послереволюционные годы. Так, книг А.С. Шмакова в каталогах не числилось; с его «трусами» мне приходилось знакомиться по публикациям в черносотенной периодике, которая, как ни странно, имела в открытых фондах.

За разъяснениями я обратился к автору книги о Дале, с которым поддерживал дружеские отношения (продолжающиеся и сегодня).

Владимир Порудоминский написал много книг о деятелях русской культуры XIX века — о писателе Гаршине, хирурге Пирогове, художниках Брюллове, Ге, Ярошенко, поэте Полежаеве, собирателе народных сказок Афанасьеве и многих других. Но самым любимым его персонажем был Владимир Иванович Даль. Работая над его биографией, Порудоминский перелопатил все мыслимые и немыслимые архивы, откопал массу неизвестных материалов и знал о своем герое практически все. Конечно, не все могло войти в книгу, но сама личность Даля, как она представлена у Порудоминского, никак не вязалась с обликом злобного мракобеса и человеконенавистника.

Известие о ходящей по рукам «Записке» Даля поразило Порудоминского так же, как и меня. Он твердо сказал, что работа о ритуальных убийствах при жизни Даля не публиковалась ни под его настоящим именем, ни под его литературным псевдонимом — Казак Луганский. Не мог он припомнить такой рукописи среди бумаг Даля, либо каких-то подготовительных материалов, либо упоминаний в переписке или дневниковых записях, где такая работа должна была бы оставить след.

На мой вопрос, насколько полно сохранились архивы, Порудоминский ответил, что Даль все свои черновики, письма, дневники держал в образцовом порядке, так что его архив сохранился с редкой полнотой...

Итак, подлог. Честно говоря, это было не особенно удивительно. Изучая доступную литературу о кровавом навете, я уже знал, что как бульжник — основное оружие пролетариата, так подлог — главное оружие ритуалистов.

Но откуда взялась работа, приписанная Далю и изданная через срок один год после его смерти, в канун процесса Бейлиса?

Через некоторое время в Исторической библиотеке я наткнулся на упоминание о публикации «Розыскания об употреблении евреями

христианской крови» В.В. Скрипицына в газете «Гражданин» за 1878 год² и заказал подшивку; а после того как углубился в чтение, вдруг по странной ассоциации подумал: не эта ли работа в 1913 году перевоплотилась в «Записку» Даля?

Читая «Розыскание», я все больше поражался наивной недобросовестности автора. Нелепости этого «труда», на которые указывал Д. А. Хвольсон, порождены невежеством, но оказалось, что автор и *вполне осознанно* искажал то, чего не мог не знать! Так, обширный раздел у него посвящен пересказу Велижского дела. Автор повторяет умозаключения обвинителей, а об анализе материалов дела графом Н.С. Мордвиновым даже не упоминает. А ведь работа предназначалась для членов Государственного совета, которые единодушно присоединились к Мордвинову, и для государя Николая I, который их решение утвердил. За кого же он их принимал?

Столь же тенденциозно изложено Дамасское дело, на то время самое свежее. По версии Скрипицына, «еврейские посольства подарками, из Парижа и Лондона в Александрию, прекратили дело, и жиды, оставшиеся в живых, были освобождены»³. О вмешательстве *правительств* ведущих держав, о солидарности с ними *российского* правительства не упомянуто. Кого же Скрипицын пытался ввести в заблуждение? Неужели царя Николая, который сам присоединился к англо-франко-американскому протесту?!

У Хвольсона проступала краска стыда от сознания, что такой примитив был поднесен верховной власти. Но Скрипицыну стыдно не было. Ритуалисты сраму не имут.

Проверить догадку о том, что работа Скрипицына была переиздана под именем Даля, я смог только много лет спустя, после эмиграции, когда в каталоге Библиотеки Конгресса обнаружил карточку: «В.И. Даль. Записка о ритуальных убийствах. СПб., 1913».

С волнением заказав микрофильм (оригинал ветхой книги не выдавался) и начав просматривать его, я увидел, что тексту самой «Записки» предпослано анонимное предисловие, пересыпанное бессчетно повторяющимися словами «редчайшая» и «чрезвычайно редкая» (курсив всюду в оригинале). Автор предисловия ссылается на собирателя книжных редкостей В. М. Остроглазова (уже в то время покойного, так что не проверишь!), который якобы изучил историю этой книги. Забавен рассказ о том, как «Записку» при жизни В. И. Даля собирались перепечатать в почтенном журнале «Русский архив», но еврей-наборщик — по тайному наущению «кагала» — ночью проник в типографию, выкрал часть рукописи и бесследно исчез. В предисловии не названо имени вора, но указаны украденные страницы: 83 — 93.

Почему редактор журнала П. И. Бартенев не напечатал остального тек-

² «Гражданин», 1878, № 25 — 28.

³ «Сергиев Посад», 1992, № 9, стр. 17.

ста столь ценной работы, и откуда издатель раздобыл утраченные страницы, в предисловии ни слова. Зато сообщалось, что первоначально книга была отпечатана в 1844 году всего в десяти экземплярах, а потом почти все экземпляры *таинственным* образом исчезли. Наконец, на странице 15 предисловия говорилось: «Почти *без всяких изменений* (курсив оригинала. — *СР.*) она («Записка». — *СР.*) в том же, 1844 году появилась под другим названием, «Сведения о убийствах евреями христиан для добывания крови». Сочинение ее приписывалось тайному советнику Скрипицыну, исполнившему эту работу «по распоряжению министра внутренних дел графа Перовского для предоставления Государю императору Николаю I, наследнику цесаревичу, великим князьям и членам Государственного Совета (перепечатана была в 1878 г. в «Гражданине» [следуют библиографические данные этой перепечатки])».

Подлог творился без хитростей! Приписав работу Скрипицына Далю, издатель сам удостоверил ее тождество с сочинением Скрипицына. Фальсификатор доносил на самого себя! Видимо, он опасался, что «Записку» найдут в «Гражданине» и мошенничество будет раскрыто, поэтому заранее стелил соломку: мол, это та самая «Записка», да все-таки другая. Но не сообразил, что ставит себя в еще более глупое положение, ведь получалось, что один и тот же текст принадлежал двум разным авторам, которые, по чудесному совпадению, написали и напечатали его в одном и том же году, по указанию одного и того же министра и для преподнесения одним и тем же высокопоставленным лицам, включая царя. Зачем понадобилось такое дублирование, автор предисловия объяснить не пытается!

Но о подлоге говорит не только саморазоблачительное предисловие — о нем буквально кричит сам текст «Записки». Даль был добросовестным и умным исследователем, тогда как «Записка» составлена неумно и недобросовестно. А чего стоит язык этого произведения — все эти «переходя затем к исчислению бывших случаев», «должно наперед всего упомянуть», «даже почти получает качество и степень полной улики» — таких выписок можно делать множество. Из каждого оборота речи выглядывает сухарь, ничего, кроме «входящих-исходящих», за всю свою жизнь не писавший. Типичный Акакий Акакиевич Башмачкин, непомерным усердием дослужившийся до генеральского чина. Надо обладать полной глухотой к пластике русского языка, чтобы предполагать в этом «стилисте» Казака Луганского-Даля, чья проза переливалась самоцветами поговорок, пословиц, своеобразных оборотов речи и чей знаменитый Словарь, самим своим назначением, казалось бы, призванный служить сухим справочником, читается как поэма!

Остается последний вопрос — о мотивах. Зачем понадобилось перепечатывать книгу Скрипицына под именем Даля? Но на это ответить проще всего. В преддверие дела Бейлиса страна была наводнена «ритуальной» литературой. Еще одна работа никому не ведомого

Скрипицына, скорее всего, не привлекла бы к себе внимания. А если бы привлекла, то наверняка нашлись бы язвительные эрудиты, которые припомнили бы, как ее характеризовал Хвольсон.

Иное дело — Даль! Выдающийся филолог, видный писатель, крупнейший знаток народного быта, собиратель сокровищ народного языка — словом, само воплощение *русскости*. Расчет, очевидно, состоял в том, что престиж его имени скомпенсирует недостатки самой работы!

Тогда, в 1913 году, этот расчет не удался. Книга осталась незамеченной. В ходе процесса Бейлиса на «Записку» Даля не ссылались даже самые оголтелые ритуалисты, от прокурора Виппера до «эксперта» Пранайтиса. Не попадались мне ее упоминания и в тогдашней печати. Ни разу не ссылался на нее В. В. Розанов. Выстрел оказался холостым.

Новую жизнь книге Скрипицына-«Даля» обеспечили современные ритуалисты. Она выходит массовыми тиражами, широко читается, цитируется, плодит апологетические рецензии, отзывы — и это при гробовом молчании или, в лучшем случае, невнятном бормотании либеральной прессы.

Вот что можно было прочитать в 1993 году в журнале «Новое время»: «Даль известен как автор «Записок (? — *СР.*) о ритуальных убийствах», хотя авторство его долгое время и вызывало сомнения (теперь, значит, не вызывает. — *СР.*). По некоторым данным (по каким? — *СР.*), «Записки» были составлены директором Департамента иностранных исповеданий Скрипицыным. А в одном из источников 70-х годов прошлого века я обнаружил текстуальные совпадения и ссылки именно на Скрипицына, а не на Даля (в каком же источнике? Видимо, в «Гражданине»? Почему он не назван и не процитирован?? — *СР.*)»⁴. Похоже, что автору неинтересно вникать в то, что он пишет. Он отписывается.

Для многих в России журнал «Новое время» — это свет в окошке. Но на происхождение книги «Даля» он только напустил туману.

И вот апокриф бродит по Руси Великой — не в четырех машинописных копиях, как в годы «застоя», а в несчетном количестве экземпляров в самых разных изданиях, воздействуя на незащищенные умы.

⁴ Виталий Свинцов. Пьют ли евреи христианскую кровь? «Новое время», 1993, №39, стр. 33.

«Всемерное способствование»

Вот два образчика такого воздействия. Первый появился в молодежном национал-большевистском журнале «Молодая гвардия».

«...Частые пропажи детей и обнаружение детских трупов, обескровленных и с характерными колотыми ранами в определенных частях тела — все эти загадочные случаи либо никак не объясняются, либо сводятся к личному садизму отдельного преступника...

Наваждение с моего сознания сошло лишь... когда я несколько лет назад прочитал книгу известнейшего филолога и врача Владимира Даля, представляющую собой документальный обзор ритуальных убийств за несколько столетий. ... С того момента я понял, что со мною произошло в детстве, когда мне было шесть лет.

...Спутник схватил меня и, зажав рот, потащил в подвал... Очнулся я в кромешной темноте, испытывая тупую и режущую боль во всем теле, особенно в груди и животе... На улице меня очень испугал вид собственной крови: вся моя одежда была перемазана ею... Парень девятнадцати лет по кличке Беломор — полутатарин, полуузбек, работавший в коммунхозе... обвинялся в покушении на жизнь нескольких мальчиков... Он пытался увести мальчика-узбека, и местные жители набросились на него...

Один мальчик десяти—двенадцати лет был зверски убит... на теле его были многочисленные раны, он был скручен электропроводом, а в его горло была глубоко засунута бутылка из-под «Боржома»... Другая жертва — мальчик тех же лет — остался жив, он был весь исколот шилом... Следователь, который вел дело, — добродушный, задумчивый русский парень, вскоре после случившегося покончил с собой, выбросившись из окна своего кабинета... Он был сильно подавлен этим делом...

С той поры прошло двадцать лет, и мне попала книга В. Даля... Я прямо высказал отцу свои подозрения, возникшие после прочтения книги В. Даля: время перед Пасхой, колотые раны у всех жертв, большая кровопотеря, заткнутое горло убитого мальчика, невероятно спешное приведение приговора в исполнение... и наконец загадочная гибель следователя. Может быть, это ритуальное преступление? Может быть, преступник и не был сам убийцей, а только кому-то помогал вылавливать будущие жертвы?.. В самом начале судебного разбирательства Беломор вдруг заявил, что его наняли на это дело бухарские евреи. Это дошло до толпы, стоявшей у здания суда, и в этот же день в районе, где проживали бухарские евреи, узбеки устроили настоящий погром...

...Первыми в России обличителями ритуальных убийств, совершаемых в изуверской еврейской среде, являлись сами же евреи, восставшие на творимое их единоплеменниками зло...

Считаю, что ритуальные убийства в современной России есть... их число многократно возросло: ежегодно они совершаются сотнями, а то и тысячами....

Сейчас уже в открытую говорят о зверствах иудаизированной «чека» (по-еврейски «чека» — бойня для ритуального заклания скота и приравненных к скотам «гоев», «акумов»). Отходит кровавое заклятие, господствовавшее над этой тайной. Но должно настать время, когда мы сумеем преодолеть цепенящий страх и узнать о неописуемых страданиях детей, которых мучительно убивают в наше время.

...Русские люди! Довольно бояться думать и открыто говорить! Осеним себя знаменем Креста, перебарывая наважденные на нас страхи!...»¹.

Как я ни старался привести из этой статьи только краткую цитату, выписка оказалась обширной. Слишком уж колоритны фантазии анонимного последователя «Даля» (опубликованы под инициалами Л.Б.). Зато они позволяют ясно представить его психологический портрет. Перед нами расчетливый пропагандист, знающий свою аудиторию, способный на любую ложь для возбуждения темных инстинктов толпы. Суть ритуальной легенды он не понимает, иначе не впутал бы узбекских мальчиков, то есть мусульман.

Кровавый навет в традиционном варианте зиждется на представлении о том, будто евреям нужна кровь «непорочных» христиан (детей или священнослужителей). Поэтому даже в странах ислама «умученными от жидов» становились редкие в них христиане. Но это уже детали, мало интересующие обывателя. На массы воздействует плакатность, а не подстрочные примечания петитом.

А вот второй пример. Журнал «Сергиев Посад», именующий себя Православно-патриотическим вестником, казалось бы, противоположен по направлению младо-большевистской «Молодой Гвардии». Тем не менее он полностью перепечатал на своих страницах «Записку» Скрипицына под именем Даля², снабдив предисловием, которое по своей колоритности может поспорить с творением молодогвардейского анонима: «Сейчас Россия стоит на пороге раскрытия тайны беззакония, чинимого на ее святой земле изуверами в течение последних семидесяти пяти лет (стало быть, коммунистами. — *СП*), и роль труда врача, историка, писателя, криминалиста (!) В.И. Даля в этом масштабном процессе невозможно переоценить»³.

Казалось бы, какое отношение труд, созданный в царской России до 1845 года, может иметь к беззакониям большевистского режима,

¹ «Молодая гвардия», 1991, № 11, стр. 122 — 126.

² По этой публикации мы ее цитировали: 1992, № 9.

³ «Сергиев Посад», 1992, № 9, стр. 1.

утвердившегося после 1917-го?! Но для воспаленного мозга ритуалистов связь очевидна: то, что творили большевики на «святой земле», есть не что иное, как «месть» иудеев христианскому миру, то есть те же ритуальные убийства.

«Авторитет неподкупного, бесстрастного ученого является своеобразным чудесным ключом к зачарованному российскому общественному сознанию, которое, скованное колдовскими заклятиями и страхом «ради иудей», не может пока даже вместить самый факт существования в еврейской среде изуверных человеческих жертвоприношений, не говоря уже о возможности трезвого рассмотрения этого страшного явления и законного противодействия ему»⁴.

В журнале также публикуется «Служба Собору святых младенцев-мучеников, от жидов за Христа закланных». Ритуал расписан во всех деталях: что читать и петь вечером, что утром, какие произносить каноны и возносить молитвы, что петь солистам, а что подхватывать хор.

«Ей, молим вас, святии страдальцы, подайте всем нам крепость во брани противу близ грядущего богомерзкого и злохитрого антихриста, во еже обещися нам во всеоружие Божие, и противустати всем кознем жидобеса сего»... «Оле жестокосердия Жидовска, оле беззакония, никакоже насыщения имущаго, в коемжде от младенец сих Иисуса паки умертвити нещюя, на Бога собирашя вкупе, и на Христа Его, той же яко сосуды скудельничи сокрушит умьшления их»⁵.

Такие молитвы в наши дни возносятся к стопам Всевышнего под сводами православных храмов Великой Руси. Не всех, конечно. Но многих.

В предисловии, подписанном думой союза «Христианское возрождение», редакция «Сергиева Посада» сообщает о «Предсоборном совещании», на котором состоялась торжественная панихида... «по всем умученным от жидов», а в числе главнейших решений этого совещания — «всемерное способствование распространению книги В.И. Даля»⁶.

«Всемерное способствование» привело к тому, что в сегодняшней России практически никто не сомневается в том, что «Записка» принадлежит В.И. Далю и никто не осмеливается критически проанализировать ее. Так, прокурор — криминалист Генеральной прокуратуры РФ В. Н. Соловьев, который заново расследовал — и отклонил — «ритуальную» версию убийства царской семьи (об этом ниже), с уверенностью пишет: «Основным ученым, на которого ссылаются сторонники этой версии, является знаменитый автор Толкового словаря русского языка, собиратель русского фольклора, врач В.И. Даль. В 1844 году В.И. Даль для Министерства внутренних дел России подготовил доклад «Розыскание об убиении евреями христианских мла-

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 27 — 28; «Служба Собору», полностью перепечатано в Платонов-1, стр. 803 — 811.

⁶ Там же, стр. 1.

денцев и употреблении крови их», изданный ограниченным тиражом. В. И. Даль в своей книге приходит к выводу о существовании так называемых ритуальных убийств, которые, по его мнению, совершались в России в основном сектой хасидов для использования крови христиан в различных ритуальных действиях»⁷.

Так в одном из важнейших юридических документов современной России В.И. Далю официально приписывается научное обоснование существования ритуальных убийств. Не сомневается в этом и Московская синагога.

Понятно, что знаковый нам Олег Платонов не упускает случая привести из книги «Даля» обширные выписки⁸, заявляя, что сам «полностью разделяет» позицию «русского писателя»⁹.

Впрочем, почти столь же обширно Платонов цитирует и Лютостанского, называя его «известным русским ученым, исследователем Талмуда и еврейского быта», а также жертвой «морального и физического террора иудейско-масонских кругов против русских людей, осмеливавшихся раскрывать преступления, в которых были замешаны евреи»¹⁰.

Платонову, конечно, известно, что этот «русский человек» был *по-ляком*, который выдавал себя за *бывшего раввина*, что он обокрал того самого «Даля», которого автор так почитает. Повторяется тот же сценарий: для распространения кровавого навета на евреев «патриоты» готовы втоптать в грязь имя Владимира Даля, которого сами же называют гордостью России, и вытащить из грязи мошенника и шантажиста Ипполита Лютостанского.

⁷ Цитируется по газете «Каскад», Балтимор, 1998, декабрь, № 24 (84). Газета в свою очередь ссылается на текст, опубликованный Московской хоральной синагогой.

⁸ Платонов-1, стр. 108 — 133.

⁹ Платонов-1, стр. 109.

¹⁰ Платонов-1, стр. 299.

Тройка генерала Дитерихса

Выдавая ксендза Пранайтиса за крупнейшего знатока Талмуда, Петр Ланин приводит следующее его высказывание на процессе Бейлиса, вставляя в скобках свои пояснения: «Я уже говорил, что главное внимание (в постановлениях Талмуда об отношении к не-евреям) обращено на правителей (т.е. тех, кто подлежит уничтожению в первую очередь: «Лучшего из гоев убей!»)». В связи с этим пассажем автор статьи делает такое замечание: «Читатель волен усмотреть в этом любопытном пассаже предвосхищение царевбийства всего через пять лет после киевского процесса».¹

В отличие от дела Бейлиса, дело об убийстве царской семьи не было доведено до суда. Но следствие по нему проводилось и рядом существенных особенностей действительно походило на расследование убийства Андрюши Ющинского. В обоих случаях еще *до начала* следствия стала целенаправленно распространяться антисемитская версия убийства. Как в Киеве в марте 1911 года, сразу после нахождения трупа Андрея Ющинского, стали распространяться листовки, утверждавшие, что мальчик убит евреями, так и в Екатеринбурге в июле 1918 года, сразу после вступления в город передовых отрядов армии белых и чехословацкого корпуса, определенные круги стали муссировать «мнение», что расправу над царем учинили евреи. В Киеве этим занималась черносотенная молодежная организация «Двуглавый орел», а в Екатеринбурге — распропагандированное теми же черносотенцами офицерство.

Результатом черносотенного натиска в Киеве стало то, что один за другим были отстранены три следователя по делу об убийстве Андрея Ющинского, после чего *уголовное* дело передали охранному отделению, то есть *политической* полиции, где оно и было превращено в ритуальное дело Бейлиса. (Менделя Бейлиса арестовал тот самый глава киевской охранки полковник Кулябко, который вскоре после этого прошляпил — если не спровоцировал — убийство премьер-министра П.А. Столыпина.)

В Екатеринбурге за неполный год дело тоже несколько раз сменило хозяина. Неудобные черносотенному офицерству следователи (Наметкин, затем Сергеев) отстранялись до тех пор, пока оно не попало в руки удобного — Н. А. Соколова.

Еще на раннем этапе следствия в Екатеринбурге «еврейская» версия царевбийства была доведена до сведения главы британской

¹Ланин, стр. 34.

военной миссии при правительстве Колчака генерала Нокса, а он сообщил о ней в свое военное министерство. Попав в печать, она настолько обеспокоила еврейскую общину Великобритании, что та для выяснения обстоятельств направила в Омск (столицу Колчака) делегацию, которую принял министр юстиции М. Старынкевич. Он объяснил британцам, что генерал Нокс был введен в заблуждение военными кругами. Они провозгласили царя жертвой еврейского заговора и никакой другой версии не допускают. Однако следствие, проводимое в рамках закона, данными о причастности евреев к убийству бывшего царя Николая Романова не располагает. Старынкевич заверил делегацию, что внимательно следит за ходом екатеринбургского расследования, еженедельно получает о нем донесения, так что он полностью в курсе дела.

М. Старынкевич был эсером. В коалиционном правительстве Колчака он представлял самую левую часть политического спектра. Логика гражданской войны вынудила Колчака объединить под своим главенством все антибольшевистские силы, но черносотенные элементы были крайне недовольны сотрудничеством с либералами и социалистами; разногласия между ними оставались столь же глубокими, как и до революции. Когда вернувшаяся в Лондон делегация опубликовала авторитетные заверения министра юстиции и об этом стало известно в России, возмущение офицерских кругов многократно усилилось. Ведущую роль в них играл генерал М. К. Дитерихс. Одно время он был командующим Уральским фронтом, но затем был отстранен от командования и, оказавшись в резерве, рвался к «царскому делу».

Поначалу официальное расследование убийства царской семьи было поручено следователю по важнейшим делам Наметкину. Об этом человеке известно мало. История не сохранила даже его инициалов. Достоверно лишь то, что Наметкин не подыгрывал офицерству. Сперва он вызвал гнев тем, что, сославшись на закон, отказался приступить к расследованию без санкции прокурора, а через несколько дней, когда санкция была дана, повел его так, что вызвал еще большее недовольство военных властей. Еще через неделю, под их давлением, он был отстранен.

Другого профессионального следователя в прифронтовом городе еще не было, поэтому дело решили передать одному из членов окружного суда, что в исключительных случаях допускалось законом. По сговору между военными, председателем суда и прокурором на эту роль был намечен некто Михнович. Видимо, он устраивал черносотенные кружки. Но окончательное решение должно было принять общее собрание членов суда, и оно дружно прокатило Михновича. Большинство голосов было подано за другого члена суда, Ивана Сергеевича Сергеева, к которому и перешло «царское дело».

Военных Сергеев держал на почтительном расстоянии от рассле-

дования, чем тоже вызывал негодование в их кругах. Поскольку слухи о «еврейском заговоре» Сергеева не впечатляли, пошли слухи о якобы еврейском происхождении самого следователя. Инсинуации привели к желаемому результату: обойдя министра юстиции, Дитерихс добился лично от Колчака его отстранения (вскоре должен был уйти в отставку и Старынкевич). Позднее, после развала фронта, Сергеев попал в лапы большевиков и был расстрелян. За те несколько месяцев, что дело находилось в его руках (с августа 1918 г. по январь 1919 г.), он установил львиную долю фактов, которыми потом воспользовались его преемники.

Между тем Дитерихс сблизился с находившимся в стане белых британским журналистом Робертом Уилтоном, в котором нашел горячего почитателя и единомышленника. Оба сообразили, что могут быть полезны друг другу. Уилтон получал от Дитерихса сенсационные сведения о «еврейских зверствах», творимых на «немецкие деньги» против царя, России и Великобритании, а Дитерихс, через энергичного и неумного Уилтона, получил возможность вести черносотенную пропаганду на весь мир. Позднее Уилтон выпустил книгу «Последние дни Романовых»², ставшую первым «научным» трудом о екатеринбургской трагедии. Вторым стало двухтомное сочинение самого Дитерихса, написанное и изданное во Владивостоке, в бытность его главой Дальневосточной республики, последнего оплота антибольшевистских сил на территории России³.

Оба автора не жалели красок, чтобы опорочить И.С. Сергеева и Наметкина как несведущих и нерадивых людей, но проговаривались, что истинные причины недовольства обоими лежала в иной плоскости.

«Следователь Наметкин и член суда Сергеев независимо от их личных качеств, характеров и политических физиономий в своей следственной деятельности безусловно были под влиянием... большого политического течения мысли тогдашней гражданской власти и влиявших на нее политических партий бывших учредильцев», то есть членов Учредительного собрания, разогнанного большевиками, а затем собравшегося в Самаре⁴.

В учредилке доминировали эсеры и близкие к ним партии. По мнению Дитерихса, они были заражены тем же еврейским духом, что и большевики, почему их сторонникам нельзя было доверить расследование «царского дела». С солдатской прямоотой он излагает свое кредо, когда пишет: «Сергеев хотя и крещеный, а все же был еврей, еврей по крови, плоти и духу, а потому отказаться от своих соплеменников никак не мог»⁵. С та-

² Robert Wilton. The Last Days of the Romanovs. Thornton Butterworth Limited, London, 1920

³ М. К. Дитерихс. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922, Т. 1, 1—2.

⁴ Дитерихс, Т. 1, стр. 125.

⁵ Дитерихс, Т. 1, стр. 129—130.

кой же прямой Дитерихс излагает «высшую цель» расследования царубийства: не для раскрытия истины, а «для укрепления среди народных масс и в рядах нарождающейся армии монархических принципов и тенденций»⁶. Под монархическими тенденциями понимался «патриотизм» в духе Союза русского народа, то есть травля евреев.

Добившись отстранения Сергеева и приняв у него материалы дела в январе 1919 года, Дитерихс взялся за поиски «подходящего» следователя. И вскоре нашел его в лице следователя по особо важным делам Омского окружного суда Николая Алексеевича Соколова.

Если генерал обнаруживает незаурядное красноречие, когда поочередно перечислит первых двух следователей, то, превознося Соколова, он превосходит самого себя.

До октябрьского переворота Соколов работал в Пензе, откуда бежал на восток, переодевшись крестьянином. Эта столь обычная для того времени акция по спасению собственной жизни преподносится Дитерихсом как величайший патриотический подвиг во имя России.

Однако при всей романтической приподнятости «прозы» Дитерихса в ней проступают реалистические подробности. Из них явствует, что Н.А. Соколов был крайне неприятным субъектом и производил отталкивающее впечатление. Нервный, вспыльчивый, болезненно самолюбивый, он постоянно прикусывал усы и не смотрел в глаза собеседнику. Генерал объяснял это тем, что один глаз у Соколова был искусственный, а другой косил. Но Соколов был «национальным патриотом» (то есть черносотенцем), и это испугало все.

Передав дело Соколову, Дитерихс оставил за собой «общее руководство», о чем прямо написал в своей книге, не сознавая, насколько этим компрометировал следствие. Когда его книга дошла до Европы и попала в руки Соколову, у того потемнело в единственном глазу. Его протест появился в эмигрантской газете: «Во время хода предварительного следствия, осуществлявшегося на основании закона единоличной следственной властью, генералу Дитерихсу никогда не только не принадлежало какое-либо руководство делом, но одним из... повелений адмирала [Колчака] ему было категорически запрещено какое бы то ни было вмешательство в следствие»⁷.

Однако в той же заметке Соколов подтверждает участие Дитерихса, признавая, что полномочия были выданы не только ему, но и генералу Дитерихсу «по некоторым совершенно частным поводам» (? — СР.).

Позднее, в своей книге, Соколов снова пытался оспорить «укоренившееся в обществе ошибочное представление» о том, что

⁶ Там же, стр. 124.

⁷ «Последние новости», № 974, 26.6.1923.

Дитерихс руководил его действиями, но делал это еще менее убедительно. Его опровержение сводится к красивой, но мало содержательной фразе: «Дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество»⁸. Тут же, однако, он признает, что Дитерихс «оберегал работу судебного следователя более чем кто-либо. Ему более чем кому-либо обязана истина»⁹.

Но истина как раз и перестала интересовать следствие с тех пор, как оно перешло в руки Соколова, Дитерихса и примкнувшего к ним Уилтона. Сойдясь с Соколовым так же близко, как с Дитерихсом, англичанин подрядился изготавливать фотографии вещественных доказательств — в обмен на информацию о ходе следствия, которую стал получать из первых рук.

Соколов в основном передпрашивал свидетелей, чьи показания уже были запротоколированы его предшественником. Чтобы показать, насколько Соколов превосходил Сергеева тщательностью в работе, Дитерихс подчеркивает, что его протоколы в несколько раз длиннее сергеевских. Но он не приводит никаких доказательств того, что они были более содержательными.

Важным вкладом самого Соколова можно считать расшифровку нескольких телеграмм и разговоров по прямому проводу между председателем ЦИК Я. М. Свердловым и председателем Уральского совета А.Г. Белобородовым. Казнь царской семьи была осуществлена по постановлению Уральского совета, а вот было ли оно оформлением указаний Кремля, или уральцы действовали на свой страх и риск, И. С. Сергеев установить не успел. Найденные им телеграммы были написаны цифровым кодом, ключа к которому он не нашел.

Расшифрованные Соколовым телеграммы показали, что Москва как минимум согласилась с инициативой уральских товарищей.

Первоначально кремлевские мечтатели планировали провести публичный суд над царем, почему же они переменили это решение? Такие вопросы Соколова не интересовали. Более того, он не допускал самой их постановки. В теорию «еврейского заговора» не укладывались возможные разногласия в Кремле или Екатеринбурге или трения между ними. Вопрос о степени виновности отдельных лиц — на месте и в центре — тоже отпадал. Само собой разумелось, что главные виновники — евреи; значит, все замешанные неевреи — лишь орудие в их руках или подставные фигуры, призванные закамуфлировать еврейский характер преступления.

Идеологию такого «расследования» с лукавой прямоотой изложил Дитерихс: «Когда совершается какое-либо событие, в котором уча-

⁸ Н.А. Соколов. Убийство Царской семьи. «Слово», 1925, стр. 4.

⁹ Соколов. Указ. Соч., стр. 4.

ствуют евреи или хотя бы один еврей, то психология народных масс всегда обобщает их участие и относит события к разряду совершенных будто бы всем еврейским народом. В поступках и деяниях одного еврея виновным считается весь еврейский народ. Народная масса не способна пока проводить грани между Янкелем, старьевщиком в Теофиполе, и Янкелем Свердловым, председателем ЦИКа в Москве; между Исааком Юровским, часовщиком в Харбине, и Янкелем Юровским, руководителем идейного преступления в Ипатьевском доме [где содержалась и была расстреляна царская семья], между Рубинштейном, гением музыкального мира, и Бронштейном [Троцким], гением кровавых социалистических операций. Для толпы, да и для значительной части интеллигентной общественной массы, всякое зло, творимое при участии того или другого Янкеля или Лейбы, исчерпывается нарицательным определением — *еврей...* Следовательно, преступления Бронштейна, Голощекина, Янкеля, Сруля суть преступления евреев, еврейского народа. Еврей один никогда не действует, за одним, кто бы он ни был, всегда стоят *все* другие евреи, весь народ. Такова психология масс. Это первая роковая историческая ошибка, осложняющая соответственное разрешение «еврейского вопроса»¹⁰.

Приписывая концепцию коллективной еврейской вины «психологии народных масс», Дитерихс как бы дает понять, что сам-то он выше этих предубеждений. Но в этом и состоит нехитрое генеральское лукавство. Ибо тут же выясняется, что он полностью солидарен с толпой: «В существовании такого исключительного явления для еврейского народа повинны больше всего сами представители этого племени»¹¹.

В таком духе генерал рассуждает на сотнях страниц своего труда. В книгу переносятся все антисемитские мифы, когда-либо появлявшиеся в истории, — эрудиция в этом вопросе у генерала обширная. Особенно пространно он рассуждает о деле Бейлиса (чует кошка, чье мясо съела!). По его логике, существенно не то, совершают ли евреи ритуальные убийства, а то, что «народная масса» верит в такие преступления. То есть Дитерихс опять прикрывается народными массами, с которыми он вроде бы не совсем согласен, но и не так, чтобы очень не согласен.

«Евреи, говорят, страшная мировая сила. Их расовая энергия, выносливость, живучесть и стойкость побеждали и побеждают все те невероятные гонения, притеснения и истребления, которым наполнена история этого народа со времен египетского плена. Нынешнему еврейскому народу приписывают сосредоточение в своих руках ко-

¹⁰ Дитерихс, Т. I, стр. 325 — 326.

¹¹ Там же, стр. 326.

лоссальных материальных богатств во всем мире. Ему придают исключительное влияние на политические и особенно социальные мировые вопросы. Еврейского народа и связанного с ним еврейского вопроса боятся и, вместе с тем, ненавидят и презирают, как боятся и презирают скверную, грязную болезнь»¹².

Генеральские потуги на то, чтобы отмежеваться от «народного» антисемитизма перекрываются энергией ненависти, достигающей высокого пафоса:

«Шайка циммервальдовских революционеров Израиля почувствовала себя полными, свободными и всемогущими хозяевами водворения в России царства религии *Лжи*, опыта, неудавшегося их племенным предкам в Израиле. Начался тот неудержимый разгром жизни былой могучей и сильной духом страны, который поверг ее в современное притупленное, придушенное состояние. Началась та бесконечная Вальпургиева ночь, пляска диких и сатанинских социалистических экспериментов, которая бросила обезумевших и изголодавшихся людей в погоне за куском хлеба в кровавую Антихристову борьбу: брата на брата, отца на сына, сына на мать и матери на дочь. И в триумфе своей победы, упиваясь успехом, вдохновители изуверы готовы крикнуть России: «Мы распяли вашу Россию, мы распяли вашу идеологию...»¹³.

Понятно, что если с переходом следствия в руки Дитерихса и Соколова начался поиск евреев, то они были найдены.

Между тем, как правильно указал Старынкевич, *ни одного достоверного, юридически доказанного факта причастности евреев к расстрелу царской семьи* выявлено не было. Было доподлинно установлено только то, что Яков Юровский, комендант Дома особого назначения и командир расстрельной команды, был еврейского *происхождения*, но еще в 1904 году, находясь в Германии, он принял лютеранство, после чего, по российским законам, евреем быть перестал.

Были ли среди руководителей Уральского совдепа другие лица иудейского исповедания или происхождения? Первый вопрос лишен смысла, так как все большевики были атеистами независимо от того, отказывались они официально от своей веры или нет. Что же касается еврейского *происхождения* руководителей совдепа, то оно достоверно было установлено *только* в отношении Юровского. Главой совдепа, игравшего в нем первую скрипку, был Александр Белобородов. Все три автора первых трех книг признали его русским, зато отобрали у него первую скрипку. Белобородова они превращают в подставную фигуру, за чьей спиной орудует шайка евреев во главе с Голщекиным.

¹² Дитерихс, Т. I, стр. 321.

¹³ Дитерихс, Т. I, стр. 388.

Ну а какими сведениями о Голощекине располагало следствие? Почти никакими. Вся тройка провозгласила его главным вершителем воли Кремля и, разумеется, евреем. Именно он ездил за инструкциями в Москву, он железной рукой провел их в жизнь в Екатеринбурге, а затем вернулся в Москву с отчетом о проделанной работе. Дитерихс об этом сообщает такие леденящие подробности: «головы членов царской семьи и убитых вместе с ними приближенных были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощекиным в Москву Янкелю Свердлову, в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте»¹⁴. Впоследствии сага о «заспиртованных головах» нашла дальнейшее развитие, описывались даже тайные религиозные церемонии в Кремле, с еврейскими молитвами, танцами и песнопениями вокруг этих голов!

Более осмотрительный Соколов таких сказок не рассказывает, однако дух его сочинения тот же. Но вот неувязка: Соколов называет Голощекина Шайей, Дитерихс — Исааком, а у Уилтона он — Исай Исаакович. Между тем в советских источниках, включая 3-е издание Большой Советской энциклопедии, где *расшифрованы все партийные клички и псевдонимы*, Голощекин назван Филиппом Исаевичем. Израильский исследователь Михаил Хейфец направил об этом запрос в издательство «Советская энциклопедия» и получил ответ: «К сожалению, редакция не располагает сведениями о другом имени и отчестве Голощекина Ф.И. Нами сделан запрос в Центральный государственный архив Октябрьской революции. В случае положительного ответа Вам будут сообщены полученные сведения»¹⁵. Никаких дополнительных сведений, по крайней мере до выхода книги, М. Хейфец не получил.

Правда, прокурор-криминалист В. Н. Соловьев считает, что Голощекин был евреем и звали его Исаакам. Но документы, на основании которых сделан этот вывод, не опубликованы, так что его трудно признать окончательным. В любом случае, выясненное в 1998 году не могло быть известно в 1918-м. Для того, чтобы записать Голощекина в евреи, было достаточно показания одного случайного свидетеля, который мельком встречал Голощекина и, по его собственным словам, ничего о нем не знал.

Таким же образом в евреи были зачислены Дидковский, Сафаров, Войков, Сыромолотов, Чуцкаев и другие уральские комиссары.

Аналогично тройка Дитерихса решила запутанный вопрос о взаимоотношениях Урала и Центра. Большевистский ЦК тогда далеко еще не консолидировал власть, да и сам он был расколот после заключения Брестского мира. Только угрозой уйти в отставку Ленин за-

¹⁴ Дитерихс, Т. I, стр. 273 — 274.

¹⁵ Вл. Солоухин. При свете дня. М., 1992.

ставил «левых коммунистов» смириться с подписанием мирного договора с Германией, но сам прослыл либералом и оппортунистом, что сказалося и на судьбе царской семьи.

Временное правительство отправило семью в Tobольск, где ее и застал октябрьский переворот. Весной 1918 года, опасаясь, что царь сбежит и станет знаменем контрреволюции, Москва решила перебазировать его и семью в более надежное место, но не на Урал, так как уральские большевики были известны своими «левацкими» загибами и стремлением расправиться с царем. В Tobольск, для вывоза семьи в Европейскую Россию в обход Екатеринбургa, был направлен весьма решительный комиссар В.В. Яковлев (Мячин). Кремль наделил его чрезвычайными полномочиями и выдал мандат за подписью Ленина и Свердлова, в котором предписывалось оказывать ему всяческое содействие. Но уральские товарищи плевали на мандат. Они легли костями, но заставили Москву согласиться на перемещение узников именно в Екатеринбург, под их опеку. Правда, взамен они должны были поручиться, что не допустят самосуда.

Москва, разумеется, не намеревалась оставить царя в живых, но хотела оформить казнь «Николая кровавого» судебным приговором. Из спектакля предполагалось извлечь огромный пропагандистский эффект. Участь царя, видимо, разделила бы и царица. Детей же Москва планировала обменять на своих германских единомышленников: Карла Либкнехта и Розу Люксембург или же просто продать. Называлась даже цена выкупа: триста миллионов золотых рублей.

Эти планы были порушены быстро ухудшавшейся военно-политической обстановкой. Белые успешно наступали на востоке, Екатеринбург оказался под угрозой. А в Москве произошел «мятеж» левых эсеров, начавшийся убийством германского посла Мирбаха с целью сорвать Брестский мир. Германия предъявила ультиматум, потребовав пропустить в столицу немецкий батальон для охраны посольства. В июле 1918 года у большевиков земля горела под ногами. Ни одно место, куда еще можно было переправить царскую семью из Екатеринбургa, не казалось надежным. В таких условиях Москва и дала согласие на расстрел бывшего царя, чего екатеринбургские головорезы жаждали с самого начала. Санкционировал ли Кремль ликвидацию *всех* обитателей Дома особого назначения, или только одного Николая, остается неясным до сих пор.

Однако признание за Екатеринбургом хоть какой-то доли самостоятельности подорвало бы версию еврейского заговора, выраженную формулой Дитерихса: «указания изуверов Центра в точности выполнены изуверами на месте». Поэтому такая самостоятельность исключалась.

Тут, однако, возникает, казалось бы, непреодолимая трудность. Ведь по этой версии главным «изувером» должен считаться глава большевистской власти: Владимир Ульянов-Ленин — потомствен-

ный русский дворянин! «Открытие» того, что Ленин «четверть-еврей», — приобретение новейшего времени. Ни Соколов, ни Дитерихс, ни Уилтон до этого не додумались. Но с Лениным они поступают так же, как с Белобородовым: отнимают у него первую скрипку. «Ленин не управлял. Советской системой руководили другие люди», — уверенно писал Роберт Уилтон¹⁶. Отдельную главу, под выразительным названием «Красный кайзер», он отвел *Янкелю* Свердлову.

Для пущей убедительности, в подтверждение «еврейского» характера убийства приводятся «каббалистические знаки» и две заключительные строки из стихотворения Генриха Гейне «Валтасар», обнаруженные на стене ипатьевского подвала:

*Belsazar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.*

В переводе (М. Михайлова) эти строки звучат так:

*В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.*

И эти строки, и «знаки» обнаружил и приобщил к делу И.А. Сергеев, не придавая им никакого «сакрального» смысла. Зато под пером Уилтона «знаки» стали «каббалистическими», хотя ни один знаток каббалы не мог их расшифровать. Скорее всего, эти загадулины были пробой пера перед тем, как сделать немецкую надпись.

Каков же ее смысл?

Стихотворение Гейне написано на библейский сюжет из книги пророка Даниила, относящейся к эпохе вавилонского плена. В плен большую часть еврейского населения Иудеи увел великий завоеватель Навуходоносор. Однако к пленникам он относился с уважением: не притеснял их, разрешал исповедовать свою веру, почитал Бога Иегову, и Бог был к нему милостив. Иначе повел себя после воцарения сын Навуходоносора Валтасар. Одержимый непомерной гордыней, он надругался над святынями и бросил вызов самому Богу, за что тот его покарал.

В библейское сказание Гейне внес дополнительный смысл. Валтасар не просто «убит», как сказано у пророка Даниила, а убит *своими рабами*. В стихотворении есть и такие строки:

*Хвастливый дух в нем рос. Он тил
И дерзко божество хулил.
И чем наглей была хула,
Тем громче рабская хвала.*

¹⁶ Robert Wilton, *The Last Days of the Romanovs*, Thorton Butterworth Limited, London, 1920, стр. 26.

И вот эти самые холопы, которые подначивали царя на богохульство, прирезали его, как только он оказался бессилен.

Мог ли эту надпись оставить на стене соучастник преступления, радующийся тому, что еврейский Бог отомщен? Такое допущение может явиться только в помутненном сознании антисемита, который во всем отыскивает скрытые еврейские козни. У Дитерихса степень помутнения доходит до того, что он полагает, будто строки «еврейского» поэта Гейне написаны на языке идиш! Поражает уровень генеральского невежества. Еврейское происхождение Гейне затмило в его сознании то, что этот *немецкий национальный поэт* писал по-немецки. Для Дитерихса эти две строки — одно из самых существенных доказательств «еврейского» характера преступления. Генерал не понял, что тот, кто начертал их на стене подвала, *клеймил* преступников, а *не ликовал* вместе с ними.

Кто же это мог быть?

Человек этот должен был хорошо владеть немецким языком (в надписи нет ни одной ошибки) и знать немецкую поэзию. Эти простые соображения сужают поиск «подозреваемого» фактически до одного лица — австрийского военнопленного Рудольфа Лахера, который оставил и свой автограф в том же подвале: «Rudolf Lacher Y. T. K. Jager. Trient». (Эту подробность сохранил для истории тот же пунктуальный И. С. Сергеев.) Рудольфа Лахера имеет в виду Дитерихс, когда упоминает о пленном австрийце Адольфе, который прислуживал Юровскому и его заместителю Никулину. В ночь расстрела Лахер, скорее всего, находился в Ипатьевском доме или где-то рядом. После того как отгремели выстрелы и грузовик с убийцами и телами убитых выехал со двора, Лахер мог войти в подвал; под впечатлением увиденного он мог вспомнить стихотворение Гейне.

Заставив и эту надпись, и даже «каббалистические» знаки работать на версию «еврейского заговора», Дитерихс и его сподвижники только еще раз показали ее неосновательность. Прочное здание не нуждалось бы в таких подпорках.

Игорь Шафаревич

Игорь Ростиславович Шафаревич в детстве был вундеркиндом. Школьником, он перечитал массу литературы по высшей математике, а затем явился в Московский университет с просьбой его проэкзаменовать. В 17 лет Шафаревич был принят на последний курс Московского университета и через год его окончил. В 20 лет он уже сам читал лекции и вел семинары, хотя был младше своих студентов. С годами его математический талант расцвел во всю мощь. Он внес крупный вклад в сложнейшие области математики, создал свою научную школу, стал членом-корреспондентом Академии наук СССР и членом многих ведущих академий мира: Американской академии наук, Лондонского королевского общества, Германской академии Леопольдина и ряда других.

Шафаревич не мог мириться с коммунистической системой власти и в 70-е годы оказался в числе ведущих диссидентов. Репутация ученого с мировым именем защищала его от «тюрьмы и сумы», но от преподавательской деятельности в университете его отлучили, не продвигали в академики, хотя по научному весу он этого заслуживал, пакостили, как могли.

Но среди диссидентов Шафаревич тоже вскоре стал диссидентом. Если большинство из них, борясь за права человека, ориентировалось на западные ценности демократии и свободного предпринимательства, то для Шафаревича светлое будущее России лежало в ее самодержавно-православном прошлом. По его мнению, сближение с Западом может только «разжижить» ее национальную самобытность. России это противопоказано. Толкает же ее на этот гибельный путь небольшая группа интеллигентов, в которой доминируют евреи.

По Шафаревичу, «малый народ», как он назвал такую интеллигенцию, не понимает чаяний «большого» народа, не уважает его традиций и самобытной культуры, считает его быдлом, пригодным только на то, чтобы служить материалом для безответственных социальных экспериментов.

Свой главный труд — под названием «Русофобия» — Шафаревич закончил в 1982 году. Опубликовать его было, конечно, невозможно. Лишь через несколько лет, когда в воздухе запахло горбачевским либерализмом, Шафаревич решился пустить его в самиздат. И в 1989 году свершилось — «Русофобия» появилась на страницах журнала «Наш современник».

Нет нужды касаться всех аспектов этой работы. На Западе она поставила недавнего диссидента вне цивилизованного общества. Президент и секретарь Американской академии наук направили Шафаревичу письмо, в котором просили его выйти из состава академии, так как по уставу

исключен из нее никто быть не может. Шафаревич стал первым американским академиком, получившим такой пинок!

Зато для российских фашистов Шафаревич и его «Русофобия» оказались находкой: в «патриотическом» лагере не было людей со столь высокой репутацией и произведения, в котором столь броско и плакатно излагалась «наука ненависти» к евреям. Шафаревич был введен в редколлегия «Нашего современника» и некоторых других «патриотических» изданий, стал раздавать интервью, часто появляться на телевизионных экранах — словом, в одночасье стал знаменитостью, словно звезда рок-н-ролла или спортсмен, выигравший десяток олимпийских медалей.

В контексте этого очерка интерес представляет всего несколько строк из «Русофобии», которые я здесь приведу полностью: «Николай II был расстрелян именно как Царь, этим *ритуальным актом* (курсив мой. — СР.) подводилась черта под многовековой эпохой русской истории... Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в Царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбард), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двустишие из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это»¹.

К этому месту автор делает примечание, которое тоже нельзя обойти: «Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаем из нее, что на стенах дома, где произошел расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!»².

На какую книгу ссылается Шафаревич, установить невозможно, так как не названы ни имена авторов, ни название; а вот откуда пошла сказка о «надписях на идиш», нам уже ведомо. Придется сказать пару слов о неожиданном превращении Белобородова в Вайсбарда. Эта остроумная находка принадлежит не самому Шафаревичу, а американскому профессору-антисемиту российского происхождения П. Пагануцци. В книге «Правда об убийстве царской семьи» биографическую справку о Белобородове он начинает так: «Александр Григорьевич Белобородов (Вайсбард?), 27 лет»³. В том, что автор переврал отчество одного из ведущих героев своего повествования (правильно Георгиевич), беды, конечно, нет; но, снабдив вопросительным знаком

¹ И.Р. Шафаревич. Сочинения в трех томах. М., «Феникс», 1994. Т. 2, стр. 145.

² Там же.

³ П. Пагануцци. Правда об убийстве царской семьи. Стр. 62.

еврейский вариант его фамилии, он проявил недопустимый оппортунизм. У истинных ритуалистов не должно возникать сомнений. Поэтому Шафаревич смело отшелушил неуместный крючок.

Столь же неколебимо он уверен в том, что в царя стрелял именно Юровский. В конце концов на этом в своих записках настаивал и сам убийца. Проблема в том, что у него было минимум два конкурента: член расстрельной команды Павел Медведев (Кудрин) приписывал убийство Николая себе, а комиссар Петр Ермаков — себе. Специалисты считают этот вопрос невыясненным. Но академик-ритуалист вычислил с математической точностью: в царя стрелял еврей Юровский!

Итак, *ритуальный акт*. Слово произнесено! Брошено возбужденной толпе! При этом кровавому навету придано третье измерение. Благодаря «жесткому уму» математического гения на пороге третьего тысячелетия своего существования ритуальный миф приобрел объемность.

В течение веков навет держался на двух китах.

На заре христианской эры считалось, что евреи, упорствуя в своем неприятии божественности Иисуса Христа, распинали попадавших в их руки христиан, «ритуально» повторяя казнь самого Иисуса. Именно таков, как мы помним, «сакральный» смысл казни Евстратия, первого россиянина, «умученного от жидов».

Эта теория, при большой эмоциональной силе, имела существенный изъян. Распятие на кресте — процедура сложная, да и после падения Рима она вышла из моды. Напаса-ка нужное число распятых! Вот и мертвого Евстратия пришлось тащить в Киев аж из греческой Корсунии...

С появлением легенды о добывании крови из христианских младенцев дело пошло веселее: сфера практического применения мифа расширилась. В течение веков добрые христиане были горазды плодить потомство, но не присматривать за ним должным образом. Детская смертность была огромной, и не только от повальных болезней, но и от беспризорности. Отношение к этому большинства родителей было философское: «Бог дал, Бог и взял». Дети терялись в лесах, тонули, становились добычей сексуальных маньяков, разбойников, диких зверей, а иногда и расчетливо подвергались истязаниям «под жидов». К услугам ритуалистов всегда была наглядная агитация.

Однако с распространением науки и просвещения этот миф становилось все труднее поддерживать. Одна из промашек состояла в том, что в заклании христианских младенцев традиция усматривала аналогию с ритуальным забоем скота, который у религиозных евреев производится строго определенным образом. Правила хорошо известны, ничего секретного в них нет. Специально обученный резник (шойхет) обязан применять только остро отточенный нож без единой зазубрины. Для верности нож 12 раз (!) пробует на ногте. Затем делается быстрый глубокий надрез шейной артерии животного. Этим достигается наиболее быст-

рое и полное обескровливание, причем животное испытывает минимум боли. Древние евреи, разработавшие эту технологию, хорошо знали сравнительную анатомию. Но ритуалисты анатомии не знали. По их описаниям, ритуальные убийства совершались колющим предметом; кровь, вытекавшая из многочисленных ран, собиралась в сосуд, а жертва медленно умирала в страшных мучениях. Именно так воровская шайка разделала «под евреев» Андрюшу Ющинского. Свою мудрость она почерпнула из трудов Лютостанского. Чего не знал Лютостанский, а до него Неофит, а до него Пикульский и все их более ранние предшественники, пронесшие сквозь века эстафету кровавого навета, так это того, что из колотых ран вытекает очень мало крови: это крайне неэффективный способ ее «добывания».

Игорь Шафаревич освободил миф от средневековых нелепостей. Если *расстрел* царя был *ритуальным актом*, то любое убийство или только предполагаемое убийство, к которому причастны или только могли бы быть причастны какие-нибудь евреи, или масоны, или просто интеллигенты, подпадающие под понятие «малый народ», — может быть объявлено еврейским ритуальным убийством.

После «Русофобии»

Как я отмечал, в официальной советской пропаганде — при всей ее антисемитской направленности — обвинения евреев в ритуальных убийствах не допускались. Ритуальные мифы невозможно было совместить с коммунистической доктриной интернационализма, как бы ни выхолащивалось ее содержание. При советском режиме кровавый навет мог возвращаться в обиход общественного сознания только с черного хода, в виде слухов, сплетен или самиздатских апокрифов типа «Записки» В. И. Даля».

Отбросив этот запрет, публикация «Русофобии» сработала как детонатор. Ее появление соответствующие круги восприняли однозначно: «Ага! Значит, теперь уже можно!»

Вскоре появилась газета «Земщина», которую стала издавать вновь созданная организация «Черная сотня». Газета обильно перепечатывала из дореволюционной «Земщины» измышления о ритуальных убийствах.

В 1992 году в другой национал-патриотической газете, «Итоги», появилась статья уже не о прошлом, а о современности. В ней утверждалось, что жертвами еврейских ритуальных убийств ежегодно становятся полторы тысячи (!) русских детей.

К этому времени уже стала широко известна многократно переиздававшаяся «Записка» В.И. Даля». Она апологетически комментировалась в церковных и светских «патриотических» изданиях — при гробовом молчании либеральной печати.

18 апреля 1993 года, в первый день православной Пасхи, разыгралась трагедия в знаменитом монастыре в Оптиной Пустыни. На рассвете человек с бородой и в шинели притаился на монастырской колокольне, а когда туда поднялись два монаха и начали звонить к заутрене, он подкрался к ним сзади и нанес по несколько смертельных ударов длинным клинком и финкой. Убегая, убийца столкнулся со священником, который шел в церковь. Убил и его...

По показаниям очевидцев был составлен фоторобот убийцы, и он был опознан как Николай Аверин, тридцатидвухлетний житель деревни Волконск. Бывший участник афганской войны, он получал пенсию по инвалидности — после лечения в психбольнице.

Аверин окончил культпросветучилище, играл на баяне и гитаре. Призванный в армию, он служил в музыкальном взводе, но когда предложили добровольно отправиться в Афганистан, записался без колебаний: «чтобы потом в деревне обо мне не сказали, что два года продудел на трубе».

Из Афганистана Аверин вернулся без единой царапины, но облысевший, с тяжело травмированной психикой. Фанатично уверовал в

Бога: ночи напролет читал Библию, соблюдал все посты, без молитвы не садился за стол. Но Божий милости не дождался. В болезненном мозгу Аверина неразделенная любовь к Богу стала вытесняться ненавистью. Трижды он вскрывал себе вены, покушаясь на самоубийство; пытался изнасиловать девочку. Основательно готовясь к смерти, покупал для этого специальные костюмы и завещал, как именно его хоронить. И, наконец, пошел и убил трех священнослужителей.

Его взяли в доме тетки в Козельске, когда он крепко спал. Аверин не стал заператься, а сообщил, что совершил преступление «по наущению сатаны».

В традиционный ритуальный миф Оптинская трагедия никак не укладывалась. Во-первых, в деле не было ничего таинственного. Во-вторых, убийца не имел ничего общего с евреями. В-третьих, сюда нельзя приплести «источение крови». Даже у таких «знатоков» тайных иудейских ритуалов, как Лютостанский или Скрипицын, не хватило бы воображения увязать безумную акцию Аверина с ритуальной легендой.

Однако после того, как Шафаревич осовременил ритуальную мифологию, все стало возможно. Да и нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики. И вот в «Правде» от 5 мая 1993 года появляется статья Дмитрия Герасимова «Сатанинское племя. Кто стоит за убийцей иноков?»

«...Чуть больше года назад, — напоминает о своих прошлых заслугах автор, — описывая в «Советской России» попытки хулиганского захвата сектой любавичевских хасидов рукописей Шнеерсона, я лишь мельком упомянул о значившихся в этих рукописях описаниях ритуальных убийств¹. И тут же жестоко поплатился: был бит в самом прямом смысле слова.

С тех пор мне удалось побеседовать с ученым, доктором филологических наук — ныне гражданином Израиля — В. Гольдбергом, который, избегая оценок и тем более политической окраски прочитанного, поведал мне о содержании рукописей и рассказал ритуальную притчу об убийстве левитами (при поддержке раввинов) иноверцев — гоев — с последующими жертвоприношениями... Признаком национального и религиозного могущества, испрошения высокой милости Бога, считалось у левитов принесение в жертву иноверца в день его святого праздника. Чем лучше в нравственном плане приносимый в жертву, тем выше благо-

¹ Речь идет о библиотеке Любавичевского ребе, который в конце 20-х годов был арестован за религиозную деятельность, приговорен к смертной казни, но затем, под давлением мировой общественности, выслан за границу. Его имущество было конфисковано, в том числе библиотека, состоявшая из 12 тысяч томов религиозных текстов. Только в конце 80-х годов это собрание нашлось в Библиотеке имени Ленина, после чего община любавичевских хасидов, воссозданная в Соединенных Штатах, стала добиваться ее возвращения. Книги эти пролежали забытыми и никем не читанными в течение десятилетий, но автору статьи «известно», что в них имеются «описания ритуальных убийств»!

воление Бога. Поэтому на заклатие брали детей и духовных лиц. При жертвоприношении характерны были ножевые ранения в подмышечную область и пах.

Но это еще не все, — продолжает автор главного коммунистического официоза. — По свидетельству многочисленных исследователей (! — *СР.*), эти ритуальные убийства сохранились... вплоть до сегодняшнего дня. Например, у хасидов.

Здесь даже не важно, чьими руками действуют подобные изуверы — опоенного наркотиками юнца или сумасшедшего, важно то, что религиозные, оккультные формирования в России ширятся и растут день ото дня.

По сверхсекретным данным 13-го отдела НКВД, а затем и аналогичного отдела КГБ, в России ежегодно гибнут по неизвестным причинам со следами ритуальных пыток 45 — 50 человек; количество же сект и масонских лож не поддается учету...

Сатане сегодня в России живется вольготно, поэтому и говорить о нем надо сейчас в полный голос».

К этой погромной агитке, которой мог бы позавидовать сам Крушеван, «Правда» дала редакционное послесловие: «Секты любавичевских хасидов, которые уже неоднократно справляли свои религиозные праздники в русской святыне — православном Кремле, как сообщают информационные источники, готовятся широко праздновать очередные праздники Хануки и Еврейскую Пасху в России. Новый, 1994 год будет ознаменован невиданной волной пропаганды иудаизма и сионизма»².

В отличие от большинства других случаев, либеральная печать России отреагировала на этот всплеск красно-коричневой ненависти. В «Известиях» появилась заметка профессора Леонида Гольдина под названием «Сатанинские игры в «Правде»». Многое уместил автор в две коротенькие колонки. Даже напомнил о том, что ритуальная агитация в свое время привела к Кишиневскому погрому и что большевистская «Правда», тогда только родившаяся, «внесла добрую лепту в борьбу с антисемитской истерией». «Какие же метаморфозы претерпела коммунистическая идеология, интегрировавшая средневековое мракобесие?» — задал автор риторический вопрос, добавив, что «это небывалый ранее выплеск бензина на тлеющие угли»³.

Логично было бы потребовать от российских властей принятия решительных мер против партийных ритуалистов в соответствии с законом о разжигании национальной розни (Статья 74 Уголовного кодекса — ныне статья 282). Однако в заключительной части заметка Л. Гольдина получила неожиданный поворот. Автор воззвал к... американскому правительству!

²«Правда», 1993, 5 мая.

³«Известия», 1993, 7 мая.

«Верните домой сотни хасидских парней — пусть даже вопреки их воле, которые пытаются учиться и учить здесь, в России. Их пейсы и кисточки на бедрах, образ поведения мало вписываются в раскаленную российскую атмосферу. Не зная языка, ситуации, вне привычных условий, они ни себе, ни другим ничем не помогут, но, помимо их воли и вины, провоцируют темные чувства немалой части не отличающихся терпимостью наших обывателей, евреев в том числе»⁴.

Да, хасиды выделяются своим внешним видом, и их появление на улицах Москвы и других российских городов раздражает обывателей, в том числе и евреев. К этому следовало бы добавить, что некоторую часть евреев они раздражают больше всего. Их опасения, видимо, и выразил Л. Гольдин. Евреи в России привыкли не высовываться. «Кого первого танк давит? — Того, кто из окопа высовывается!» Эта житейская мудрость многим облегчала существование под пятой большевистского фараона, следуют ей большинство евреев и в постсоветской России.

Но американское правительство не понимает такой логики. На статью в «Правде» оно отреагировало представлением посольству России в Вашингтоне и Министерству иностранных дел в Москве. Статья была расценена как призыв к погрому и покушение на дух религиозной терпимости.

Соединенные Штаты обратили особое внимание на то, что статья увязывает убийство православных монахов с усилиями американской общины любавичевских хасидов вернуть конфискованную библиотеку. Правительство США заявило, что поддерживает это требование и намерено и впредь добиваться возвращения библиотеки.

Когда-то было распространено убеждение, что причина антисемитизма в пейсах, «кисточках на бедрах», длинных черных лапсердаках. Но когда евреи надели цивильное платье, сбрили пейсы и бороды, освоили язык и культуру «коренных» наций, а затем в большинстве утратили связь и с религией своих предков — словом, перестали выделяться, антисемитизм не пошел на убыль, а принял и вовсе людоедский характер, перерос в инструмент политической борьбы против демократии — в фашизм и нацизм.

Это логично: если евреям приписывают качества вампиров, высасывающих кровь из младенцев, то чем меньше они выделяются, тем они опаснее! И эта мнимая опасность, искусно раздуваемая и используемая политическими демагогами, становится мощным оружием в борьбе за власть. Российские национал-патриоты — по рецепту Розанова, Флоренского и их сегодняшних последышей — с особым рвением выискивают скрытых евреев, полуевреев, четверть-

⁴ Там же.

евреев, сотая-евреев, породненных с евреями. С «патриотической» точки зрения, профессор Л. Гольдин, сообщающий о себе, что тридцать лет состоял в компартии, не раз публиковал «правильные» статьи в той же «Правде», ну а потом, конечно, из партии вышел, куда опаснее, чем хасиды в своих черных шляпах и лапсердаках, ставшие своеобразной декоративной деталью московского ландшафта.

К сожалению, российских демократов все это мало интересует. Если они и реагируют на некоторые одиозные антисемитские выпады, то лишь постольку, поскольку им самим это тактически выгодно. Стратегии у них нет.

Если «Известия» хотели всерьез противостоять «выплескам бензина на тлеющие угли», им следовало не взывать к правительству США с просьбой убрать хасидов против их собственной воли, а запросить Министерство госбезопасности (как тогда еще именовалась нынешняя ФСБ) относительно того, действительно ли оно снабдило Д. Герасимова сведениями относительно 50 детей, ежегодно погибающих «со следами ритуальных пыток», и если да, то пусть даст отчет о том, откуда они почерпнуты, а если нет, то пусть опубликует опровержение и примет надлежащие меры к дезинформатору.

Следовало также запросить ОВИР относительно выездных документов на доктора филологических наук В. Гольдберга. Если таковой действительно выехал на постоянное жительство в Израиль, то надо было попытаться найти его в этой стране и спросить, беседовал ли он с Д. Герасимовым и что именно ему говорил. У такой большой газеты, как «Известия», достаточно возможностей, чтобы провести несложное журналистское расследование.

Однако, напечатав заметку Л. Гольдина, «Известия» посчитали тему закрытой.

Между тем ритуальный характер убийства трех монахов продолжает муссироваться. По версии О. Платонова, «сатанист, совершивший эти ритуальные убийства (предполагают, что он сделал это не один), заявил: «Идет война между Богом и сатаной, а монахи — воины Бога, особенно враждебные сатане. Поэтому я их и убил»⁵. Ну а сатанисты всех мастей, по О. Платонову, — продукт иудо-масонской цивилизации, которая создает и пестует их с единственной целью — угробить христианскую цивилизацию России.

⁵ Платонов-1, стр. 442.

Продолжение царского дела

Хотя большевистские власти сразу же после расправы над узниками Дома особого назначения широко оповестили о казни «Николая Кровавого», а позднее признали и то, что вместе с ним были убиты все члены его семьи, они не афишировали подробностей злодеяния. В Советском Союзе в течение десятилетий не замечалось сколько-нибудь значительного интереса к тому, что же произошло с семьей последнего царя. Однако с начала 70-х годов, по мере роста разочарования в коммунистической идеологии, число желающих узнать подробности о екатеринбургской трагедии росло с каждым годом. Дом особого назначения — в котором размещался партийный архив — превратился в место паломничества: каждый приезжавший в Свердловск старался в нем побывать. Власти обеспокоились. В 1977 году, по приказу первого секретаря Свердловского обкома партии Б.Н. Ельцина, получившего указание из Москвы, Ипатьевский дом сравняли с землей. Но интерес к судьбе Николая от этого не уменьшился.

В числе любопытных были два друга — московский кинорежиссер Гелий Рябов и свердловский геолог Александр Авдонин. Они собирали труднодоступную литературу о гибели царской семьи, познакомились с сыном командира расстрельной команды Якова Юровского, у которого хранилось письмо-завещание отца с подробными сведениями о захоронении тел.

В 1979 году Рябов и Авдонин, руководствуясь указаниями Юровского, отыскиали место захоронения девяти тел (два тела, как явствовало из завещания, были сожжены). Более десяти лет друзья хранили тайну о своем открытии. Сообщили они о нем уже в обстановке гласности и перестройки.

Наконец-то за дело смогли взяться профессионалы. Археологи и судебно-медицинские эксперты, историки и архивисты, математики и биологи, дантисты и генетики, специалисты из Екатеринбурга, Москвы, Великобритании, Соединенных Штатов ринулись изучать «екатеринбургские останки».

Тут же началось перетягивание каната между Екатеринбургом и Москвой. Как в 1918 году столица Красного Урала отказывалась уступить царскую семью Москве, так и в 90-е годы Екатеринбург отказывался уступить ее прах. Трагедия повторялась в виде фарса.

Соответственно и участники исследований — российские и иностранные — разделились на два враждующих клана. Сторонники Екатеринбурга уличали в ошибках, методических просчетах, недостаточной

компетенции и неэтическом поведении сторонников Москвы, а те соответственно наоборот.

Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что в обеих группах работали специалисты мирового класса и существенных научных разногласий между ними не было. За несколько лет первоначальные предположения Рябова и Авдонины были полностью подтверждены, многократно перепроверены, уточнены десятками разных методов — от судебно-медицинских и молекулярно-генетических до математико-статистических. Сомнительной оставалась идентификация одного женского скелета, хотя и относительно него не было сомнений, что он принадлежит одной из младших дочерей царя: либо 17-летней Анастасии (а в числе двух сожженных трупов наряду с царевичем Алексеем была Мария) либо 19-летней Марии (а сожжена была Анастасия). Во всем остальном разногласий не было: найденные останки действительно принадлежат Николаю, его жене, их трем дочерям и погибшим вместе с ними доктору Боткину, фрейлине Демидовой, повару Харитонову, камердинеру Труппу.

Сенсационные открытия, сопровождаемые скандалами, привлекали обостренный интерес публики. Этим пользовались ритуалисты, наполнявшие красно-коричневые издания *своими* «открытиями» и сенсациями. Они не соглашались с выводами ученых, настаивая на том, что найдены «не те» кости, чем искусственно подогревали интерес к проблеме. Под сурдинку в сознание обывателя внедрялась «ритуальная» отравка. Как писала публицистка «Известий» Элла Максимова, «параллельно с работой в лабораториях и архивах шло нагнетание страстей в прессе и эфире. В выступлениях ученых и неученых мужей нет новых фактов, находок, состоят они преимущественно из вопросов, рассчитанных на вселение в граждан подозрений. Что говорить, сам институт судебного следствия у нас скомпрометирован, а фальсификация истории вошла в набор типовых принципов власти. Но какая корысть усматривается в деле о царских останках? Не подпитывают ли гласы общественности совсем иные мотивы? Неутоленное честолюбие, обида — почему не меня, тоже специалиста, не позволили, обошли? Или мракобесные слухи о заспиртованных головах Романовых в кремлевских тайниках? Поступили ведь к [прокурору Генеральной прокуратуры В.Н.] Соловьеву и такие заявления, да на официальных бланках с печатями»¹.

Что же это за официальные бланки? Увы, осведомленная журналистка обрывает себя на полуслове. Не вытравленная с советских времен привычка к умолчаниям, дабы не пугать цензуру. (Государственной цензуры давно нет, но живуч внутренний цензор!)

¹ «Известия», 1994, 6 апреля.

Однако договорить недоговоренное Э. Максимовой не трудно. Очень и очень многие лица и организации «патриотического» толка воспользовались понятным общественным интересом к «царскому делу» для дальнейшего нагнетания ритуальных и иных мифов.

В 1995 году президент Ельцин создал правительственную комиссию во главе с вице-премьером Ю. Яровым для «окончательной» идентификации останков и их захоронения. Но работа комиссии была парализована более двух лет — не в последнюю очередь из-за того, что Священный синод Русской православной церкви требовал от нее официально «подтвердить или опровергнуть ритуальный характер убийства».

С мертвой точки работа комиссии сдвинулась только в декабре 1997 года, когда Ельцин поставил во главе ее другого вице-преьера, молодого и считавшегося наиболее либеральным реформатором Бориса Немцова. Ему было поручено энергично взяться за дело, чтобы похороны могли состояться 17 июля, в 80-ю годовщину убийства. Правда, по некоторым данным, инициатива исходила от самого Немцова, которого проблемой цареубийства и екатеринбургских останков заинтересовал его советник Виктор Аксючиц, «монархист умеренных национал-патриотических взглядов», как его характеризует авторитетная организация по изучению экстремистских движений в России «Панорама»². В вопросе о «ритуальном характере убийства царской семьи» либеральный реформатор Немцов не усмотрел никакой неловкости, заявив, что считает его столь же законным и уместным, как и любой другой вопрос. Так российское правительство дало официальную санкцию на превращение средневекового предрассудка о ритуальном каннибализме евреев в предмет официальной озабоченности государственной власти. Кажется, это произошло впервые со времен рескрипта Николая I по Велижскому делу.

К счастью, в Генеральной прокуратуре «царское дело» попало в руки непредвзятого прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева. Он пришел к следующему выводу:

«Мотивы такого решения [об убийстве царской семьи] носили политический характер и никак не были связаны с какими-либо религиозными тайными культами. Среди большевиков, принимавших такое решение, лица еврейского происхождения находились в меньшинстве: из 5 членов президиума Уралсовета 1 еврей, из 6 членов коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии 2 еврея. ...Среди них не было ни одного человека, активно участвовавшего до и после революции в каких-либо религиозных организациях. Можно с уверенностью сказать, что все участники решения о расстреле царской семьи, в том числе и в Кремле, как и исполнители приговора, были людьми нер-

² А. Верховский, Е. Михайловская, В. Прибыловский. Политическая ксенофобия. Радикальные группы — Представления политиков — Роль церкви. М., ООО «Панорама», 1999, стр. 87.

лигиозными. Принятие решения о расстреле царской семьи не было связано с какими-либо религиозными или мистическими мотивами. Его определило в основном настроение руководства и широких масс Урала, а поводом стало обострение военной обстановки и близость падения Екатеринбурга»³.

Убедительно? Далеко не для всех.

«Работа комиссии вызывала раздражение черносотенных, ультранационалистических кругов. Проведенные исследования ставят под сомнение (только под сомнение?! — С.Р.) привлекательную для них версию «ритуального убийства» — царя-де убили евреи, согласно своим тайным обрядам. Примечательна резолюция, которую принял III съезд Союза православных братств: выводы комиссии были названы «подлогом» — «для того, чтобы скрыть ритуальный характер преступления»⁴.

Правда, после встречи Немцова с патриархом Алексием II «появилась абсолютная уверенность, что с идентификацией больше проблем нет — под Екатеринбургом найдены останки царя, его близких»⁵.

Окончательное решение должно было быть принято на заседании правительства в пятницу 27 февраля 1998 г. А утром того же дня в Свято-Даниловском монастыре состоялось заседание Священного синода, который не признал «екатеринбургские останки» царскими, хотя и согласился с тем, что эти безымянные останки «принадлежат жертвам богоборческой власти», предложив провести безотлагательное погребение их в символической могиле». Синод заявил, что «церковь сомневается в их принадлежности и, дабы не смущать паству, не ввергать в поклонение ложным останкам, считает нужным поместить кости в склепе ... поверх земли, чтобы были доступны для будущих исследований»⁶.

Заседание правительства вместо одного длилось три с половиной часа. А потом к представителям прессы вышли растерянный Немцов и уверенный митрополит Ювеналий. Оба с торжеством сообщили, что решение произвести погребение останков 17 июля 1998 года было единодушным.

Более определенно на вопрос о том, что происходило на заседании, ответил журналистам прокурор-криминалист В.Н. Соловьев: «Повторю за Виктором Степановичем Черномырдиным [заседание началось] — с полной неожиданности в виде решения Синода... Наступила не то, что общая растерянность, но удивление и недоумение: как поступить дальше? Ведь без участия церкви царских похорон быть не может. За кого она будет молиться?»⁷

³ «Московские новости», 1998, № 8, 1 — 8 марта, стр. 2.

⁴ Там же.

⁵ Элла Максимова. Кого будем хоронить. «Известия», 1998г., 3 марта.

⁶ Максимова, там же; Верховский и др., стр. 88.

⁷ Максимова. Там же.

Страсти вокруг похорон «екатеринбургских останков» кипели до последнего дня. Дошло до того, что некий Артур Елисеев, бывший милиционер, засел в Петропавловском соборе с взрывчаткой и угрожал взорвать его в знак протеста против предстоявшего захоронения. Террориста удалось обезоружить и отправить на психиатрическую экспертизу.

По постановлению Синода, патриарх отказался от участия в похоронах и то же было рекомендовано всем епископам. Правда, в качестве компромисса, рядовым священникам не запретили отпевать «екатеринбургские останки», а некоторым даже рекомендовали, хотя на крестных ходах и собраниях по случаю 130-й годовщины со дня рождения Николая II национал-патриоты требовали, чтобы патриарх запретил участвовать в похоронах кому-либо из духовенства.

Устроенный патриотами афронт настолько смутил президента Ельцина, что он тоже решил не появляться на похоронах. Это вызвало цепную реакцию отказов со стороны высших чиновников и депутатов. Но в последний момент Ельцин все-таки приехал, отозвавшись на страстный призыв всеми почитаемого культуролога академика Д.С. Лихачева.

Похороны состоялись, но были крайне двусмысленными. С одной стороны, останкам вроде бы отдавались царские почести, с другой — не отдавались. Патриарх Алексей II в церемонии не участвовал, а участвовавшие священники в своих молитвах не называли имен тех, кого хоронили. «Екатеринбургским останкам» было отказано лежать в традиционной усыпальнице Романовых в Петербургском Петропавловском соборе. Их поместили в боковом притворе собора.

Только наивные люди могут думать, что решения Синода и другие маневры церковных кругов продиктованы стремлением «не смущать паству». Как раз напротив: их цель продолжать «смущать» людей, продолжать держать руку на пульсе все еще горячего «царского дела», не дать затухнуть слухам и пересудам о ритуальном характере цареубийства.

Не следует упускать из виду и более широкого контекста, в особенности становящейся все более вероятной канонизации Русской православной церковью Николая II⁸ — по примеру Зарубежной церкви, и соответственно поклонения «мощам», то есть останкам. Но кому в нынешней России нужны мощи царя Николай, «убиенного от большевиков»? Во всяком случае, не руководству церкви, в котором доминируют недавние агенты влияния и просто агенты КГБ. Такая «святость» последнего русского царя способна только рассорить церковь с компартией России — стратегическим и часто тактическим союзником патриотов православно-монархического толка.

⁸Написано до его официальной канонизации.

Как говорит глава компартии Геннадий Зюганов, «все большее значение в духовной жизни российского общества приобретает религиозный фактор». Коммунистический вождь призывает церковь и общество «отразить духовную агрессию заморских проповедников и тоталитарных сект, мутным потоком обрушившихся на Россию». Зюганову как заправскому патриоту всюду мерещатся внутренние и внешние враги, объединившиеся в «стремлении лишить Святую Русь ее духовного богатства, оторвать русский народ от его исконных святынь». Особенно его пугают «соблазны экуменизма, стремящегося растворить Православие в «плавильном котле» единой «мировой религии», грозящего Русской церкви тяжелыми внутренними потрясениями»⁹. Как ни странно выглядит забота о православии со стороны «богоборческой» (в прошлом) компартии, сегодня опора красных на православно-монашескую и черносотенную идеологию нисколько не удивляет. Святой Николай II нужен сегодняшним патриотам как «убиенный от жидов», а не от большевиков! И можно не сомневаться, что если бы прокурор-криминалист В.Н. Соловьев не отмел столь решительно ритуальную версию убийства царской семьи, а оставил для нее хотя бы крохотную лазейку, Священный синод с готовностью согласился бы с идентификацией «екатеринбургских останков», патриарх без колебаний возглавил бы службу в Петропавловском соборе, и «убиенный от жидов» государь император, возможно, уже был бы канонизирован. К религии все это отношения не имеет. Это политика. Это манипулирование симпатиями и антипатиями миллионов людей (а теперь это избиратели!), чье естественное сочувствие к трагической судьбе царской семьи современные фашисты стремятся трансформировать в свой политический капитал. Тот же Олег Платонов пишет о «ритуальном убийстве Николая II» как об установленном факте¹⁰.

Олег Платонов — не одинокий стрелок, донкихотски воюющий с ветряными мельницами мирового еврейского сатанизма. Доказательство тому и в том, что свои «изыскания» он публикует в толстенных томах — по восемьсот и более страниц большого формата, причем около половины каждого тома занимают перепечатанные тексты «классики» антисемитизма. Тома издаются в твердых кожаных переплетках, на бумаге самого высокого качества, с цветными иллюстрациями. Продаются они по допинговым ценам — ниже стоимости бумаги, на которой напечатаны. Независимо от тиража они окупиться не могут. За последние годы, в погоне за антисемитскими материалами, Олег Платонов объездил весь мир. Только в Соединенных Штатах, по его

⁹ А. Верховский и др. стр. 85.

¹⁰ Платонов-1, стр. 346.

словам, он побывал семь раз, месяцами колеся по стране, работая в архивах и библиотеках ведущих исследовательских центров и университетов. Кто-то за это платит. Несмотря на тяжелый финансовый кризис, в России есть спонсоры, готовые оплачивать распространение кровавого навета.

И вот уже Юрий Власов — в прошлом прославленный спортсмен, а в последние годы видный политик национал-патриотического толка — несет миру благую весть о «ритуальном убийстве» самой России евреями, ставящими золотой памятник покровительствующему им Борису Ельцину. А под пером одного из ведущих идеологов красно-коричневого альянса Александра Проханова президент США Клинтон «ритуально» бомбит Ирак и Югославию, то есть страны с профашистскими режимами.

«Слово П[роханова], и художественное, и публицистическое, всегда сочно, образно, напористо и остро».¹¹ С этим трудно не согласиться. Чего нет в художественном и публицистическом творчестве Проханова, так это здравого смысла, терпимости и хотя бы малейшего стремления к правде¹².

В годы «застоя» этот «соловей генштаба» воспевал самые гнусные оргии агонизировавшего советского режима: войны в Афганистане, Эфиопии, Никарагуа. Оказавшись на стороне проигравших все эти грязные войны, он не складывает оружия. Он рвется к реваншу. И у него немало союзников, от полоумных генералов с депутатскими мандатами, которые, потрясая кулаками, грозят отправить на тот свет всех «жидов», до губернаторов, устраивающих крестовые походы против «сионистов» и «кавказцев» в масштабах своих губерний; от самых радикальных коммунистов, требовавших импичмента президента Ельцина за покровительство евреям, «организовавшим геноцид русского народа», до священнослужителей, отказывающихся признать «екатеринбургские останки» тем, что они есть.

«Если долго и много занимаешься всемирною историею, то иног-

¹¹ «Русские писатели XX века. Библиографический словарь. Под редакцией Н.Н. Скатова, М., «Промсвещение», 1998, стр. 238.

¹² По поводу выхода в свет Биобиблиографического словаря «Русские писатели XX века» академик Д.С. Лихачев сказал следующее: «Это возмутительно — это проникновение самых низких воззрений в науку! К тому же я вижу тут хитро задуманный план, ведь в словаре помещены статьи Павловского, Лаврова и других хороших литературоведов — рядом с никудами не годными и просто позорными статьями. Беда в том, что отдельные статьи можно уничтожить, а такое издание — нет, его уже очень трудно вытолкнуть из справочной литературы. Им будут пользоваться поколения, и оно способно принести огромный вред». Однако возмущение покойного академика разделяли лишь немногие российские литераторы. «Когда меня попросили собрать мнения наших писателей о словаре для антифашистского журнала «Барьер», впечатление у меня сложилось неожиданно грустное. Кому-то это показалось не стоящим внимания, кто-то сам писал статьи для словаря, кто-то откровенно не хотел ссориться с могущественным директором Пушкинского дома» (Т. Вольская. Все дело в молодости. «Персона», 1999, № 10, стр. 23). Таким образом, если не всем, то большинству в России «все до лампочки». Нет более благоприятной почвы для прорастания ненависти и фашизма.

да невольно приходит мысль, что история человечества есть отчасти история обитателей сумасшедшего дома, отчасти же история разбойничьей шайки» писал более ста лет назад Д.А. Хвольсон¹³.

Если это горькое обобщение может показаться чрезмерным, то не по отношению к постсоветской России¹⁴.

Национал-патриоты составляют в России не маргинальные группы, как их американские коллеги. В Америке с фашистами тоже хватает забот. Они могут взорвать правительственное здание, протащить несколько миль по асфальту привязанного к машине «нигтера», пустить автоматную очередь в еврейских детей, застрелить почтальона-филиппинца. От них можно ждать еще много бед, но не перемены государственного строя. На это у них нет силенок. Хотя одну из своих книг Олег Платонов посвятил скорой гибели Америки — от сатанинско-еврейского заговора¹⁵, американцам как-то нестрашно. Они знают, что у американской демократии большой запас прочности.

В России политическое влияние фашиствующих группировок многократно превосходит влияние скомпрометированных неумелыми действиями и погрязших в коррупции «демократов». К счастью, у российских красно-коричневых нет единого лидера, они разделены на партии и группы, и усилия объединить их в монолитную организацию пока не приводят к успеху. Однако они крепки своей верой в конечную победу дела Крушевана, Лютостанского, Розанова, Платонова, Проханова и других героев этого повествования.

Сбудутся ли их чаяния? Надеюсь, что нет. Но уверенности не имею. Соппротивление либеральной части общества антисемитизму и ксенофобии в современной России совершенно неадекватно той опасности, какая от них исходит¹⁶.

Кровавый навет, которому посвящены эти очерки, — лишь один из многих антисемитских мифов — наиболее злобный, шокирующий и нелепый. Если даже этот миф столь широко эксплуатируется нацистскими идеологами в современной России, то что говорить о других, не столь одиозных? По данным последнего опроса общественного мнения в России, проведенного Антидиффамационной лигой, антисемитские взгляды и настроения разделяют 44 процента населения. Это довольно устойчивая цифра,

¹³ Хвольсон-1, стр. 225.

¹⁴ О том как глубоко в российские массы проникла ритуальная – и вообще антисемитская – индоктринация, говорят сообщения из Израиля, куда, из России и других стран СНГ, в качестве родственников евреев или по фальшивым документам приезжает все больше неевреев. В Израиле серьезно обеспокоены тем, что среди этой категории иммигрантов широко распространены антисемитские настроения. Сообщается, что при посещении Музея диаспоры группа недавно прибывших репатриантов заявила: «всем известно, что *ваша* маца делается из *нашей* христианской крови».

¹⁵ О. Платонов. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. М., «Русский вестник», 1999.

¹⁶ Может быть, наиболее ясным подтверждением этому служит «всенародная» поддержка новой войны в Чечне, которая разразилась уже после того, как эти очерки были написаны.

близкая к данным профессионально проведенных опросов прошлых лет (например, 43 процента, по опросу 1992 года в Москве).

Сколько раз цивилизованный мир обжигался на слишком оптимистической уверенности в том, что «колесо истории невозможно повернуть вспять». Увы, возможно. Оседлав кровавый навет и другие антисемитские мифы, русский фашизм уверенно въезжает в третье тысячелетие.

Убийство Ющинского и дело Бейлиса

Документальная повесть

От автора

Предлагаемая вниманию читателей документальная повесть основана на анализе первичных и наиболее надежных вторичных источников, к которым я отношу: трехтомную стенограмму процесса под названием «Дело Бейлиса» (Киев, 1913 г.); второй и третий тома семитомного издания «Падение царского режима. По материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства», (Л., гос. изд-во, 1925 – 1927); автобиографию М. Бейлиса «История моих страданий» (на английском языке, Н.-Й., 1926); статьи В. Г. Короленко; В. Д. Набокова; воспоминания непосредственных участников процесса, в особенности адвоката О.О. Грузенберга, а также исследования А.С. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса» (1933) и Мориса Самюэла «Кровавый навет» (1966, русский перевод, Н.-Й., 1976). Пользовался я, конечно, и многими другими материалами, помогающими воссоздать дух и реалии времени.

«Байстриук» Андрюша Ющинский

Андрюша Ющинский исчез в субботу 12 марта 1911 года.

Он жил на Слободке, в одном из бедных районов Киева. С утра он, как обычно, похлебал постного борща, надел старенькое пальто и шапку, стянул ремешком свои книжки и тетрадки и отправился в Духовное училище при Свято-Софийской семинарии, где учился. Но в школе его в тот день не видели.

После школы он должен был поехать в город купить пистонов. Деньги на это ему дала тетка Наталья Нежинская, сводная сестра его матери. К ней он и должен был явиться из города. Наталья имела небольшую коробочную мастерскую, поставлявшую коробки одному из киевских магазинов. Еще она знала переплетное дело и иногда подрабатывала этим ремеслом. Женщина одинокая, она была сильно привязана к племяннику, платила за его обучение, помогала готовить уроки, вообще делала все возможное, чтобы вывести его в люди. Она знала, что на родную мать Андрюши полагаться нельзя.

Сводная сестра Натальи, Александра Ющинская, в молодости была бойкой девицей и целомудрием не дорожила. Обрюхатил ее некий Феодосий Чирков. Он жил с Александрой около двух лет, но покрыть грех венчанием не торопился. Поэтому при рождении Андрюша получил фамилию матери, а не отца.

Когда Александра забеременела второй раз, Феодосий и вовсе ее оставил, решив податься на Дальний Восток, попытать там счастья. Правда, от сына Феодосий не отрекался. Разделив с младшим братом Василием выручку от полученного в наследство и проданного за 4000 рублей домишки, Феодосий даже вознамерился положить свою долю в банк на имя Андрюши, чем обеспечить будущее мальчика. Но — благого намерения он не исполнил: денежки утекли в кутежах и попойках. Что произошло с Феодосием после отъезда из Киева, осталось невыясненным. Его пытались вызвать на суд в качестве свидетеля, разыскивали по всей империи, да так и не нашли.

Между тем у своей сводной сестры, Натальи Нежинской, Александра Ющинская познакомилась с молодым переплетчиком Лукой Приходько. Статный молодец был лет на восемь моложе Александры, но сильно ей приглянулся. Желая соединить с Лукой свою жизнь, она пустила в ход не только женские чары. Как-то так получилось, что всей округе стало известно (и, разумеется, дошло до Луки) о наследстве в две тысячи рублей, якобы доставшемся Андрюше от его непутевого отца. Для таких бедняков, каким был Приходько, это было целое состояние. К каким еще ухищрениям Александра прибегала, неизвестно, но только своего добила: Лука предложил ей руку и сердце.

Свою копейку – до тридцати рублей в месяц – Лука Приходько добывал тяжким трудом. Его рабочий день был таким долгим и отнимал столько сил, что он вместе с другими рабочими часто оставался ночевать в переплетной мастерской хозяина Колбасьева, а домой являлся только в субботу вечером.

Пасынка, оказавшегося, вопреки ожиданиям, абсолютно неимущим, Лука не жаловал и часто попрекал жену «байстрюком», которого она прибрлудила, а он должен был кормить и растить. Александра тоже держала незаконного сына в черном теле — особенно после того, как появились на свет двое законных. Андрюша служил хоть и невольным, но постоянным напоминанием о ее позоре. Из-за него вспыхивали ссоры в семье. Александра боялась, что из-за «байстрюка» потеряет мужа. Так что дома мальчику перепадало тумачков и окриков куда больше, чем родительской ласки. Он старался реже попадаться на глаза матери и отчиму, много времени проводил на улице, уроки готовил обычно у тетки Натальи и часто оставался у нее ночевать. По сравнению с супругами Приходько Наталья, выработывавшая от восьмидесяти до ста рублей в месяц, считалась зажиточной. Она и вносила плату за обучение мальчика – десять рублей в месяц. Она же и подкармливала его.

Когда в субботу 12 марта Андрюша не явился домой, Александра Приходько не обеспокоилась, решив, что мальчик остался у сестры, как не раз бывало и раньше. Наталья Нежинская со своей стороны тоже не видела резона поднимать тревогу. Она, правда, удивилась, что мальчик не пришел к ней в послеобеденное время, как было условлено, но решила, что, по-видимому, он дома у матери.

Только наутро жившие по соседству сестры выяснили, что мальчика не было ни у одной из них. Александра и Лука отправились в Духовное училище, но узнали только, что накануне он там не появлялся. Они стали искать Андрюшу всюду, где только могли, а через два дня поздно вечером явились в редакцию газеты «Киевская мысль» с просьбой опубликовать сообщение о его пропаже.

В редакции в эти часы дежурил сотрудник Барцевский. Выйдя в приемную, он со слов матери и отчима записал основные сведения об Андрюше. Прежде чем отправить заметку в набор, он решил сказать им несколько ободряющих слов. В газету часто приходят безутешные родители, но дети, как правило, отыскиваются. Мальчик, мол, скорее всего начитался приключенческих книжек и отправился в путешествие. Вот-вот его накроют на какой-нибудь железнодорожной станции и вернут целым и невредимым.

Однако, говоря все это, Барцевский заметил, что его посетители вовсе не нуждаются в утешении. Отчим, слушая журналиста, как-то странно усмехался, да и мать не плакала, не ломала рук, не выказывала вообще никаких признаков беспокойства. А когда Барцевский сказал о вероятном путешествии, она тоже криво усмехнулась. Такая реакция

матери поразила Барщевского. Через несколько дней, когда был обнаружен труп мальчика, он вспомнил о ее странном поведении. Посоветовавшись со знакомым следователем о том, могут ли его наблюдения представить интерес для тех, кто ведет расследование этого убийства, и получив утвердительный ответ, он счел своим долгом дать официальные показания по делу об убийстве Андриюши Ющинского.

Лукьяновка

Предместье Лукьяновка пользовалось у киевлян недоброй славой. Здесь жил разношерстный люд, перебивавшийся по большей части грошовыми заработками и любивший повеселиться и погулять, когда перепадал лишний полтинник.

Местность здесь была пересеченная, изрезанная оврагами, с обширными пустырями, зарослями кустов и деревьев, с закоулками, где с наступлением сумерек лучше было не появляться. В крутых склонах оврагов были вырыты пещеры – в летнюю пору в них уединялись местные парочки. Нередко из пещер слышны были песни и разливы гармоники: здесь любили сходиться воровские компании, чтобы обмыть очередную удачу, а заодно и обмозговать свои будущие подвиги.

Но оживленно здесь бывало только летом. В зимнее время здесь наметало непролазные сугробы; весной они долго таяли, темнея и оседая, смешиваясь с глиной, образуя непролазную грязь.

Поэтому неудивительно, что труп Андриюши Ющинского был найден в одной из заброшенных пещер только 20 марта, на восьмой день после исчезновения мальчика.

Пока городские ждали полицейского начальства, которое должно было сделать надлежащие распоряжения, поглазеть на мертвое тело сбежалось множество окрестных жителей. Не столько сам факт убийства, сколько вид трупа произвел на них жуткое впечатление. Череп мальчика был проломлен, руки туго стянуты за спиной врезавшейся в них бечевкой, а на лице и на теле, под задранной рубашонкой, было много колотых ран.

Опознать мальчика не представляло труда тем более, что тут же, в пещере, валялись его ученические тетрадки, на которых значилось имя. Да, это был он: тринадцатилетний ученик Духовного училища при Свято-Софийской семинарии Андрей Ющинский.

С Лукьяновки семьи Приходько и Нежинских переехали за десять месяцев до трагического события, но здесь оставались друзья Андриюши, и он часто заявлялся к ним поиграть. Хотя в училище его считали прилежным учеником, но 12 марта он почему-то решил прогулять уроки и с утра пришел на Лукьяновку.

Этот прогул стоил ему жизни.

Ритуальная агитация

Незаурядное происшествие тотчас расписали газеты, и на похороны мальчика стеклось множество народа со всего города. Не столько скорбная, сколько возбужденная, толпа гудела. Люди наперебой делились своими догадками и предположениями о возможных убийцах, спорили, перебивая друг друга. И тут же, в толпе, шныряло несколько молодых людей, совавших в руки листовки. В них говорилось, что мальчика убили евреи ввиду предстоящей Пасхи. Листовки заканчивались призывом «отомстить жидам, пьющим христианскую кровь».

Полиции удалось задержать одного из распространителей подстрекательских листов. Им оказался Николай Андреевич Павлович, слесарь, член монархической молодежной организации «Двуглавый орел», тесно связанной с Союзом русского народа. На допросе он показал, что действовал по заданию студента Владимира Степановича Голубева, одного из двух руководителей «Двуглавого орла» (вторым руководителем организации был священник отец Федор Сенкевич). После допроса Павловича освободили, хотя и завели на него уголовное дело – по нарушению закона, запрещавшего «натравливать одну часть населения на другую». Однако следствие по нему так и не началось.

Между тем версию о том, что в Киеве евреями совершено ритуальное убийство, подхватили черносотенные газеты – «Русское знамя», «Земщина», затем и «Новое время». В связи с этим начальник Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко с тревогой доносил киевскому генерал-губернатору:

«В последние дни стали поступать в охранное отделение сведения об усиленно распространяющихся среди городского населения слухах, что убийство 12 марта мальчика Андрея Ющинского носит ритуальный характер. Слухи эти возбуждают общество против евреев, причем особенно приподнятое настроение стало замечаться у обывателей после помещения в газете «Земщина» за № 612 корреспонденции из Киева за подписью «С. В.», носящей крайне сенсационный и возбуждающий характер».

Однако никаких мер к пресечению подстрекательских публикаций принято не было, хотя закон запрещал не только натравливать друг на друга этнические и религиозные группы, но вообще обсуждать в печати незавершенные следственные дела. (Считалось, что такое обсуждение вредит правосудию, так как может оказывать воздействие на будущих присяжных заседателей, которые должны выносить свои суждения только из материалов судебного разбирательства, без каких-либо предубеждений.)

В своем обосновании ритуального характера убийства Андрея

Ющинского черносотенные газеты ссылались на «исследования» Ипполита Лютостанского, который описывал, как именно производятся такие убийства:

«Жертва подвергается сильнейшим мучениям, для чего ей наносят уколы в разные части тела... кровь из жертвы выпускается непременно во время мучений и непременно при жизни жертвы».

Опираясь на этот «авторитетный» источник, газета «Русское знамя» писала:

«На теле замученного Андрея Ющинского найдено 45 ран, нанесенных при жизни. Это уже одно доказывает ритуальность убийства».

Между тем медицинская экспертиза, произведенная доктором Карпинским, показала прямо противоположное: большинство ран нанесено мальчику уже после смерти — то ли в остервенении, то ли с обдуманной целью имитировать ритуальное убийство под описание Лютостанского. Поэтому недавно назначенный прокурор Киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинский докладывал в Министерство юстиции об отсутствии каких-либо данных, подтверждающих ритуальную версию убийства Ющинского.

Ошибка следствия

Когда сотрудник газеты «Киевская мысль» Барщевский явился к начальнику киевского сыскного отделения Е. Ф. Мишук, чтобы рассказать о подозрительном поведении матери и отчима Андрюши, тот уже имел показания других свидетелей, и они с этими сведениями хорошо согласовывались. Мишук уже знал, что мать и отчим не жаловали Андрюшу, а бывало, и сильно его поколачивали. Знал, что из-за этого у Александры возникали ссоры с сестрой Натальей Нежинской. Знал и о том, что отец Андрюши оставил мальчику наследство, которое, в случае его смерти, естественно, переходило к матери. Сопоставив эти данные, Мишук решил, что близок к раскрытию громкого преступления. Участие в нем родной матери мальчика придавало делу особенно острый колорит.

Мишук приказал арестовать Луку и Александру Приходько. Он был уверен, что на первых же допросах выведет их на чистую воду.

Однако допросы показали иное. Во-первых, никаких денег, якобы положенных на Андрюшин счет в банк его сгинувшим где-то отцом, не оказалось, так что отпал основной мотив преступления. Во-вторых, выяснилось, что 12 марта Лука Приходько неотлучно был в мастерской. Это подтвердили ее хозяин и работавшие там же коллеги Луки. А в-третьих, Слободка, где жили Александра и Лука Приходько, была слишком далеко от Лукьяновки, где был найден труп Андрюши. Было нелепо полагать, что убийцы, сотворив злодеяние на Слободке, затем тащили

мертвое тело через полгорода, чтобы спрятать его на Лукьяновке.

Александра Приходько и ее муж были освобождены из-под ареста. Из злодейки-убийцы Александра тотчас превратилась в безутешную страдалицу, на которую бросили чудовищное подозрение. Черносотенные издания с ликованием сообщили, что сотрудник «Киевской мысли» Барщевский — еврей и он намеренно оговорил несчастную мать, преследуя коварную цель: толкнуть следствие на ложный путь и отвести подозрение от истинных убийц — своих соплеменников.

Студент Владимир Голубев, не доверяя следствию, зачастил на Лукьяновку. Он обследовал пещеру, в которой был найден труп, все подходы к ней, и особенно забор выходящего сюда кирпичного завода. Завод принадлежал еврейской больнице. Приказчиком на заводе служил еврей Мендель Бейлис.

Голубев стал расспрашивать льяновских детей о заводе и узнал от них, что там есть «мяло» (горка глины, из которой изготовляли кирпичи) и дети не раз проникали на заводской двор сквозь дыры и проломы в заборе, чтобы покататься на салазках. Рабочие завода обычно никак не реагировали на шалости детей, но бывало, что и прогоняли их.

Забор, который видел перед собой Голубев, был высокий, добротнo сколоченный, преодолеть его дети никак не могли. Уточняя, когда именно старый забор был заменен новым, Голубев не стал, но, тщательно обследуя его, заметил два свежих гвоздя, говоривших о том, что совсем недавно здесь приколотили отставшую доску. Для Голубева этого было достаточно, чтобы выстроить *свою* версию преступления: мальчик был убит на заводе и вынесен ночью с его территории через лаз в заборе.

Миссия А.В. Лядова

Между тем правыми депутатами Государственной думы был внесен запрос по делу Ющинского. По сути, они обвиняли правительство в том, что оно, потакая евреям или опасаясь их недовольства, не принимает надлежащих мер для раскрытия убийства.

Обеспокоенный министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов спешно направил в Киев одного из своих заместителей Александра Васильевича Лядова, чтобы на месте разобраться в обстоятельствах дела и обсудить создавшееся положение с прокурором судебной палаты Георгием Гавриловичем Чаплинским.

Просмотрев материалы следствия, Лядов быстро убедился, что имеет дело с обычным уголовным преступлением: ни о каком «ритуальном убийстве» речи быть не может. Ему передали, что встречи с ним добивается студент Владимир Голубев, руководитель организации «Двуглавый орел», которая и затеяла «ритуальную» агитацию

вокруг убийства Ющинского. Наведя справки, Лядов узнал, что у молодого черносотенца тесные связи с влиятельными депутатами Государственной думы, в особенности с Георгием Георгиевичем Замысловским, одним из главарей Союза русского народа, членом которого был сам государь. Осторожный чиновник счел за благо не наживать себе столь могущественных врагов, а попытаться их урезонить. Правда, Голубев настаивал на встрече наедине, но Лядов согласился побеседовать с ним только в присутствии Чаплинского, давая понять, что не видит причин не доверять Киевской прокуратуре.

Голубев был нервным, экзальтированным юношей, страдавшим приступами психической болезни. Лядов и Чаплинский ознакомили его с материалами следствия и стали убеждать, что никаких оснований подозревать, что к убийству Ющинского причастны какие бы то ни было евреи, нет. Но Голубев с откровенным цинизмом заявил, что его организация будет продолжать «ритуальную» агитацию, ибо цель «Двуглавого орла» — вызвать в городе еврейский погром.

Тогда Лядов попытался подойти к нему с другой стороны.

— Я не думаю, чтобы было *в ваших* интересах производить в Киеве еврейский погром, — сказал он Голубеву.

— Это почему же? — спросил студент.

— Потому что, как вы знаете, в сентябре ожидается открытие в Киеве памятника Александру Второму и по этому случаю планируется приезд государя. Если же в городе будет учинен погром или другие крупные беспорядки, то этих торжеств, а стало быть, и государя вам не видать, как своих ушей. А, вероятно, вам и вашей монархической организации особенно желательно приветствовать у себя в городе государя.

Голубев был озадачен.

— Эта мысль мне не приходила в голову, — ответил он. — Я вам обещаю, что погрома до сентябрьских торжеств у нас не будет.

За деятельностью Голубева и его организации был установлен негласный надзор, и вскоре помощник начальника Киевского охранного отделения подполковник Самохвалов доносил своему боссу подполковнику Н. Н. Кулябко: «У нас все благополучно. Голубев поутих. Решили они отложить свое выступление до отъезда государя из Киева. Воззвание их, которое они написали к государю, чтобы выгнать жидов из России, проредактировано Павлом (?—С.Р.) и сокращено. Подписи под этим прошением полагают собрать к июню, а затем распространить его в народе. Когда же государь приедет в Киев, то передать ему. Но бить жидов, как уже сказано, отложили до осени»¹.

Таким образом, благодаря приезду Лядова погром был *отложен*. Но взамен Лядов с Чаплинским должны были обещать Голубеву, а через него — главарям Союза русского народа не исключать «риту-

¹ А. Тагер. Царская Россия и дело Бейлиса, Огиз, 1933, стр. 59.

альную» версию убийства Ющинского, а, напротив, сделать все возможное, чтобы ее обосновать юридически.

Тело несчастного Андриюши эксгумировали для повторной экспертизы. Поскольку судебно-медицинский эксперт Карпинский для нее явно не годился, то пригласили профессора судебной медицины Киевского университета Н.А. Оболонского и его помощника прозектора Н.Н. Туфанова. Они заново обследовали труп мальчика и пришли к тем же выводам, что их предшественник. Однако, как обнаружил А.С. Тагер, их заключение появилось в деле почти через месяц после того, как была проведена сама экспертиза. Очевидно, первоначальный вариант их заключения не устраивал следствие и был возвращен им на «доработку». Выкручивание рук не привело к желаемому результату, но все-таки к некоторому сдвигу в направлении, желательном для ритуалистов. Как и их предшественник, Оболонский и Туфанов записали в экспертизе, что большинство ран Ющинскому было нанесено уже после смерти и что основным мотивом убийства следует считать месть. Однако, под давлением следственных властей, они добавили, что «при дальнейшем развитии следствия они, быть может, и в состоянии будут дать заключение по вопросу о ритуальности этого убийства». Чаплинский тотчас донес эту весть министру юстиции Щегловитову.

Перед самым окончанием следствия те же два специалиста были приглашены для третьей экспертизы и теперь проявили еще большую покладистость. За их подписью появилось, наконец, указание на *возможность* ритуального характера убийства Ющинского – впрочем, крайне двусмысленное и неопределенное. Обходя на этот раз вопрос о прижизненности или посмертности большинства ран, эксперты заключали: «Так как наиболее сильное кровотечение было из левой височной области, по-видимому, артериальное, из раны на темени, вскрывшей венозную пазуху, а также из ранений с правой стороны шеи, давших обильное венозное кровотечение, то надо полагать, что именно из этих ранений можно удобнее всего собирать кровь, *если из тела Ющинского действительно была собираема кровь*» (курсив мой. — С.Р.).

Арест Менделя Бейлиса

В 1911 году Менделю Бейлису было 37 лет. Он был женат, имел пятерых детей, и все благополучие его большого семейства зависело от работы кирпичного завода, где он был приказчиком.

Завод возник в результате сложных финансово-благотворительных комбинаций крупного сахарозаводчика Ионы Марковича Зайцева. Благодаря своим незаурядным способностям, коммерческой сметке и

посланной Богом удаче Зайцев сказочно разбогател. На старости лет он разделил свое имущество между десятью детьми и немалую толику определил на цели благотворительные. На собственные деньги он выстроил хирургическую больницу и кирпичный завод, который передал ей в собственность. Больница предназначалась для бедных, лечили их бесплатно, а все расходы должны были покрываться доходами, приносимыми кирпичным заводом. Эта комбинация делала больницу финансово независимой, что обеспечивало ее нормальную работу и после смерти Зайцева.

Менделя Бейлиса Зайцев знал как добросовестного работника и иногда давал ему некоторые личные поручения. Так, каждую весну Бейлис отправлялся в имение Зайцева и там организовывал выпечку мацы. Мацу самого лучшего качества, удостоверенного раввинами, можно было купить в городе. Но у Зайцева была причуда: он хотел, чтобы на Пасху к его столу подавали мацу, выпеченную непременно в его собственном имении, и ее же он раздаривал семьям своих детей и других родственников. Подарки эти развозил тот же Бейлис.

Ничего предосудительного в причуде Ионы Зайцева не было, но она выглядела странной, а в глазах ритуалистов – подозрительной. Сторонники ритуальной версии утверждали, что выпечку «своей» мацы под наблюдением «своего» человека старик затеял не с проста, что в этом мог таиться сакральный смысл, связанный с «тайной крови».

Правда, сахарозаводчик умер в 1907 году, и заведенный им обычай умер вместе с ним, то есть за четыре года до убийства Ющинского выпечка мацы в имении Зайцева прекратилась. Но на этом обстоятельстве черносотенные газеты, мусолившие дело Ющинского, внимания не акцентировали.

Бейлис со своей семьей жил на территории завода. Домик его стоял у ворот, через которые рабочие вывозили кирпич. Мендель следил за обжигом кирпича и его складированием, на нем лежала забота о лошадях, которые содержались здесь же, в конюшне. И, главное, он отвечал за учет вывозимого кирпича. На подводу обычно нагружали по триста штук, и Бейлис каждому возчику выдавал квитанцию, которую тот вручал заказчику вместе с товаром. Копию с распиской заказчика он затем возвращал Бейлису. Эти квитанции служили основными документами, по которым велись расчеты.

Бейлис был безотказен. Его поднимали в четыре утра, вызывали во время завтрака и обеда. Услышав стук в окно, он немедленно выходил в контору, которой служила одна из комнат его дома, и делал все, что требовалось. Он никогда не раздражался, не повышал голоса, со всеми был тактичен и доброжелателен. Все это выявилось на суде, когда давали свидетельские показания возчики и рабочие завода. Ни у одного

из них не возникло соблазна свести какие-то старые счета и сказать недоброе слово о своем бывшем начальнике.

Выяснилось, в частности, и то обстоятельство, что лукьяновские ребятишки могли играть на заводе только до осени 1910 года. Потом поставили новый забор, и проникать сквозь него весной 1911-го, когда был убит Андрюша, они уже не могли.

Однако труп Ющинского был обнаружен неподалеку от заводского забора, а поскольку Лукьяновка находилась вне черты еврейской оседлости, то ни одного еврея в округе не проживало. Завод Зайцева принадлежал уже к другому району, в котором евреи имели право жительства, — но именно потому, что большой кусок территории был занят заводом, по чисто географическим причинам ни одного еврея — кроме Менделя Бейлиса — притянуть к делу было невозможно: их просто не было в наличии.

Единственный свидетель, который показывал, что в день исчезновения Андрюши дети играли на заводском «мяле» и что за ними погнался «еврей с черной бородой», был фонарщик Казимир Семенович Шаховской. Сего слов то же самое говорила его жена Ульяна Шаховская, которая попервоначально наболтала это сыщику А.Д. Выгранову (как потом оказалось, по его же наущению). Но солгать складно Шаховские не смогли: Ульяна говорила, что ее муж видел, как «еврей с черной бородой» (Бейлис) схватил мальчика, тогда как Казимир признавал, что «сам этого не видел», а передавал слышанное от детей, друживших с Андрюшей и катавшихся вместе с ним на «мяле». Дети же этого не подтверждали. Да и вообще принимать всерьез показания таких свидетелей, как Казимир и Ульяна Шаховские, было невозможно. Оба они не просыхали от пьянства и готовы были показать все, что угодно, тому, кто поднесет стаканчик. Вся история выглядела крайне нелепо: ведь если бы кто-то действительно утащил Андрюшу на глазах других детей, то в тот же день не одни Шаховские, а вся Лукьяновка знала об этом.

После того как начальник Киевского сыскного отделения Е. Ф. Мищук за отказ вести следствие в духе «ритуальной» версии был смещен, дело было передано следователю по особо важным делам В.И. Фененко. Но, ознакомившись с материалами следствия, собранными предшественником, и основательно их пополнив, Фененко тоже не усмотрел «ритуала» и не нашел оснований привлечь Бейлиса в качестве обвиняемого.

Тогда прокурор Г.Г. Чаплинский под давлением из Петербурга пошел на обходной маневр. Осуществить арест он поручил Охранному отделению, хотя тому положено было заниматься политическими, а не уголовными преступлениями.

В августе 1911 года на кирпичный завод при еврейской хирургической больнице нагрянул целый взвод жандармов во главе с начальником охранного отделения подполковником Николаем Ни-

колаевичем Кулябко. В доме Бейлиса был произведен тщательный обыск, а сам он — уведен.

Человек от природы застенчивый, Бейлис чувствовал себя крайне неловко оттого, что из-за него произошел такой переполох и им занимаются важные начальники, с саблями и в эполетах. Он полагал, что произошло какое-то недоразумение с правом жительства. Так как на Лукьяновке евреям жить воспрещалось, а завод непосредственно к ней примыкал, то такие ошибки случались и раньше. Он был уверен, что все разъяснится и его через час-другой отпустят. Однако под следствием, в тяжелейших условиях заключения, похожих на непрерывную пытку, ему пришлось провести больше двух лет.

Впрочем, того, что следствие затянется на такой долгий срок, не подозревали и сами тюремщики. Не прошло и месяца, как во время торжеств по случаю открытия в Киеве памятника царю-освободителю Александру II представленный государю Г.Г. Чаплинский с гордостью доложил, что убийство мальчика Ющинского, о котором так много говорят в прессе и в Государственной думе, раскрыто и убийцей, как и предполагалось, оказался еврей. Обвинительное заключение вскоре будет передано в суд.

Выслушав эту новость, государь не проронил ни слова, но демонстративно перекрестился, что было сочтено за прямое поощрение ритуальной версии.

На следующий день в городском театре, на глазах государя, был застрелен глава правительства П.А. Столыпин. Убийца был схвачен на месте преступления. Им оказался тайный агент охраны Дмитрий Богров. Он явился в театр — якобы выслеживать террористов — по заданию того самого начальника Охранного отделения Н. Н. Кулябко, который арестовал Бейлиса. Еврей Богров был с молниеносной быстротой судим и повешен, тогда как дело против его патрона Кулябко, допустившего как минимум преступное попустительство, по безграничной милости государя, было прекращено.

Подоплека убийства Столыпина остается одной из интригующих загадок российской истории. Одна из версий — избавиться от Столыпина хотел сам государь; но поскольку тот упорно не подавал в отставку, а уволить его слабохарактерный государь не решался, то охранка, получив соответствующий намек, выполнила то, чего от нее ждали. Этим и объясняется поспешная казнь убийцы и помилование его соучастников. Но, может быть, все объясняется проще: не рвение ли, проявленное начальником Киевского охранного отделения при аресте Бейлиса, уравновесило в глазах государя его преступное попустительство, приведшее к убийству Столыпина?

Короленко

Хотя и неполная, но все-таки установившаяся после 1905 года гласность сделала в России общественное мнение силой, с которой приходилось считаться.

30 ноября 1911 года в петербургской газете «Речь» появилось обращение «К русскому обществу» с подзаголовком «По поводу кровавого навета на евреев». Среди подписавших его — Александр Блок и Максим Горький, академик Вернадский и известный философ и социолог, член Государственного совета М.М. Ковалевский, профессор Туган-Барановский и Петр Струве, П.Н. Милюков и Александр Бенуа, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, В.И. Немирович-Данченко и десятки других имен, составлявших славу и гордость России. Это были люди разной политической ориентации, нередко они остро полемизировали друг с другом. В том, что они объединились в стремлении дать отпор антисемитизму, главная заслуга принадлежала Владимиру Галактионовичу Короленко.

Еще за двадцать лет до этих событий, когда писатель и религиозный философ Владимир Соловьев пытался организовать коллективный протест против травли евреев, Короленко был среди тех, кто горячо одобрил инициативу Соловьева и поставил свою подпись под обращением (так и не увидевшим света из-за запрета цензуры). В письме Соловьеву Короленко написал, что травля евреев всегда сопровождается пошлостью и «забвением лучших начал литературы».

В 1903 году, после страшного Кишиневского погрома, Короленко не только выступил с протестом — это сделали многие русские писатели, — но поехал в Кишинев, пробыл там несколько дней и написал превосходный очерк «Дом № 13».

В 1905 году в Полтаве Короленко, рискуя жизнью, предотвратил еврейский погром: вышел к толпе вооруженных дрекольем пьяных хулиганов и заставил их разойтись по домам. А в 1908 году в статье «Бытовое явление», написанной с такой силой, что над ней плакал Лев Толстой, он, наряду с другими невинными жертвами скорострельного столыпинского «правосудия», вывел еврея, приговоренного к смертной казни за убийство, которого он не совершал. Добрый десяток свидетелей показывали на суде, что в момент убийства видели обвиняемого совсем в другом городе, за сотни километров от места преступления. Но все эти свидетели были евреями, и антисемитски настроенные судьи не поверили их показаниям, что и стало причиной судебной ошибки.

Когда дело об убийстве Андрюши Ющинского превратилось в дело о ритуальном убийстве, то есть в дело Бейлиса, Короленко не только

организовал сбор подписей под обращением «К русскому обществу», но и написал само обращение. Оно начиналось так:

«Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы поднимаем голос против вспышки фанатизма и темной неправды. Исстари идет вековая борьба человечности, зовущей к свободе, равноправию и братству людей, с проповедью рабства, вражды и разделения. И в наше время — как это было всегда — те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами, — они льстят народным предрассудкам, раздувают суеверие и упорно зовут к насилиям над иноплеменными соотечественниками».

Обращение вызвало широкий отклик в стране. Во многих газетах, центральных и местных, стали появляться индивидуальные и коллективные письма, в которых самые разные люди заявляли, что присоединяются к тем, кто его подписал.

В журнале «Русское богатство» Короленко опубликовал большую статью «К вопросу о ритуальных убийствах». С глубоким знанием истории вопроса он опроверг утверждения черносотенной прессы, будто убийства христианских младенцев испокон века совершались евреями по предписанию их религии.

Короленко привел многочисленные данные о средневековых процессах, когда у невинных людей изощренными пытками и истязаниями вырывали «признания» в совершении ритуальных убийств. Он цитировал указы королей и буллы римских пап, рескрипты русских царей и решения Государственного совета, в которых строго запрещалось приписывать евреям ритуальные убийства, а миф о якобы совершаемых евреями убийствах христианских детей осуждался как заведомо ложный и питаемый суеверием.

Под влиянием этих выступлений нарастала волна протестов против ритуальной агитации и готовящейся судебной расправы над невинным человеком.

Когда начался процесс, Короленко с первого дня занял место в ложе прессы и посещал заседания аккуратнее многих должностных лиц. Статьи, написанные им в ходе суда, привлекали к себе внимание не только живостью стиля, но и глубиной анализа, умением видеть суть там, где другие не шли дальше внешней описательности.

Подлинной сенсацией стала статья Короленко «Господа присяжные заседатели». Писатель доказал, что состав присяжных, на которых ложилась обязанность вынести вердикт по делу Бейлиса, подобран мошенническим путем, так что из двенадцати человек десятеро — безграмотные крестьяне, а двое — малограмотные мелкие служащие. Случайно такой состав присяжных не мог подобраться в уни-

верситетском городе. Цель подтасовки состояла в том, чтобы, воспользовавшись неразвитостью присяжных, запутать их: ведь им приходилось не только выслушивать показания свидетелей, но и следить за спором ученых-экспертов, обсуждавших сложнейшие вопросы медицины, психиатрии, теологии, толкования исторических и религиозных текстов. Даже образованным людям разобраться во всем этом было бы непросто, тем более — безграмотным мужикам.

Короленко также давал понять, что образовательный ценз был не единственным критерием мошеннического подбора присяжных. Власти позаботились и о том, чтобы среди них были люди, заранее предубежденные против евреев. Впоследствии писатель получил достоверные сведения, что из двенадцати присяжных пятеро были членами Союза русского народа. А еще позже, после февраля 1917 года, когда были открыты секретные архивы, стало известно то, чего Короленко предвидеть не мог: Департаментом полиции была установлена слежка за присяжными. Во время процесса присяжные были изолированы от внешнего мира и их обслуживал переодетый жандарм, который доносил о каждом их слове. Обвинители, таким образом, ежедневно получали информацию о том, как меняются взгляды присяжных на характер дела по мере его продвижения, и учитывали эту информацию, тогда как защита ни о чем не подозревала.

А когда, несмотря на все ухищрения и махинации, Мендель Бейлис был оправдан, бессильная злоба тех, кто затеял позорный процесс, обрушилась на... Владимира Короленко. Писатель, которого называли совестью России, был привлечен к суду по обвинению, если выразаться современным языком, «в клевете на общественный и государственный строй».

Судебное преследование долго тяготело над писателем. Его таскали на допросы, но в то же время отказывали в вызове свидетелей и предоставлении документов в подтверждение того, что в его статье не было никакой клеветы. Слушание несколько раз откладывалось; тем не менее над Владимиром Галактионовичем висела угроза заточения в крепость, от чего его избавила только Февральская революция.

Полицейский пристав Красовский и журналист Бразуль-Брушковский

Пристав Николай Алексеевич Красовский слыл мастером сыска. Он умел раскрывать самые сложные преступления. После убийства Ющинского ему поручили — параллельно с официальным расследованием — вести секретное дознание. О своей миссии Кра-

совский не имел права никому говорить, в том числе официальному следователю. Подчинялся он только жандармскому подполковнику П.А. Иванову.

Однако его миссия сразу стала секретом полишинеля. Его двусмысленное положение привело к тому, что у него возникли осложнения с Е.Ф. Мищуком, который старался его дискредитировать.

С другой стороны, на Красовского оказывали давление люди, близкие к Голубеву и его организации «Двуглавый орел». Это заставило пристава тщательно проработать «ритуальную» версию убийства Ющинского. Он заново обследовал пещеру, брал на анализ пробы глины в пещере и на кирпичном заводе, исследовал заброшенные колодцы и т. д. В конце концов он полностью убедился в том, что следы преступления ведут куда угодно, но только не на завод Зайцева.

Красовский заново проработал и версию о том, что к убийству могли быть причастны супруги Приходько. Он нашел свидетеля, который опознал в Луке Приходько человека, которого он видел у пещеры в день убийства. На основании этих показаний Лука Приходько был арестован вторично. Но дальнейшая проработка этой версии снова показала ее ложность. Красовскому ничего не оставалось, как освободить Луку и продолжать розыски с еще большим упорством.

Когда к нему обращался за сведениями знакомый репортер из «Киевской мысли» С.И. Бразуль-Брушковский, пристав отмахивался от него и говорил: «Отстаньте, пожалуйста, дело серьезное». Похоже, что Красовский относился к Бразулю с нескрываемым пренебрежением. Но тот был настойчив. Все свое внимание Бразуль сосредоточил на убийстве Андриюши: чутье журналиста подсказывало ему, что расследование этого дела может обернуться громкой сенсацией, и он не хотел ее упустить.

Будучи хорошо знакомым с ходом следствия, Бразуль знал, что ритуальная версия, со вкусом обкатывавшаяся в черносотенных газетах, не стоит выеденного яйца. Тем более он был поражен известием о внезапном аресте Менделя Бейлиса. Примчавшись к Н.А. Красовскому, он потребовал объяснений. Но Красовский ничего объяснить не мог.

— Нельзя же арестовывать невинного человека, — повторял он с раздражением и досадой.

Он подтвердил, что абсолютно уверен в непричастности Бейлиса к убийству Ющинского и такого же мнения придерживается следователь В. И. Фененко, как до него Е.Ф. Мищук. Но в дело вмешались более могущественные силы, самого Красовского отстранили от расследования и направили подальше, так что в бли-

жайшие дни он уезжает из города. В.И. Фененко хотя и оставлен на своем месте, но роль его стала номинальной, дело передано Н.А. Машкевичу, известному своими связями с черносотенными организациями и ненавистью к евреям. Но толку от такого расследования все равно не будет.

— Если хотите докопаться до правды, — сказал напоследок Красовский, — то обратите внимание на свидетельницу Веру Чеберяк. Она многое знает, но какую-то важную часть правды утаивает. По какой причине, пока неизвестно.

Вера Чеберяк

На Лукьяновке Вера Владимировна Чеберяк слыла аристократкой. Ее муж Василий Чеберяк, мелкий служащий почтово-телеграфного ведомства, был дворянином, а сама Вера получила некоторое образование, играла на фортепьяно, умела поддержать разговор.

Однако внешняя благопристойность мало гармонировала с ее образом жизни.

Вера Чеберяк терроризировала всю округу. Нередко дралась с соседями, угрожала им расправой или доносами. Так, поссорившись с одной из своих подруг, Вера стала ее шантажировать, грозя сообщить в полицию, что та якобы родила ребенка, задушила его и закопала в огороде.

Но так же легко, как дралась и ссорилась, «Верка-чиновница» мирилась с окружающими, задабривая их лестью и подарками.

Хищница по натуре, она жадно хватала жизненные удовольствия, которые понимала достаточно просто. Нисколько не стесняясь мужа, она завела роман с соседом — французом Полем Мифле, но тот оказался ревнив и они часто ссорились. Причин же для ревности у француза возникало предостаточно. Так, Вера подружилась с жившими по соседству молоденькими девицами Екатериной и Ксенией Дьяконовыми, а став вхожей в их дом, обольстила их брата Ивана. Увидев однажды, что другая подруга Дьяконовых любезничает с парнем, взбешенная Вера отхлестала ее по щекам. На другой день, правда, она попросила прощения и помирилась с соперницей. В то же время она поселила у себя «квартиранта» — двадцатилетнего парня Петрова, которого тоже обольстила, а затем стала науськивать его на Мифле.

Основным занятием Веры Чеберяк была продажа краденого. Связи с воровской шайкой у нее были родственные, так как в нее входил ее сводный брат, Петр Сингаевский. Выручку все дружно пропивали.

Муж Веры — тихий, слабовольный человек — круглыми сутками де-

журил на телеграфе, а в это время в его доме устраивала оргии веселая компания. Впрочем, когда муж бывал дома, его не стеснялись. Быстро подпайвали (иногда подсыпая снотворное) и укладывали спать. Впоследствии когда в квартире Чеберяк делали обыск и брали соскобы со стен в попытке обнаружить кровь Андриюши Ющинского, то следов крови не нашли – все они были тщательно отмыты и выскоблены, зато обоим оказались обильно пропитанными... спермой.

Когда Бразуль-Брушковский, следуя совету Красовского, завел знакомство с Верой Чеберяк и заговорил с ней о деле Ющинского, она сказала, что никак к нему не причастна. Она пожаловалась, что ее только напрасно таскают в полицию на допросы. В то же время она давала понять, что кое-что знает об убийстве, и этим только разжигала любопытство журналиста.

Постепенно Бразуль сумел расположить к себе Веру — так, во всяком случае, ему казалось. Однажды, придя к Чеберяк, он застал ее в ссадинах, кровоподтеках и бинтах. Сквозь стоны и слезы Вера поведала, что накануне вечером на нее напали два человека и избивали до полусмерти. Вера говорила, что избивали они ее молча, лиц в темноте она не разглядела, но убежали они потом, взявшись за руки, словно зрячий утаскивал за собой слепого, и это позволило Вере их опознать. Она с уверенностью говорила, что это были братья Мифле — Поль и Евгений.

Она призналась Бразулю, что с Полем Мифле ее связывал долгий и мучительный для обоих роман. Два года назад, приревновав Веру, он так же жестоко ее избил, а она в отместку плеснула ему в лицо серной кислотой и выжгла глаза. Ее за это судили, но сам Поль просил ее оправдать. Тем не менее Поль не мог простить Вере, что потерял зрение, и всячески преследовал ее. Теперь ее терпению пришел конец, и она больше не будет его покрывать.

— Знайте же, — сказала Вера, — что Андриюшу Ющинского убили его мать Александра Приходько и отчим Лука Приходько, а помогал им Поль Мифле!

Все это Вера, по ее словам, знала давно, но молчала, потому что в деле замешан ее любовник. Теперь же, окончательно поссорившись с Полем, она не желает скрывать правду.

Услышав эту потрясающую исповедь оскорбленной женщины, Бразуль вспомнил о том, что на супругов Приходько уже падало подозрение, их арестовывали, допрашивали, но Поль Мифле не попадал в поле зрения следствия. Не в этом ли причина того, что следователи не смогли добыть неопровержимых улик и должны были отбросить первоначальную версию убийства?

Полагая, что язык у Веры развязался под настроением минуты и завтра она может от всего отказаться, Бразуль стал настаивать, чтобы она

тотчас же пошла с ним к судебному следователю и официально повторила свой рассказ. От этого, однако, она уклонилась — под тем предлогом, что ей надо предварительно посоветоваться с «одним человеком», но тот сидит в тюрьме, притом не в Киеве, а в Харькове.

Не зная, что обо всем этом думать, Бразуль обратился к своему другу присяжному поверенному А.Д. Марголину — одному из наиболее известных юристов Киева. Изложив все, что услышал от Веры Чеберяк, Бразуль просил Марголина встретиться с нею, выслушать ее показания и высказать свое мнение: можно ли верить этой женщине или нет.

Марголин поначалу отказался. Он был хорошо известен в Киеве как видный адвокат и общественный деятель. К тому же он полагал, что его пригласят быть официальным защитником Бейлиса. Он опасался, что, познакомившись с ним, Чеберяк потом будет досаждать ему различными просьбами, а то и шантажировать. Однако Бразуль настаивал, да и сам Марголин понимал, сколь существенны показания Веры Чеберяк для его вероятного подзащитного и как важно их зафиксировать, чтобы она не могла от них отречься. В результате был выработан такой план.

Марголин по своим делам собирался в Харьков; а поскольку Вера Чеберяк уверяла, что ей надо посоветоваться с кем-то из друзей именно в Харькове, то было решено, что Бразуль привезет ее туда, приведет в гостиницу к Марголину и она повторит при нем свой рассказ; при этом Марголин не назовет ей своего имени.

Поездка состоялась и имела ряд важных последствий. Одно из них состояло в том, что, став участником расследования, Марголин уже не мог выступать в качестве официального защитника Бейлиса, зато стал одним из ключевых свидетелей, так как Вера повторила при нем свою версию убийства Андруши.

Выслушав Веру Чеберяк, Марголин сказал Бразулю, что ни одному слову этой женщины верить нельзя. О том, что Вера безбожно врала, говорило еще одно обстоятельство. По просьбе Бразуля в Харьков вместе с ним и Верой поехал также сыщик А.Д. Выгранов, бывший помощник Красовского. В Харькове Выгранов глаз не спускал с Веры Чеберяк, но истинную цель ее поездки туда выяснить не смог. Достоверно он выяснил только то, что в Харьковскую тюрьму она не являлась и свидания с каким-либо заключенным этой тюрьмы не просила.

Хотя стало совершенно ясно, что «Верка-чиновница» водит Бразуль-Брушковского за нос совет данный ему Марголиным, был парадоксален: Бразуль *должен* изложить на бумаге все услышанное от Веры и направить официальное заявление в прокуратуру, а одновременно опубликовать его в газете, чтобы власти не могли его замолчать. Причем все это следует делать срочно, так как следствие по делу

Бейлиса заканчивается, вот-вот будет составлено обвинительное заключение и дело о «ритуальном убийстве» перейдет в суд. Даже если показания Веры Чеберяк, которые изложит Бразуль, позднее не подтвердятся, само их появление заставит власти вызвать на допрос ее, Бразуля, Мифле, ряд других лиц, то есть продолжить расследование. Передача дела в суд будет отложена, а это позволит выиграть время.

Публикации Бразуль-Брушковского оказались сенсационными. Его заявление перепечатали почти все газеты России. Но больше всех был потрясен Поль Мифле. Мало того, что в припадке бешеной ярости его бывшая любовница изуродовала и ослепила его, — теперь она хочет сгноить его на каторге по ложному обвинению!

До предела озлобленный коварным предательством недавней подруги, Мифле пошел в полицию и донес, что Вера Чеберяк занимается перепродажей краденого. Веру арестовали, и, хотя продержали в тюрьме недолго, на суде над Бейлисом она фигурировала уже не как добропорядочная мать семейства, а как содержательница воровского притона. Это сыграло свою роль в вердикте присяжных.

Однако в главном, на что рассчитывали Бразуль и Марголин, они просчитались. На следственные власти сенсационные разоблачения Бразуля не произвели ни малейшего впечатления. Они давно уже выяснили правду и понимали, что опытная преступница направила журналиста по ложному следу, так что им можно было не бояться его разоблачений. Обвинительное заключение против Бейлиса было составлено без дальнейших промедлений, и все материалы дела были переданы в суд.

Снова пристав Красовский

Николай Алексеевич Красовский уехал из Киева, но никак не мог успокоиться. Впервые за двадцать лет полицейской карьеры ему было оказано недоверие. Более того, начальство усомнилось в его способностях. Его профессиональная гордость была уязвлена.

Обдумав на новом месте случившееся, он решил во что бы то ни стало раскрыть это преступление и восстановить свою репутацию.

Красовский имел некоторое состояние. Он вышел в отставку, вернулся в Киев, нанял на собственные деньги двух опытных сыщиков — упоминавшегося уже А.Д. Выгранова и Адама Полищука. Красовский работал с ними раньше и вполне им доверял. С их помощью он заново стал собирать информацию об Андриюше Ющинском от его друзей и о Вере Чеберяк от ее соседей.

Красовский и его помощники без труда установили, что ближайшим другом Андриюши был Женя Чеберяк — сын «Верки-чиновницы». Андриюша так часто бывал в квартире Чеберяк, что его прозвали «домо-

вым». Накануне убийства Андрюша и Женя поссорились. Раздраженный Женя пригрозил, что расскажет Андрюшиной матери, что он часто прогуливает школьные занятия. В ответ Андрюша сказал, что тогда он сообщит в полицию, что в доме Чеберяк собираются воры.

Эта детская ссора, о которой Женя рассказал матери, совпала с осложнениями для воровской шайки. Много лет она орудовала совершенно безнаказанно, и вдруг несколько ее участников были арестованы, а затем в квартире Чеберяк был произведен обыск. Только впоследствии ворам стало известно, что арест был случайным, а обыск — никак с ним не связанным. Пока же они сочли, что «малину» провалил доносчик. На эту роль в тот момент больше всего подходил «домовой», «байстрюк», то есть Андрюша.

Узнав все эти подробности, Красовский пришел к совершенно новой версии убийства Ющинского: мотивом преступления становилась месть воров, заподозривших мальчика в предательстве.

Особенно ценные сведения дали Красовскому сестры Дьяконовы и нижняя соседка Веры Чеберяк, Зинаида Ивановна Малицкая. Оказалось, что Малицкая в день убийства слышала страшную возню и детские крики в квартире Чеберяк. А Екатерина Дьяконова заходила к Вере в тот день, пила на кухне с ней чай. В квартире в это время находились гости — трое мужчин, брат Веры Петр Сингаевский (воровская кличка Плис), их близкий друг Борис Рудзинский, сожительствовавший с сестрой Веры и Плиса, и Ванька Рьжий (Иван Латышев). Но теплая компания не бражничала, как обычно, а вела себя тихо и странно. Все трое парней давно знали Катюшу Дьяконову, но даже не заглянули в кухню поздороваться; зато Вера не в меру суетилась и то и дело выбегала к ним из кухни, но соседку в комнаты не звала. Чувствовалось, что в доме происходит или только что произошло что-то необычное.

Собрав все эти и многие другие сведения, Красовский пришел к выводу, что убийство, скорее всего, было совершено в квартире Чеберяк и что в нем кроме нее самой принимали участие Петр Сингаевский, Борис Рудзинский и Иван Латышев.

Однако собранные данные могли служить лишь косвенными уликами: никто из опрошенных соседей, слышавших подозрительную возню в доме, непосредственным свидетелем убийства не был.

Продолжая расследование, Красовский и Бразуль узнали, что у Веры Чеберяк была подруга Адель Равич, которая *видела* в квартире труп мальчика. После этого Вера, пригрозив ей расправой, заставила ее в пожарном порядке эмигрировать в Америку. Перед отъездом Адель Равич под большим секретом поведала двум другим лицам свою страшную тайну. От них сведения и поступили к Красовскому. Саму же Адель Равич, которую впоследствии защита Бейлиса требовала вызвать в суд, разыскав ее через российское посольство в Вашингтоне, разумеется «не нашли».

Мендель Бейлис

Могила Андруши Ющинского с венком от Союза Русского народа.

Частные детективы

Журналист
И. С. Бразуль-Брушковский

Отставной полицейский пристав
Н. А. Красовский.

Подлинные убийцы Андрея Ющинского

Вера Чеберяк
(Верка-чиновница)

Петр Сингаевский
(Плис)

Борис Рудзинский

Иван Латышев
(Ванька Рыжий)

Обвинители

Прокурор О. Ю. Виппер

Гражданский истец, известный юрист и автор многих наукообразных антисемитских трудов А.С. Шмаков

Гражданский истец,
член государственной думы
Г.Г. Замысловский

Эксперты, поддержавшие обвинение

Профессор судебной медицины
Д.П. Косоротов, продавший со-
весть ученого за 4 000 рублей

Католический священник
Иустин Пранайтис, «знаток»
Талмуда.

Профессор психиатрии Киевского
университета Сикорский, тайно
получивший от Департамента по-
лиции за антисемитскую эксперти-
зу 4500 рублей

Эксперты защиты

Профессор В. М. Бехтерев.

Раввин московской хоральной синагоги
Яков Мазе

Защитники Бейлиса

В. А. Маклаков.

Адвокат Арнольд Марголин

А. С. Зарудный

О.О. Грузенберг

Прокурор Киевской судебной палаты Г. Г. Чаплинский.

В.Г. Короленко на процессе Бейлиса. «А все-таки русский народ справедливый народ!»

Судья Федор Александрович Болдырев

Господа присяжные заседатели

Дом, в котором жила семья Бейлиса

Мендель Бейлис в кругу семьи после процесса

Карикатура в американской еврейской газете, напечатанная после оправдания Бейлиса: Царь позволяет Бейлису удалиться из страны, а оставшимся евреям говорит: «Ну а с вами я рассчитаюсь!»

Ключевым свидетелем становился ближайший друг Андрюши, Женя Чеберяк. Выгранов и Полищук много раз говорили с ним, но его откровенность не шла дальше определенных границ.

Мальчик стал разговорчивее только после того, как по доносу Поля Мифле Вера Чеберяк была арестована. Сыщики Красовского стали почти ежедневно навещать в дом Чеберяк, задабривая Женю и его двух младших сестер сладостями. Картина прояснялась медленно – отчасти из-за того, что Женя, наученный матерью, продолжал осторожничать, отчасти же потому, что Выгранов и Полищук, на которых полагался Красовский, вели двойную игру. Они тайно сотрудничали с Союзом русского народа и по его требованию намеренно запутывали расследование.

Внезапно Женя Чеберяк тяжело заболел. Его увезли в больницу, но никакие медицинские средства не помогали: мальчику становилось все хуже.

Когда Веру Чеберяк выпустили из тюрьмы, она взяла извозчика и, не заезжая домой, помчалась в больницу к сыну. Женя был уже при смерти, но, невзирая на категорические возражения врачей, Вера забрала его домой. Вскоре появились сыщики. Они стали свидетелями того, что мальчик в предсмертной агонии называл имя Андрюши. Когда он приходил в себя, они ему задавали вопросы, полагая (или опасаясь!), что он раскроет, наконец, тайну, камнем лежавшую на детской душе. Но Вера наклонялась над ним и поцелуями закрывала ему рот. Она просила, чтобы он подтвердил, что она ни в чем не виновата, но он только твердил:

— Оставь меня, мама, мне тяжело, не надо об этом.

Почти то же самое повторилось после исповеди и причастия умиравшего мальчика. Для этой цели Вера пригласила не священника своего прихода, а Федора Сенкевича, чей приход располагался совсем в другой части города. Это был тот самый Сенкевич, который вместе со студентом Голубевым возглавлял черносотенную молодежную организацию «Двуглавый орел». Когда священник, побеседовав с мальчиком и исполнив традиционный обряд, направился к двери, Женя снова подозвал его. Он хотел сказать что-то важное, но мать стала подавать мальчику знаки и он промолчал. Такова, во всяком случае, версия этого эпизода в изложении самого Сенкевича.

Итак, Женя Чеберяк умер, унеся с собой свою тайну. Или же ее сохранили те, кому он перед смертью ее все-таки поведал.

Следом заболела и умерла его сестра Валя.

Все поведение Веры Чеберяк в эти драматические дни говорило о том, что это она, даже находясь в тюрьме, сумела через кого-то отравить собственных детей, опасаясь, что они проболтаются. Если бы Вера была привлечена к суду, подробности этого страшного преступления могли бы быть полностью раскрыты. Но по делу Бей-

лиса матерая преступница проходила только как свидетельница. Ее прямое участие в убийстве Андрюши Ющинского, как мы увидим, было полностью доказано, но подозрение в убийстве ею двух своих детей так и осталось подозрением. Не исключена и иная версия – что детей «Чеберячки» отравили сыщики Полищук и Выгранов, щедро угощавшие их пирожными. Ведь если по заданию Красовского они пытались выведать тайну, известную Жене, то по поручению Союза русского народа они стремились во что бы то ни стало ее похоронить и вполне могли ликвидировать свидетеля, когда тот, по их же ухищрению, стал слишком откровенен.

Махалин и Караев

Бывший студент Сергей Махалин, как и большинство студентов, был противником царского строя. Однажды его арестовали и несколько месяцев продержали в тюрьме, однако серьезных улик против него не было и его выпустили. Но вернуться в университет Махалин уже не мог. Он зарабатывал на жизнь частными уроками и бесплатно преподавал в киевских рабочих кружках. Среди рабочих разговоры часто касались дела Ющинского: оно не сходило со страниц газет и будоражило всех. Махалин объяснял рабочим, что все разговоры об употреблении евреями христианской крови – это средневековые предрассудки; «ритуальная» агитация ведется реакционными кругами для травли евреев, чтобы направить против них гнев народных масс, страдающих от бесправия и лишений. Однако подобные объяснения нередко порождали лишь скептические усмешки. Не то чтобы рабочие слепо верили черносотенным газетам, но и нельзя было сказать, что вовсе не верили. Отношение у большинства было такое: «Кто же их, евреев, знает! Все может быть...»

Сергей Махалин видел, что дело об убийстве Ющинского выходит за рамки обычного уголовного дела. Готовилась почва для еврейского погрома, а что это такое, он хорошо знал, так как в юности был свидетелем погрома в местечке Смела, откуда был родом. Да и не только погром готовили черносотенцы. Разворачивалась кампания по манипулированию сознанием масс народа, превращаемых в послушное и агрессивное быдло. Воспрепятствовать этому — значило вырвать массы из-под влияния черносотенных идеологов, а это было важно не только для предотвращения погрома, но вообще для будущего России. И все это в тот конкретный момент замыкалось на расследовании убийства Андрюши Ющинского.

Под влиянием таких мыслей Махалин отправился к С.И. Бразуль-Брушковскому и предложил ему свое сотрудничество. Но тот встретил сту-

дента настороженно. Он не раз уже подвергался провокациям со стороны охраны и не хотел иметь дело с малознакомым человеком.

Уйдя не солоно хлебавши, Махалин решил не отступаться от задуманного. Но он понимал, что в одиночку многого не добьешься, и написал во Владикавказ своему другу — осетину Амзору Караеву, с которым еще недавно вместе сидел в киевской тюрьме.

Амзор Эльмунзаевич Караев был на пять лет старше Махалина. В тюремном мире он пользовался особой известностью. Несколькими годами ранее, после первого ареста по политическому делу, Караев как-то сразу вступил в конфликт с тюремной администрацией и возглавил борьбу заключенных против произвола тюремщиков. Когда у Караева разболелись зубы, он потребовал, чтобы его отвезли к дантисту, но тюремщики лишь поиздевались над ним. Особо усердствовал один садист-надзиратель, и Караев поклялся ему отомстить. Через пару дней, встретив надзирателя в тюремном дворе, Караев умелым ударом всадил ему в сердце нож.

Состоялся суд, но Караев столь убедительно объяснил мотивы своего поступка, что присяжные его оправдали. После этого эпизода надзиратели его не на шутку боялись, зато среди заключенных — как политических, так и уголовников — его популярность стала легендарной.

После освобождения Караев некоторое время жил рядом с Махалиным и пытался вовлечь приятеля в деятельность какой-то революционной организации, то ли эсеровской, то ли анархистской. Но вскоре ему предписали покинуть Киев, что он и сделал во избежание нового ареста.

Махалин решил, что ему нужен именно такой помощник. Получив его письмо, Караев без лишних вопросов приехал в Киев. Однако когда Махалин изложил ему суть дела, он вспыхнул и даже выхватил браунинг, посчитав себя оскорбленным. В революционной среде еще раньше был пущен слух (по-видимому, агентами охраны), что Караев лишь прикидывается революционером, а на самом деле он провокатор. И он решил, что, предлагая ему заняться полицейским расследованием, Махалин либо тоже считает его сексотом, либо проверяет его по заданию революционеров. И то и другое горячий осетин воспринял как смертельную обиду.

С большим трудом Махалину удалось остудить гнев раскипятившегося приятеля и объяснить, что дело об убийстве Ющинского имеет огромное общественное значение и что поиск истинных убийц мальчика ведется не по заданию охраны, а именно для того, чтобы сорвать ее замыслы. Когда Караев понял, о чем идет речь, он забыл о своей обиде и с готовностью включился в дело.

В тюрьме в то время сидел матёрый бандит Фетисов, родственник Веры Чеберяк и ее брата Петра Сингаевского. На этом, а также на авторитете Караева среди уголовников друзья и построили свой план.

Караев встретился с Петром Сингаевским и сообщил ему, будто Фе-

тисов просил передать «своим», чтобы они устроили ему побег. Плиса эта идея заинтересовала. За первой встречей последовали другие. Караев предложил новому приятелю участвовать в якобы затеянном им вооруженном ограблении, которое сулило большую добычу. При этом он взял с Плиса слово, что ни в каких других делах тот временно участвовать не будет. Караев и Махалин не хотели, чтобы Сингаевский засыпался на какой-нибудь мелкой краже и тем самым сорвал их план.

Войдя в доверие к преступнику, Караев сообщил ему, что был вызван в жандармское управление на допрос по одному из прошлых дел и там случайно слышал разговор о том, будто выписан ордер на арест Петра Сингаевского по делу Ющинского.

Плиса не на шутку встревожилась и сказала, что его «подсевают шары», то есть сестры Дьяконовы. Все больше паникуя, он стал строить фантастические планы о том, как выкрасть дело из жандармского управления. Завязался откровенный разговор, по ходу которого Сингаевский не только признал свое участие в убийстве Андриюши, но и в подробностях поведал о том, как было дело. Рассказал, как разделявали мальчика в квартире Чеберяк, как ночью выносили труп, как дотащили его до пещеры; как «слаб» оказался Ванька Рьжий, то есть Иван Латышев, которого даже стошнило.

Когда Караев спросил, почему труп был исколот, Плиса со злостью ответил:

— Это придумала министерская голова Рудзинского.

Разговор происходил в гостиничном номере Караева. Следуя предварительной договоренности, к нему как бы случайно зашел Сергей Махалин. Сингаевский замолчал, но Караев заверил его, что это «свой», и предложил повторить рассказ при нем. Что он и сделал.

Личное признание Сингаевского в присутствии *двух* свидетелей — это и было то *прямое* доказательство, которого так не хватало Н.А. Красовскому и С.И. Бразуль-Брушковскому.

Второе заявление Бразуль-Брушковского

К этому времени С.И. Бразуль-Брушковский объединил свои усилия с Н.А. Красовским. После первоначального недоверия он стал сотрудничать и с Махалиным, а затем свел его с Красовским. Вскоре им удалось получить показания парикмахера Швачко, который как-то был арестован по недоразумению и трое суток провел в полицейском участке. Он помнил, как в их камеру ввели Бориса Рудзинского, который там встретил приятеля, и как ночью, лежа на нарах, Рудзинский тихо, но достаточно внятно рассказывал этому приятелю о том, как они «пришли байстрюка», который их выдавал, и как раньше они были нео-

смотрительны, предполагая использовать его в грандиозном деле по ограблению Софийского собора: им нужен был шустрый паренек, чтобы пролезть между прутьями ограды и открыть изнутри ворота. Швачко лежал близко на нарах и не спал. Его показания стали *прямым* доказательством участия в убийстве Бориса Рудзинского.

Итак, объединив усилия, частные детективы не только сумели восстановить картину преступления, но и изобличить его основных участников. Их выводы полностью совпали с тем, к чему задолго до них пришел... жандармский подполковник П.А. Иванов. Все подробности дела он знал от Веры Чеберяк. Но сведения от нее он получил не как от обвиняемой, а как от... своего осведомителя. Иванов допрашивал и Бориса Рудзинского, а когда тот вздумал отпираться, устроил ему очную ставку с Верой. На очной ставке Рудзинский все подтвердил.

Однако если частное расследование велось с целью раскрытия истины, то жандармское управление вело его для того, чтобы скрыть.

Фабрикуя ложное обвинение против Бейлиса, власти должны были знать правду, чтобы воспрепятствовать ее выходу наружу. И они узнали ее без особого труда. Потому они и пренебрегли первым заявлением Бразуль-Брушковского: будучи плодом заблуждения, оно было для них не опасно.

Но когда Бразуль выступил с новыми разоблачениями, назвав убийцами Ющинского Веру Чеберяк, Петра Сингаевского, Бориса Рудзинского и Ивана Латышева, с этим уже нельзя было не считаться. Переданное в суд обвинительное заключение против Бейлиса пришлось отозвать, дело направили на доследование.

За бескорыстные поиски правды частные детективы жестоко поплатились. Караева отправили в ссылку — сперва в Якутию, а затем в Енисейскую губернию. Бразуль впоследствии получил год тюрьмы: он якобы не снял шляпу при исполнении гимна «Боже, царя храни» и был осужден за «оскорбление величества». Провел несколько месяцев за решеткой и Н.А. Красовский. Уже во время суда над Бейлисом, как раз в тот момент, когда он давал убийственные для обвинения показания, к нему на квартиру нагрянули с обыском.

Действовали власти и более изощренными методами. Стремясь скомпрометировать Караева и Махалина как главных свидетелей против чеберяковской банды, их объявили секретными сотрудниками охраны. Версия эта переключалась потом в самые солидные труды о деле Бейлиса, что вынуждает меня остановиться на этом несколько подробнее.

Одной из особенностей описываемой эпохи было то, что она была пропитана азевовщиной. Многие молодые люди, очертя голову бросившиеся в революционную деятельность, при первых же соприкосновениях с Охранным отделением с непонятной легкостью становились сексотами.

Иные давали подписку о сотрудничестве, но свои связи в охранке использовали для того, чтобы ее надувать, и через какое-то время настолько запутывались в двойной игре, что сами не знали, кто же они прежде всего — революционеры или агенты полиции. Евно Азеф и Георгий Гапон, Дмитрий Богров и Роман Малиновский — лишь наиболее известные фигуры из бесконечно длинного ряда двойных агентов. Но есть ли основания зачислять в этот ряд Сергея Махалина и Амзора Караева?

Выводя агентов на чистую воду, в революционных кругах выясняли, кто именно и когда их завербовал, кому и какие сведения они давали и сколько за это получали. В отношении Махалина и Караева таких данных ни во время суда над Бейлисом, ни позднее, когда были открыты архивы Охранного отделения, не обнаружилось. А.С. Тагер нашел в полицейской переписке по поводу Караева сообщение о том, что он был секретным сотрудником, но оказался «недобросовестным». Это надо понимать таким образом, что подписку о сотрудничестве он дал, но фактически никаких сведений охранке не поставлял. Но сама его подписка в полицейских архивах не найдена.

В связи с действительной или мнимой причастностью Караева к охранке за кулисами процесса разгорелись бурные споры. Прокурор О.Ю. Виппер боялся личного присутствия Караева на суде. Слишком сильное впечатление производили его показания, имевшиеся в материалах предварительного следствия, и прокурор не хотел, чтобы Караев их усилил личным присутствием. Однако представитель гражданского иска член Государственной думы Г.Г. Замысловский полагал, что, напротив, Караеву следует дать возможность выступить на суде, а затем разоблачить его как агента охранки и тем самым дискредитировать его.

Победила точка зрения прокурора. В результате был «задействован», как сейчас говорят в России, громоздкий полицейско-бюрократический аппарат империи, чтобы не допустить появления Амзора Караева в зале суда. Не потому ли, что Караев вовсе не был сексотом и скомпрометировать его было бы очень трудно? В то время, как по официальным каналам в Енисейскую губернию был направлен вызов Караева в суд, секретно туда же было направлено предписание не давать ему разрешения покинуть место ссылки и ни в коем случае не дать ему возможности сбежать. Чтобы обеспечить выполнение столь важного приказа, губернатор приказал арестовать Караева. Во время суда он содержался под стражей и так и не появился в Киеве.

Что касается Махалина, то относительно его причастности к охранке нет и таких хлипких данных. На суде Замысловский, допрашивая жандармского подполковника П.А. Иванова, настойчиво добивался от него признания в том, что Махалин был его секретным сотрудником. Но не добился. И вовсе не потому, что Иванов не имел права разгла-

шать служебную тайну. На карте стоял престиж империи; в интересах того, чтобы скомпрометировать такого ключевого свидетеля защиты, каким был Махалин, Иванову конечно же разрешили бы раскрыть агента, к тому же тоже «недобросовестного». Но он этого не сделал. (Впоследствии, как увидим, недоказанный слух о сотрудничестве Махалина с охранкой стоил ему жизни...)

Совершенно иначе отнеслись власти к подлинным убийцам Ющинского — Ивану Латышеву, Борису Рудзинскому и Петру Сингаевскому. Чтобы снять с себя обвинение в убийстве, они явились с повинной и заявили, что вечером того самого дня, когда был убит Андрюша, они ограбили на Крещатике магазин оптических товаров. Кто-то им подсказал (возможно, сама охранка), что такое признание обеспечит им алиби.

Однако по делу об ограблении магазина их не привлекли, следствие даже не было начато. По-видимому, такого ограбления вообще не было, но если и было, то около десяти часов вечера, а убийство произошло около полудня.

Во время суда над Бейлисом, допрашивая свидетеля Петра Сингаевского, защитник Оскар Грузенберг спросил, почему тот считает, что участие в ограблении магазина освобождает его от обвинений в убийстве Андрюши, которое произошло часов на десять раньше. Сингаевский не знал, что ответить, но на выручку ему поспешил гражданский истец Замысловский. Он стал растолковывать, что ограбление магазина — дело сложное, к нему надо тщательно подготовиться, и поэтому Сингаевский и его сообщники были заняты с самого утра: убивать в тот день им было некогда, в этом якобы и состоит их алиби.

Сами бандиты были менее находчивы. Ванька Ръжий (Иван Латышев), попавшись на другом преступлении, на допросе у следователя вдруг стал давать откровенные показания по делу Ющинского. Спыхватившись, он понял, что наговорил лишнего. Перед тем, как подписать протокол допроса, он почувствовал жажду. С разрешения следователя он подошел к окну, где стоял графин с водой, и неожиданно выбросился из него. Кабинет находился на четвертом этаже, преступник разбился насмерть.

Свидетели Сингаевский и Рудзинский, тоже попавшиеся на различных ограблениях, в судебный зал во время процесса Бейлиса были доставлены под стражей; при очных ставках Сингаевского с Махалиным и Рудзинского с Швачко они растерялись. Особенно подавлен был Сингаевский. Он отрицал, что сам рассказывал Махалину и Караеву об убийстве, но держался так неуверенно, что зал затаил дыхание. Казалось, еще секунда — и Плис признается в убийстве перед всем миром. Но тут снова вмешался Замысловский и буквально заткнул рот убийце, как раньше Вера Чеберяк закрывала поцелуями рот своему умиравшему сыну.

Можно не сомневаться, что если бы вслед за Махалиным на очной ставке с Сингаевским выступил и Караев, преступник не выдержал бы. Однако Караев, как мы знаем, в это время сидел в тюрьме в далекой Енисейской губернии. Распоряжение о его аресте с целью недопущения его явки на суд исходило от министра внутренних дел Николая Алексеевича Маклакова. Вместе с министром юстиции Щегловитовым Маклаков чинил прямое беззаконие, чтобы не допустить разоблачения истинных убийц Ющинского.

А в это время в зале суда пятеро защитников Бейлиса вели героическую борьбу за раскрытие правды. Возглавлял бригаду член Государственной думы Василий Алексеевич Маклаков, родной брат министра. Трудно было найти более яркое свидетельство того, как глубоко дело Бейлиса раскололо все русское общество, нежели это противостояние двух братьев.

Обвинители и эксперты обвинения

Суд над Бейлисом начался 25 сентября 1913 года. После решения процедурных вопросов началось чтение обвинительного акта — одного из самых позорных документов, когда-либо фигурировавших в таком качестве.

Поскольку сколько-нибудь серьезных улик против Бейлиса не было, то обвинительное заключение было построено на доказательствах невинности Веры Чеберяк и ее шайки, сдобренных клеветническими выпадами против иудаизма и вообще евреев.

Правда, прокурор О.Ю. Виппер не раз заявлял, что на данном суде обвиняются не еврейский народ и не еврейская религия, а только один Мендель Бейлис. Но если официальный представитель государственной власти вынужден был прикрывать откровенно антисемитскую направленность суда фиговыми листочками этих жалких оговорок, то лица, поддерживающие гражданский иск, бесстыдствовали во всей наготе. Официально они представляли интересы матери убитого мальчика, но интересы Александры Приходько беспокоили их меньше всего. Оба гражданских истца, Георгий Замысловский и Алексей Шмаков, были видными идеологами Черной сотни. Их цель состояла в том, чтобы любой ценой добиться осуждения Бейлиса и всего еврейского народа. В этом они видели средство подавления оппозиции и сплочения народа вокруг царя и трона.

Георгий Замысловский, как уже упоминалось, был одним из главварей фракции правых в Государственной думе — наряду с доктором А.И. Дубровиным, В.М. Пуришкевичем, Марковым Вторым. Другой гражданский истец, Алексей Шмаков, был не менее известен.

Старый юрист, он начал свой поход против евреев еще в 80-е годы XIX века. Среди антисемитов он слыл самым крупным знатоком еврейской религиозной литературы, хотя на иврите не читал. На самом деле он был знатоком антисемитской литературы. Черпая из нее различные мифы о еврейских «злодействах и зверствах», он умел придавать им наукообразную форму.

Эти два гражданских истца и обвиняли Бейлиса и вообще евреев в «употреблении христианской крови в ритуальных целях».

Не менее важную роль играли в процессе эксперты, поддерживавшие обвинение. Один из них, профессор судебной медицины Д.П. Косоротов, продал свою совесть ученого за четыре тысячи рублей, которые ему были выданы лично начальником Департамента полиции Степаном Петровичем Белецким из особого секретного фонда, — две тысячи до и две тысячи после процесса. Однако об этом стало известно только после февраля 1917 года, когда были открыты секретные архивы и сам Белецкий дал откровенные показания Следственной комиссии Временного правительства. А на суде профессор Косоротов авторитетом ученого-медика подтверждал, что убийство Ющинского *могло* иметь ритуальный характер.

Другой эксперт обвинения, профессор И.А. Сикорский, психиатр, за свою «экспертизу» получил даже больше — 4500 рублей. И, надо сказать, он честно их отработал. В своем выступлении на суде он не касался научных проблем, связанных с его специальностью. Трибуну суда он использовал для произнесения зажигательной антисемитской речи. Защитники пыгались протестовать, но Сикорский, поощряемый председателем суда Федором Алексеевичем Болдыревым, договорил до конца и произвел вполне определенное впечатление на присяжных.

Однако наиболее важной была религиозная экспертиза, ибо именно специалисты по еврейской религии должны были дать ответ на центральный вопрос: предписывает ли иудаизм употребление христианской крови или нет?

Среди православных богословов не нашлось ни одного авторитетного человека, которого обвинение рискнуло бы выставить на суде в качестве эксперта. В следственном деле имелись показания архимандрита Амвросия, который был настоятелем Печеро-Успенской лавры. Но, по его собственным словам, вопроса о ритуальных убийствах он не изучал, а только слышал об этом от других священников и монахов, включая выкрестов, то есть евреев, принявших православие. В качестве эксперта выставить этого архимандрита было, конечно, невозможно.

На суде давал показания еще один архимандрит, Автоном, рожденный евреем, но принявший православие в десятилетнем возрасте. Он тоже никаких специальных знаний по интересовавшему суд вопросу не имел, но якобы знал несколько случаев, когда евреи избили и

даже убили своих бывших единоверцев, перешедших в христианство. В эксперты архимандрит Автоном тоже не годился, да и свидетельские его показания отношения к делу не имели. Обвинители, скорее всего, вызвали его с одной целью: ряса священнослужителя должна была произвести нужное впечатление на малограмотных, но богобоязненных присяжных.

А для религиозной экспертизы обвинителям пришлось прибегнуть к услугам католика, магистра богословия ксёндза Иустина Пранайтиса, да и того удалось отыскать только в Ташкенте, куда он был сослан из родной Литвы за финансовые махинации.

Ксёндз Пранайтис и оказался тем человеком, который осмелился под присягой, на глазах всего мира, пристально следившего за процессом, возвести кровавый навет на целый народ.

Пранайтис приводил цитаты из Талмуда, из которых следовало, будто евреи — враги всего человечества; будто они ненавидят христиан и ежедневно проклинают их в своих молитвах; будто их религия позволяет и даже предписывает им обманывать христиан, всеми правдами и неправдами захватывать их имущество, быть клятвопреступниками, лицемерами и наконец будто при многих иудейских обрядах, а особенно при изготовлении пасхального хлеба — мацы, — евреям предписывается добавлять христианскую кровь, которую они добывают, убивая младенцев.

Защитники попросили ксёндза Пранайтиса указать, в каких именно трактатах Талмуда имеются приводимые им тексты. На это эксперт ответил, что не взял с собой своих записей, а по памяти ссылок делать не может. Тогда защитники предоставили ему Талмуд — с тем, чтобы он отыскал и перевел приводившиеся им цитаты. Пранайтис ответил новой уловкой: цитированные им места имеются — да не во всех изданиях Талмуда, а только в некоторых, очень редких, достать их почти невозможно (он назвал издания 300-летней давности). Однако защита, под смех зала, ответила, что у нее есть и эти издания, и Пранайтис оказался припертым к стене.

Бросившиеся на выручку представители обвинения стали протестовать против того, что защита «устраивает экзамен» эксперту, но защитник О.О. Грузенберг возразил, что, по закону, стороны допрашивают эксперта так же, как и свидетеля. При этом могут быть поставлены такие вопросы, цель которых состоит в том, чтобы изобличить свидетеля или эксперта во лжи. Иначе говоря, предлагая Пранайтису указать, из каких именно мест Талмуда он почерпнул свои сведения, защита не экзаменует его, а пытается продемонстрировать, что он лжет.

Стремясь спасти положение, А.С. Шмаков сам устроил экзамен Пранайтису. Он задавал эксперту бесчисленные вопросы, построенные по одному типу:

«Известно ли вам, что...», — и дальше следовала очередная клевета на евреев.

Пранайтису надо было только отвечать: «Да, известно». Но ксендз так растерялся, что в большинстве случаев либо молчал, либо отвечал: «Не знаю».

Окончательным посрамлением Иустина Пранайтиса должны были стать буллы римских пап, в которых католикам запрещалось обвинять евреев в ритуальных убийствах. В буллах говорилось, что подобные обвинения ни на чем не основаны и представляют собой лишь темный предрассудок. Тексты булл неоднократно воспроизводились в печати, в том числе и в русской прессе во время жарких дебатов, предшествовавших процессу.

Когда один из защитников задал Пранайтису вопрос, как он, будучи католическим священником, может поддерживать кровавый навет вопреки обязательным для католиков предписаниям Святейшего престола, Пранайтис, не моргнув глазом, заявил, что никаких папских булл на этот счет никогда не было, это-де все еврейские фальсификации. Защита тотчас обратилась к суду с ходатайством: немедленно запросить Ватиканский архив о снятии заверенных копий с соответствующих булл и пересылке их в Киев. Отклонить такое ходатайство судья не мог. Однако одновременно с запросом в Ватиканский архив было направлено секретное предписание российскому посланнику в Ватикане Нелидову. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов инструктировал его *задержать* отправку этих документов в Киев.

Неожиданное вмешательство в это грязное дело министра иностранных дел могло произойти только по прямому требованию императора. Таким образом, цепь замыкается: над фабрикацией ложного обвинения Менделя Бейлиса и вообще евреев в ритуальном убийстве Андрея Ющинского работала *вся* государственная машина, возглавлявшаяся царем и орудовавшая заодно с воровской шайкой.

Посланник при дворе Ватикана четко выполнил предписание. Копии, снятые с подлинных папских булл, прибыли в Киев уже после окончания процесса, когда надобность в них уже отпала.

Защитники и эксперты защиты

Таковы были условия, при которых пять защитников Бейлиса вели борьбу за спасение невинного человека, а вместе с ним — всех евреев России.

Как уже упоминалось, группу защитников возглавлял член Государственной думы В. А. Маклаков. Его товарищами по защите были присяжные поверенные Н. П. Карабчевский, О.О. Грузенберг, А.С. Зарудный, Д.Н. Григорович-Барский.

Наиболее опытным из них был Николай Петрович Карабчевский, выдающийся адвокат, пользовавшийся заслуженной славой еще в 80-е и 90-е годы прошлого века. Вместе с Короленко он защищал в 1895 году группу вотяков (удмуртов), которых обвиняли в аналогичном преступлении.

Не менее известен был О.О. Грузенберг — единственный еврей среди защитников. Хотя он был значительно моложе своего прославленного коллеги, но уже много лет его имя блистало в созвездии лучших имен русской адвокатуры. Грузенберга, человека предельной честности и принципиальности, никакими гонорарами нельзя было склонить к тому, чтобы сказать на суде неправду. Это знали не только его подзащитные — знали об этом и в Сенате. Поэтому слово Грузенберга ценилось очень высоко.

А.С. Зарудный в прошлом был прокурором. Однако положение дел в российском судебном ведомстве заставило его уйти с государственной службы и стать защитником. Одним из первых дел, в которых Зарудный участвовал как адвокат, было дело о Кишиневском погроме. Оно слушалось в Кишиневе в 1903 году. Зарудный был гражданским истцом и защищал интересы пострадавших евреев. Его товарищами по гражданскому иску были те же Карабчевский и Грузенберг. А защиту погромщиков возглавлял Алексей Шмаков. Через десять лет они снова сошлись лицом к лицу, только на сей раз Шмаков был гражданским истцом, а Карабчевский, Грузенберг и Зарудный — защитниками.

Роль Григоровича-Барского рядом с этими светилами была сравнительно скромной. Во время заседаний он редко задавал вопросы свидетелям или делал заявления. Однако его функции были очень важными: коренной киевлянин, он, сменив Марголина, стал официальным адвокатом Бейлиса еще во время следствия и потому лучше всех знал подробности дела и местную обстановку.

В качестве экспертов защита привлекла крупнейшие научные авторитеты.

В свете лжеэкспертизы Косоротова особенно важно было установить характер убийства Андриюши Ющинского с точки зрения анатомии и физиологии. Это и сделали известные хирурги, профессора Павлов и Кадьян. Тщательно проанализировав данные медицинского вскрытия, они доказали, что никаких научных оснований, которые бы подтвердили или хотя бы дали возможность подозревать, будто убийство Ющинского совершено с целью получить кровь, нет. Да и Косоротов, продолжавший настаивать на том, что убийство Ющинского сопровождалось большой потерей крови, признал, что из этого вовсе не следует будто кровь собирали в сосуд для дальнейшего использования.

Психиатрическая экспертиза академика В.М. Бехтерева и пол-

ностью согласного с ним профессора Карпинского подтвердила, что убийство Ющинского не связано ни с каким «ритуалом». Кадьян и Бехтерев опровергли также один из главных аргументов «ритуалистов», исходивших из того, что жертве должно быть нанесено 13 колотых ран.

На теле Ющинского насчитывалось 47 ран, так что согласовать этот случай с ритуальным было очень трудно. Однако оказалось, что в височной части головы имеется как раз тринадцать ранок. Это и использовали обвинители, перетолковав свои источники таким образом, будто, тринадцать ран должно быть не на всем теле, а именно в височной части головы.

Тщательно просмотрев имевшиеся снимки и препараты, профессор Кадьян и академик Бехтерев обратили внимание на то, что одна из височных ранок была двойной. Беспорядочно тыкая шилом, убийцы два раза попали в одно и то же место, чем несколько расширили и изменили форму ранки. Таким образом, ударов в висок было не тринадцать, а четырнадцать, так что и этот аргумент обвинителей отпал.

Теперь о наиболее важной экспертизе — религиозной.

Если обвинение, как мы помним, испытывало большие трудности в поисках подходящего эксперта и, не найдя такового ни в Москве, ни в Петербурге, ни в Киеве, выписало из Ташкента ксендза Пранайтиса, то защита с подобными затруднениями не сталкивалась. Дать заключение по вопросам еврейской религии согласились выдающиеся знатоки древнееврейского языка и религиозной литературы: профессор Петербургской духовной академии Троицкий, крупнейший в России востоковед и гебраист профессор Коковцов, профессор Новожилов, раввин Московской хоральной синагоги Мазе. Эти четыре эксперта, три христианина и один еврей, опираясь на знание еврейских религиозных традиций и текстов, удостоверили, что запрет употребления в пищу не только человеческой крови, но и крови животных является одним из самых строгих запретов иудейской религии. Они удостоверили, что иудаизм учит относиться к другим людям с любовью и уважением, строго запрещает не только убивать, но и обманывать, лицемерить, нарушать данное слово, то есть что мораль иудаизма в основе своей ничем не отличается от христианской морали: та и другая базируются на заповедях Торы.

Особое впечатление произвело выступление на процессе раввина Мазе, человека большой культуры и незаурядного оратора. Хотя он говорил с излишней горячностью, вся его речь была пронизана чувством собственного достоинства и гордости за свой вечно унижаемый, но не униженный народ, у которого нет оснований стыдиться своей религии, своих обычаев, своей истории.

Вердикт присяжных

За всеми этими спорами о Бейлисе почти не говорили. Неделями его имя вообще не упоминалось. Расчет обвинения был ясен: оно хотело запутать присяжных во всех этих научных спорах и экспертизах. Однако судебное следствие настолько ярко показало несостоятельность обвинений, что, когда начались прения сторон, защитники и обвинители как бы поменялись ролями. Защитники не столько защищали Бейлиса (в этом не было необходимости), сколько уличали истинных убийц Ющинского — Веру Чеберяк и ее сообщников. Обвинители же всячески выгораживали воровскую компанию и одновременно поносили иудейскую религию, оставшись в этом верными себе до конца: трибуну процесса они использовали для возбуждения племенной и религиозной ненависти.

Все это воздействовало на присяжных, однако среди них крепло одно доминирующее настроение: «Как мы можем осудить Бейлиса, если о нем вообще нет разговора?»

В последний момент спасти обвинение попытался судья Ф.А. Болдырев. Во время процесса он исподволь помогал обвинителям, хотя и старался соблюдать видимость объективности, как и положено судье. Однако в заключительной речи судьи декорум был отброшен. Суммируя все, что происходило на пятинедельном процессе, а за это время перед присяжными прошло около двухсот свидетелей и полтора десятка экспертов, так что в голове у них была изрядная каша, — судья максимально усилил те крохи, которые можно было как-то использовать против Бейлиса, и поставил под сомнение почти все факты и аргументы, говорившие в пользу его невиновности и того, что убийство было совершено воровской шайкой на квартире Чеберяк. Таково было то последнее напутствие, с которым присяжные удалились в совещательную комнату.

Не довольствуясь этим, судья — идя навстречу требованиям гражданских истцов, но отклоняя все требования защиты — сперва разделил вопрос, на который должны были ответить присяжные, на два, а затем сформулировал их так, чтобы опять же максимально угодить обвинению. В особенности это касалось вопроса относительно самого факта преступления. Ответ на него мог быть только положительным, ибо всем было ясно и очевидно: Андрияша Ющинский не умер собственной смертью, не покончил с собой, он был убит; это было доказано на суде. Однако к бесспорной части вопроса судья Болдырев прицепил наиболее спорное положение — о месте, где было совершено убийство. Рекордная по иезуитскому лицемерию формулировка достойна того, чтобы ее здесь процитировать: «Доказано ли, что 12

марта 1911 года, в Киеве, на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице, в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице (курсив мой. – С.Р.) ... тринадцатилетнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием на теменной, затылочной, височной областях, а также на шее раны...» и т. д.¹

Тотчас же выступивший с возражением защитник А.С. Зарудный заявил: «Что же оказывается? Присяжные заседатели будут поставлены в такое положение, что им придется или признать, что преступление было совершено на заводе Зайцева или что преступления не было. Но ведь преступление было, мальчик был убит, мы все это признаем, и в этом спора нет. Следовательно присяжным заседателям нужно дать возможность выхода, нужно дать возможность признать, что убийство было совершено не на заводе Зайцева, а в другом месте»².

Но именно этого и не хотел допустить судья Болдырев. Требование защиты он отклонил.

Второй вопрос прямо касался виновности или невиновности Бейлиса в убийстве мальчика Андрея Ющинского «из побуждений религиозного изуверства»³, что содержало явное указание на «ритуал», но не соответствовало закону. Об этом заявил в своем протесте защитник О.О. Грузенберг: «Наше законодательство до 1906 года знало три случая убийства, в которых личное побуждение преступников принималось во внимание для определения наказания. Случаи эти: 1) стыд и муки матери при детоубийстве; 2) особо корыстная цель при убийстве и 3) изуверское убийство, совершенное членами вредной секты. Но в марте 1906 г. последнее условие, а именно – изуверское убийство, было отменено законом»⁴. Поэтому Грузенберг потребовал удалить указание на «религиозное изуверство» из формулировки вопроса о виновности или невиновности Бейлиса. Но и это требование судья отклонил.

Как только присяжные удалились из зала суда на совещание по вынесению приговора, снова выступил Грузенберг. Он предложил судье дополнить его напутственное слово целым рядом моментов, которые тут же и перечислил. Выступление с таким требованием после удаления присяжных предусматривалось законом, и судье в таком случае предписывалось попросить секретаря вновь пригласить присяжных и зачитать им предложенные дополнения. Но тут один за другим стали протестовать прокурор и гражданские истцы. Они заявили, что возвращение присяжных из совещательной комнаты недопустимо и что, если это произойдет, они со своей стороны тоже

¹ Дело Бейлиса. Стенографический отчет, К., 1913, т. 3, стр. 273.

² Там же, стр. 275.

³ Там же, стр. 273.

⁴ Там же, стр. 273.

потребуется дополнить заключение судьи. И снова, уступая обвинению, Ф.А. Болдырев ходатайство защиты отклонил.

Грузенберг потребовал занести весь эпизод в протокол. Фиксировать в протоколе все отклонения от предусмотренной законом процедуры было необходимо для того, чтобы потом, в случае вынесения обвинительного приговора, подать кассационную жалобу. А в том, что такая необходимость появится, после заключительной речи судьи защитники почти не сомневались. Они были готовы к наихудшему решению.

Трудно передать всеобщее ликование, когда присяжные, ответив на первый вопрос «да», на второй ответили:

«Нет! Не виновен!»

Выслушав вердикт присяжных, судья заявил:

— Мендель Бейлис, вы свободны, можете занять место среди публики.

В этом было не только спасение Бейлиса и русского еврейства — в этом приговоре было спасение чести России, подтверждение того, что она еще не полностью потеряла совесть.

— А все-таки русский народ справедливый народ! — воскликнул Владимир Галактионович Короленко.

После суда

В исторической науке господствует точка зрения, что русская революция — это прямое следствие Первой мировой войны: не будь войны, старая Россия существовала бы еще долго, может быть, до сих пор.

Изучение дела Бейлиса заставляет внести в такое представление существенные коррективы. Оно показывает, что еще до войны между обществом и властью в России разверзлась пропасть и перекинуть мост через нее не стремились ни одна, ни другая стороны. В частности, из дела Бейлиса власти не сделали должных выводов. Несмотря на провал позорной и неумной затеи, все организаторы дела Бейлиса, все сторонники ритуальной легенды и обвинители были осыпаны почестями и наградами. В их честь устраивались парадные банкеты, на которых зачитывались приветствия и поздравительные телеграммы, — при том, что общество видело в них тупых обскурантов и человеконенавистников. Так власть утирала свое оплеванное лицо.

Судья Ф.А. Болдырев получил повышение: его назначили главой Киевской судебной палаты. Прокурор Г.Г. Чаплинский получил два повышения подряд и даже скакнул в Сенат — высшую судебную инстанцию империи. Орденовые ленты и денежные награды получили и прокурор О.Ю. Виппер, и министр юстиции Г.И. Щегловитов, и ми-

нистр внутренних дел Н.А. Маклаков, и начальник Департамента полиции С.П. Белецкий.

Георгий Георгиевич Замысловский получил из секретного фонда 25 тысяч рублей на написание книги о деле Бейлиса, каковую и издал в январе 1917 года.

Черносотенцы, при поощрении и поддержке властей, продолжали негласное расследование, отыскивая лжесвидетелей для фабрикации новых улик против Бейлиса. Одновременно власти делали все, чтобы не допустить продолжения частного расследования убийства Ющинского для предания суду его истинных убийц – Веры Чеберяк, Петра Сингаевского и Бориса Рудзинского.

Лихорадочно велись поиски новых «убиенных младенцев», черносотенные газеты трубили о всяком непроверенном слухе на этот счет. Увы, все проверки вели к их разочарованию и посрамлению. То «убиенные отроки» находились целыми и невредимыми, то три служанки, жившие в одной еврейской семье и найденные затем мертвыми, оказывались самоубийцами, причем жили и служили они в разных семьях... Наконец был найден труп подростка в местечке Фастове. Тотчас началось ритуальное следствие под руководством известного нам Г.Г. Чаплинского, который привлек в качестве эксперта профессора И.А. Сикорского, уверенно заключившего о ритуальном характере убийства. Но и на этот раз фатально не повезло ритуалистам: убитый мальчик оказался евреем, а убийцами — русские пастухи...

Власть обнаруживала все большую беспомощность и маразм, общество бурлило, в любой момент могла вспыхнуть революция. Первая мировая война не приблизила, а, наоборот, отсрочила неизбежную развязку, так как перед лицом внешнего врага в обществе наступил гражданский мир – пусть непрочный и недолговечный. Военные поражения вновь обострили ситуацию и привели к окончательной гибели режима.

Перемена декораций произошла только после Февральской, а затем большевистской революций. Замысловскому удалось бежать от большевиков, но в эмиграции он заметной роли не играл и след его затерялся. Последний раз его видели в Югославии в 1933 году.

Щегловитов, Белецкий, Чаплинский, Лядов и другие были арестованы Временным правительством и дали откровенные показания Чрезвычайной следственной комиссии, расследовавшей преступления царского режима. Большевистский переворот прервал это следствие, а большинство заключенных царских чиновников было расстреляно.

Студент Владимир Голубев был убит на фронте в Первую мировую войну (в книге Замысловского о нем уже говорится как о «незабвенном», то есть умершем, товарище по борьбе с еврейством).

Еще до революции почил в Петрограде ксендз Иустин Пранайтис. Из участников процесса, поддерживавших обвинение, Пранайтис был самым наглым и активным лжецом и клеветником, но именно его почему-то обошли наградами. Только по ходатайству Чаплинского ему выдали дополнительно к официальной оплате 500 рублей, что на фоне вознаграждений, сыпавшихся на его коллег, было обидной подачкой.

В январе 1914 года Пранайтис стал добиваться перевода из Ташкента в Петербург, прося места при министерстве, «где бы я был полезен, так как это дело Бейлиса не первое и не последнее»¹. Но на ходатайство не отреагировали. На следующий год в Ташкенте возник скандал, вызванный тем, что ксендз Иустин Пранайтис, возглавлявший Туркестанское римско-католическое благотворительное общество, присвоил принадлежавшие этому обществу полторы тысячи рублей. «*Шантажист* до процесса, *лжец и невежда* на самом процессе и *растратчик* после процесса» – такую емкую характеристику дает этому персонажу А.С. Тагер².

Осенью 1916 года Пранайтис перебрался-таки в Петроград, где «успешно выполнял возложенные на него правительством ответственные поручения». Но в январе 1917 года он тяжело заболел и скончался. Его смерть, случившаяся в разгар тяжелейшей войны и в канун величайших внутренних потрясений, вызвала секретную переписку между высокопоставленными чинами полиции, армии, духовного ведомства и генерал-губернаторства Туркестанского края. Обсуждался вопрос исключительной важности: о том, какую опасность для Российского государства может представить перевозка тела почившего ксендза из Петрограда в Ташкент, о чем, видимо, ходатайствовали его близкие. Питерские чины полагали, что могила знаменитого ксендза-ритуалиста в ташкентском костеле может стать местом паломничества, свращая нестойких в вере людей из православия в католичество. А это, конечно, не соответствовало видам правительства. Только получив заверение Туркестанского генерал-губернатора Куропаткина в том, что массового паломничества к мощам ксендза Пранайтиса в Ташкенте не будет, так как почивший священнослужитель отнюдь не оставил по себе доброй памяти, полицейские власти дозволили выпустить его прах за пределы петроградской черты оседлости.

Это судьбоносное решение было принято Департаментом полиции 20 февраля 1917 года, за неделю до слома всего строя империи. Еще один маленький штрих, показывающий, какой маразм и оцепенение владели властями в те дни, когда империя валилась в пропасть.

В 1918 году своей смертью умер ветеран антисемитских походов в

¹ Тагер, стр. 263.

² Там же, стр. 265, курсив автора.

России Алексей Семенович Шмаков, годом позже — его соратник профессор И.А. Сикорский. В 1919 году, в Калуге, был обнаружен прокурор О.Ю. Виппер, пристроившийся на незаметной должности в каком-то большевистском учреждении. Его отдали под суд революционного трибунала, обвинителем на суде выступал сам генеральный прокурор Красной России Н.В. Крыленко. Он требовал смертного приговора для Виппера, но тот был приговорен лишь к небольшому сроку тюремного заключения, а затем вскоре умер. «Помогли» ли ему умереть тюремщики, или он просто не выдержал суровых условий большевистского застенка, осталось неизвестным.

С приходом большевиков к власти эмигрировали почти все защитники Бейлиса — В.А. Маклаков, Н.П. Карабчевский, О.О. Грузенберг, Д.Н. Григорович-Барский. В Советской России остался только А.С. Зарудный, но жил он в постоянной страхе, в ожидании ночного ареста.

Владимир Галактионович Короленко умер в 1921 году в родной Полтаве, где последние годы вел безнадежную борьбу с жестокостями большевистского режима.

С.И. Бразуль-Брушковский при советской власти прожил еще двадцать лет, но в 1937 году, в разгар большого террора, он был арестован и вскоре расстрелян (о чем мне сообщила его племянница, журналистка и литературовед, автор биографии Демьяна Бедного Ирина Дмитриевна Бразуль, с которой мне довелось подробно беседовать в конце 60-х годов в Москве).

Листая газеты первых лет советской власти, я как-то наткнулся на заметку, пролившую свет на судьбу еще одного из участников киевской драмы, чей след считался утерянным. Оказалось, что бывший студент Сергей Махалин после революции служил в каком-то советском учреждении на довольно видном посту, но неожиданно его опознали как участника процесса Бейлиса, обвинили в связях с охранкой и даже с «известным антисемитом А.С. Шмаковым» и без долгих проволочек расстреляли.

Мне известны два заслуживающих внимания печатных свидетельства о конце Веры Чеберяк. Одно содержится в книге американского исследователя дела Бейлиса М. Самюэла. Он приводит рассказ еврейского журналиста Хайма Шошкеса, который, сидя в большевистской тюрьме в Харькове в 1920 г., слышал, как тюремный надзиратель Аназерский хвастался перед заключенными, что двумя годами раньше в киевской чека собственноручно расстрелял Веру Чеберяк и ее брата Петра Сингаевского. Второе свидетельство — в воспоминаниях перебежавшего на Запад чекиста Михаила Болеросова³. Болеросов сообщил, что Вера Чеберяк была расстреляна по делу Союза русского народа в 1919 году. (На эту

³ «На чужой стороне», вып. 9, 1925, стр. 125.

публикацию мне указал сотрудник Библиотеки Конгресса Д. Аранс, которому приношу благодарность.)

В 1991 году, в публикациях о деле Бейлиса журналиста С. Абарбарчука в нью-йоркской газете «Новое русское слово», со ссылками на практически недоступные украинские газеты времен Гражданской войны, сообщалось, что убийца Андриюши Ющинского (автор писал ее фамилию через два «и» — Чибирияк) была «активным членом партии эсеров», после чего автор «перевел» ее в партию «украинских эсеров-националистов», от которых, по его словам, она была избрана в Учредительное собрание — по протекции видного украинского политического деятеля той поры В. Винниченко. Однако Винниченко ни к эсерам ни к украинским эсерам-националистам не принадлежал: он возглавлял УСДРП (Украинскую социал-демократическую рабочую партию), а в период недолгой дружбы с большевиками — УКП (Украинскую коммунистическую партию). Сведения эти нельзя считать заслуживающими доверия. То, что Чеберяк была расстреляна чекистами, вряд ли подлежит сомнению, но не как эсерка или украинская националистка, а как уголовная преступница, имевшая связи с охранкой и Черной сотней.

Весьма своеобразной оказалась судьба первого адвоката Бейлиса, а затем свидетеля по его делу Арнольда Марголина. В 1918 году он стал заграничным представителем правительства Украинской рады, возглавлявшегося Симоном Петлюрой. Находясь в Европе и плохо понимая, что, собственно, происходит на Украине, Марголин прилагал немало усилий к тому, чтобы защищать петлюровцев от обвинений в организации массовых еврейских погромов. После падения Рады Марголин перебрался в Соединенные Штаты, где вновь встретился со своим подзащитным — Менделем Бейлисом.

Сразу же после процесса Бейлиса и его семью еврейские организации спешно выпроводили за границу — в противном случае черносотенцы, не смирившиеся с поражением, просто убили бы его из-за угла. Прожив несколько лет в Палестине, но не сумев укорениться в ней, Бейлис перебрался в Соединенные Штаты, где пытался работать в типографии, потом освоил профессию страхового агента, но без особого успеха. В 1926 году в Нью-Йорке при содействии А.Д. Марголина была издана на английском языке книга Менделя Бейлиса «История моих страданий», но заметного успеха не имела. Общественный интерес к делу Бейлиса к тому времени изрядно остыл.

Мендель Бейлис умер в 1934 году. Вероятно, незадолго до смерти он успел ознакомиться с работой А. С. Тагера «Царская Россия и Дело Бейлиса», изданной к 20-летию процесса.

Изучив обширный архивный материал, А.С. Тагер вскрыл закули-

ные махинации властей, сопровождавшие фабрикацию дела и постановку его на суде. Через год книга была переиздана, но вскоре после этого тема дела Бейлиса в советской России стала, мягко говоря, нежелательной.

На Западе возрождение интереса к теме российского антисемитизма вообще и к Делу Бейлиса в частности началось в шестидесятые годы, когда появился научный труд Мориса Самюэла «Кровавый навет: странная история дела Бейлиса» (1966), а еще до него – роман видного американского писателя Бернарда Маламуда, *The Fixer*, который имел оглушительный успех и принес автору Пулицеровскую премию. Роман до сих пор переиздается массовыми тиражами.

Совсем другой жизнью дело Бейлиса живет в современной России, где к нему снова и снова обращаются красно-коричневые патриоты, черпая в нем материал для раздувания ритуальных мифов и нагнетания племенной ненависти.

На другую чашу весов можно положить, кажется, только переиздание книги А. С. Тагера, немедленно разошедшееся, да вышедшую в Киеве книгу Г.Н. Шапиро «Тайна одного следствия» (1996), с которой я ознакомился уже после переработки этой повести – благодаря любезности известного американского кинодокументалиста Альберта Мэйзлеса (Albert Maysles), снимавшего документальную ленту о деле Бейлиса.

Гитлер Доброславович Достомельский

*«Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол»,
не верь глазам своим»*

«Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим», — изрек великий прорицатель и, представьте себе, был не прав!

...Передо мной скромно изданная книжица с небесно-голубой обложкой; на ней белым по голубому начертано: «Ф.М. Достоевский. Еврейский вопрос», а на титульном листе добавлено: «Москва, «Витязь», 2000».

Издание, стало быть, новейшее, шагает в двадцать первый век. Правда, статья «Еврейский вопрос» Федора Михайловича Достоевского — творение не первой свежести. Написана была, кажется, еще при жизни автора, а он скончался почти 120 лет назад. Но классик на то и классик, что он вечно живой.

Правда, обессмертили Федора Достоевского его гениальные романы, а не публицистические статьи. При меткости иных наблюдений и яркости отдельных описаний публицистика Достоевского скучна. Она давно была бы забыта, если бы не громкое имя автора. Недостает в его статьях энергии, неожиданных поворотов темы, парадоксов, сжатых афористичных высказываний, иронии — словом, того, что придает блеск публицистике. Мыслям в них тесно, словам просторно, а вольготнее всего — националистической риторике провинциального пошиба.

Не то чтобы Федор Михайлович сильно восхищался своими соплеменниками. Статьи его полны сетований на то, что русский народ груб, ленив и неразвит. Но это уничижение паче гордости. Ибо, при всех недостатках, Достоевский считал русских самым добрым, незлобивым, доверчивым, отзывчивым народом, прощающим врагов своих по завету Иисуса Христа. И все-то кругом русский народ обижают! В обидчики попадают и сотню раз битые русскими войсками турки — по злобе и жестокости они не хотят расставаться со столь любезными России черноморскими проливами; и заносчивые «полячишки» — католическая гордыня не дает им уразуметь, как осчастливила их Россия, прибрав к своим рукам; и погрязшая в филистерском благополучии и бездуховности немчура; и прочие там «французишки». Об алчных «жидах» и говорить не приходится. Разве что походя лягнуть для острастки, что Федор Михайлович и делает при всяком удобном случае. (Статья «Еврейский вопрос» написана как ответ читателям, попрекавшим его за эти лягания.)

С публицистикой Достоевского я впервые ознакомился лет тридцать назад, но до сих пор помню, какую неловкость испытывал за создателя «Братьев Карамазовых». С каждой прочитанной статьей гигантская фигура Достоевского как-то скукоживалась, мельчала, а под тяжестью «Еврейского вопроса» и вовсе сжалась в сморщенного лилипута.

Собственных наблюдений и размышлений писателя в статье едва набирается на два абзаца. Все остальное – «озвучивание» пошлятины современной ему антисемитской прессы. Прочел он, к примеру, в газете «Новое время» корреспонденцию из Ковно о том, что «до того набросились там евреи на местное литовское население, что чуть не сгубили всех водкой» и – перенес в свое творение!¹ А еще где-то он прочитал, что негры в Северной Америке, освободившись от рабства, тотчас попали в кабалу к евреям. И тоже приспособил к делу². А еще откуда-то взял, что евреи закабалили русский народ, о чем-де «свидетельствует история наших русских окраин»³. Так это ему просто как меду лизнуть. От себя только осталось добавить, что «мерещится» ему «одна заметка в скобках»: «Еврейству там и хорошо, где народ еще невежественен или несвободен или мало развит экономически, — тут стало быть ему и лафа!»⁴

Это мало похоже на прозрение гения. Больше смахивает на отрывок из погромной листовки.

Главным источником мудрости в еврейском вопросе Федору Михайловичу послужила нашумевшая в те времена «Книга кагала» Якова Брафмана – крестившегося еврея, который делал свой бизнес на клевете на породивший его народ. Брафман демонизировал кагалы (упраздненные еще в 1843 году органы самоуправления еврейских общин), изображая их в виде сети преступных организаций, которые, под страхом смерти, сковывают всех евреев железной дисциплиной и используют для тайной борьбы против христианского общества и государства. Как сам Брафман избежал смерти от руки всемогущего кагала, он не объяснял. Зато удостоился почетной, сытной и весьма влиятельной должности главного цензора всей издававшейся в империи литературы на еврейском языке.

Не знаю, искренне ли верил Достоевский мнимым разоблачениям Брафмана, но евреи в его статье — это «государство в государстве» тайная, темная, **вражеская** сила, с которой почти невозможно совладать.

«Мне иногда приходила в голову фантазия: ну что, если бы это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов – ну во что обратились бы у них русские и как бы они их третируют? Дали бы они сравняться с собой в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как дельвали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?»⁵ Такая вот фантазия в сослагатель-

¹ Ф. М. Достоевский. Еврейский вопрос. Москва, «Витязь», 2000, стр. 5.

² Там же.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 7; жирный шрифт издателя – С.Р.

ном наклонении, приличествующая не художнику, чья душа сострадала *униженным и оскорбленным*, а озлобленному и одержимому комплексами *человеку из подполья*.

Исследователи творчества великого писателя обычно скупы пишут о его публицистике, а статью «Еврейский вопрос» едва упоминают. Их желание быть заодно с гением, а не с его срамотой, более чем понятно.

Однако каждый вправе чтить классика по-своему. Если владелец издательства «Витязь» Виктор Корчагин решил ввести Ф. М. Достоевского в 21-й век переизданием «Еврейского вопроса», а не «Преступления и наказания», то вольному воля.

Но я перелистываю книжицу и... не верю глазам своим! На клетке (то бишь на обложке небесно-голубого цвета) написано «буйвол», а в клетке целый выводок ядовитых гадов и хищников, скалящих клыкастые пасти!

Не то что бы в этом зверинце вовсе не нашлось места для буйвола. Да ведь буйвол-то этот хоть и бодлив, но крохотного размера, просто фи-тюлька какая-то. В книжном пространстве его едва разглядишь. Зато оно кишит волками, шакалами, кобрами, скорпионами – какой только нечисти не натащил издатель в этот Ноев ковчег!

Под обложку с именем Достоевского упрятан, например, национал-патриот первого призыва В. В. Шульгин. Он столь неистово защищал самодержавие от либералов и демократов, что раздавил его в своих медвежьих объятиях – лично явившись к государю императору с требованием отречься от престола. А вину за возникший после отречения российский раздрай – вместо того чтобы посмотретья в зеркало — возложил на евреев⁶.

А вот и рык нашего современника С. Маклакова из города Златоуста. Он возвещает миру, что «Ленин и его сторонники были закоренелыми талмудистами»⁷, что «большинство ленинских работ было написано на иврите»⁸, что «все те беды и напасти, которым подвергся за 75 лет правления этой клики наш народ, все это так или иначе идет от еврейства. И то, что происходит сейчас: неприкрытый грабеж страны, неприкрытый грабеж народа – все идет также от них»⁹.

Златоустовскому Маклоевскому подвывает до зубов вооруженный столичный воитель в звании подполковника Юрий Макунин. С армейской прямоотой он докладывает, что «насильственное крещение Руси, спроектированное в иудаизированной (! – СР) Византии, предусматривало столь же насильственный демонтаж национальной религии праславян, т.е. экологически (! – СР) благородного язычества... Иными слова-

⁶ Там же, стр. 14-15.

⁷ Там же, стр. 27.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 28.

ми, иудейское право «наехало» на славянское право, как при землетрясении одна платформа наползает на другую»¹⁰.

Эстафету подполковника, явно метящего в генералы, подхватывает автор труда «Русский ответ на «Еврейский вопрос». Воинское или ученое звание этого «талмудиста» не сообщается, но огромная эрудиция выпирает из каждой строки. Скрывшись за двойным псевдонимом (кроме Ф.М. Достоевского он еще и *Доброслав*), автор пропускает через мясорубку племенной ненависти всю историю человечества, выискивая в ней тайную руку кагала или сионских мудрецов.

«Одни лишь жида честному труду земледельца противопоставили барышничество...»

«Для прирожденных паразитов-жидов, могущих процветать только на теле других народов...»

«Для кагала остается только одна возможность дальнейшего заговора – завоевать Рим, а затем его мечом Север и весь мир. Но как завоевать империю, сокрушившую Карфаген? Победить Рим можно было опять-таки только изнутри. Тогда-то сионскими мудрецами и было измышлено христианство, призванное разрушить родовую общность проповедью безродности и стиранием расовых различий. Успех заговора мог быть обеспечен, если только христианская пораженческая зараза будет воспринята теми, кого она обрекла на унижение – ненавистными жидом северными народами»¹¹.

«Иисуса ребенком изымают у родителей и до 30-летнего возраста где-то обучают... Кто обучает? Чему обучают? С какими целями? Только ли превращать воду в вино? Потом сами же и казнят как «врага народа», чтобы другие племена клюнули на такого живца. И клюнули... Коварный Давид опять ликовал над простодушным Голиафом. Жидом удалось невероятное... Иисус стал воистину спасителем жидов. Христианство призвано было сыграть роль жидовского «троянского коня» в стане солнечной северной расы»¹².

Кто же такой этот таинственный *Доброслав*? Достаточно заглянуть в публикации московской информационно-экспертной группы «Панорама», которая много лет отслеживает российских экстремистов, чтобы узнать, что это псевдоним Алексея Добровольского, в прошлом видного диссидента, судимого по нашумевшему делу Галанкова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой¹³. В отличие от своих поделников, Добровольский не устоял перед запугиваниями КГБ, вымолил пощаду ценой предательства товарищей... И вот уже много лет, ненавидя самого себя за обнаруженную перед всем светом пакостность мелкой

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 37-38.

¹² Там же, стр. 38-39.

¹³ А. Верховский, Е. Михайловская, В. Прибыловский. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М., ООО «Панорама», 1999, стр. 39.

душонки, он вымещает эту ненависть на евреях, не щадя и распятого две тысячи лет назад их собрата. Перед нами персонаж, словно бы сошедший со страниц одного из романов Достоевского!

Далеко же завело Федора Михайловича Достоевского *недобро*е прикосновение к еврейскому вопросу! И не говорите, что классик ничего, подобного видениям Доброслава, написать не мог; что он видел в христианстве, особенно в православной его версии, воплощение высших стремлений человеческого духа и не несет ответственности за богохульство потомков, кощунственно эксплуатирующих его имя. Все это так, да не совсем так. Ибо если бы Федор Михайлович не жидоедствовал *в свое* время самым вульгарным образом, то опусы нынешнего поборника чистоты «солнечной расы» вряд ли могли бы появиться под его именем.

Издатель этой замечательной в своем роде книги Виктор Корчагин – человек тоже небезызвестный. Во-первых, он академик. Не Российской, а всего лишь *Русской* академии – карликовой, братьями по разуму г-на Корчагина учрежденной, но официально зарегистрированной, так что все чин чинарем! Еще он председатель Русской партии России (РПР) – опять же небольшой, но вполне официальной организации. И еще г-н Корчагин – главный редактор газеты «Русские ведомости». Вот уж где выводят евреев на чистую воду, так в этой газете!

Академик Корчагин прославился в 95-м году, когда угодил под суд по 74-й статье Уголовного Кодекса РСФСР – за разжигание национальной вражды. Сам факт привлечения по практически мертвой статье говорит о том, что в своем деле Виктор Корчагин – мастер высшего класса, как и подобает академику. Еще ярче его квалификация подтверждается *обвинительным* приговором суда – чуть ли не первым после дела Смирнова-Осташвили, прогремевшего еще при советской власти. За антисемитский дебош, устроенный в Союзе писателей, Осташвили получил два года тюрьмы, а в канун досрочного освобождения его нашли то ли повешенным, то ли повесившимся.

С тех пор 74-я статья УК РСФСР (с 97-го года – статья 282 УК РФ) почти омертвела. Не привлекают по ней красно-коричневых патриотов, какие бы коленца те ни выдeldывали, как бы ни клялись с высоких трибун утянуть на тот свет всех «жидов». Прокуратура заводит дела на них отказывается; если под сверхсильным давлением не может не завести, то старается их прекратить, а когда не удастся и прекратить, то суды – за редчайшим исключением – оправдывают обвиняемых.

Прецедентом таких решений послужило дело питерского теоретика и практика языческого расизма Виктора Безверхого, бывшего преподавателя марксистской философии со степенью кандидата наук. Он собственной кровью писал клятвы непримиримо бороться с еврейством. В 1993 году был судим за издание и распространение «Майн Кампф» Адольфа Гитлера – и вчистую оправдан.

Но что такое кандидат наук по сравнению с академиком! Виктор Корчагин превзошел Виктора Безверхова по всем параметрам. Приговор, впрочем, ему вынесли, смехотворный – небольшой штраф и запрет заниматься издательской деятельностью на три года, что легко обойти, действуя под подставными именами. Но и от таких неприятностей Виктора Корчагина – как позднее генерала Альберта Макашова – избавила Государственная дума, объявившая амнистию. Академик тут же отпечатал книжищу размером с комод, которую так и назвал: «Суд над академиком». Уже в 2000 году прокуратура, несмотря на протесты, прекратила новое дело против академика Корчагина, возбужденное было по требованию Союза евреев – ветеранов войны, во главе с Е.Д. Гохбергом¹⁴.

Между тем подвиги академика впечатляют. Только в его издательстве «Витязь» выпущено больше двух дюжин «патриотических» книг, причем продаются они по бросовым ценам. Всю «Библиотечку русского патриота» можно купить за три сотни рублей (десять долларов). В числе прочих в нее входит книга статей из журнала «Русич» под названием «Еврейская оккупация России», «История религии» упомянутого Виктора Безверхова, творение Генри Форда «Международное еврейство»¹⁵, ну, само собой разумеется, «Записка о ритуальных убийствах» под именем В. И. Даля. Без этой жемчужины библиотечка русского академика-патриота выглядела бы неполной, ублюдошной.

Однако, по слову великого прорицателя, *нельзя объять необъятное*. Поэтому вернемся под небесно-голубую обложку с именем Ф.М. Достоевского.

Среди других творений мы найдем в ней значительную часть труда А. Мельского «У истоков великой ненависти». Эта работа, написанная в декабре 1942 года, не новинка в постсоветской России. Она была издана в Москве в 1994 году «при морально-техническом содействии православно-монархического аналитического центра «Альфа и Омега»¹⁶, как сказано в самой книжке. Там же сообщается, что автор был «идеологом власовской армии», то есть озвучивал нацистскую пропа-

¹⁴ Ефим Давидович Гохберг (1910-2000) – ветеран Второй мировой войны, полковник в отставке, один из наиболее активных и последовательных борцов с фашистскими тенденциями в политической и духовной жизни советской и постсоветской России. В шестидесятых и семидесятых годах он в числе очень немногих пытался противостоять нагнетанию ненависти, в особенности к евреям, что в те годы выражалось в так называемых разоблачениях сионизма. Рискуюя собственной свободой, Е. Д. Гохберг распространял самиздат, участвовал в оказании помощи политзаключенным. В последнее десятилетие Е. Д. Гохберг – несмотря на преклонный возраст – неустанно добивался привлечения к судебной ответственности по статье 74 (282) тех, кто совершает преступления ненависти. В частности, более четырех лет он добивался возбуждения судебных дел против Виктора Корчагина. Если, как правило, эти ходатайства не приводили к успеху, то в этом не вина Е. Д. Гохберга, а позор «правоохранителей», саботирующих закон.

¹⁵ Сам автомобильный магнат, встретив решительный отпор в демократической Америке, от книги этой отрекся, велел ее изъять и никогда, нигде и ни под каким видом не переиздавать. Но воля автора академику Корчагину не указ.

¹⁶ А. Мельский. У истоков великой ненависти. Очерки по еврейскому вопросу. М., 1994, оборот титула.

ганду для русскоязычного населения захваченных Гитлером территорий. Псевдоним предсудително не расшифровывается, но хорошо известно, что А. Мельский — это не кто иной как А. В. Мюллер-Закомельский, черносотенец, осевший после революции в Германии и ставший одним из главарей Русской нацистской партии.

«Высоко уже реет над освобожденной Европой победоносное знамя солдат Адольфа Гитлера, солдат Национальной Революции. Уже трепещет перед ней ненавистная власть еврейских поработителей», возвещал «патриот России»¹⁷ в «концептуальном», по характеристике издателей, труде, который должен «помочь читателю самостоятельно разобраться в этом сложном вопросе»¹⁸.

К этому, видимо, стремится и Виктор Корчагин, перепечатывая пространные рассуждения гитлеровца в книжке, приписываемой Ф. М. Достоевскому. Отсюда уже один шаг до самого фюрера Третьего Рейха, чье «Политическое завещание» ставит точку в этой изумительной книге. Перед тем, как принять яд, Адольф Алоизович пытался оправдать свои злодеяния: не он-де развязал всемирную войну, а она якобы «была желаемая и спровоцирована теми международными государственными деятелями, которые либо сами были еврейского происхождения, либо действовали в еврейских интересах... Пройдут столетия, но и тогда из руин наших городов и монументов возродится ненависть к тем, кого мы должны благодарить за все случившееся: международное еврейство и его пособников!»¹⁹ Умри, фюрер, лучше не скажешь!

Пророчество нациста номер один, получившее новую жизнь в книге под именем Ф. М. Достоевского, сбывается гораздо быстрее, чем сам он мог мечтать. *Великая ненависть* — не только к евреям, но ко всем, кто не желает шагать в ногу с нацистами, — расцветает сегодня в стране, которая сокрушила гитлеровскую орду пять с половиной десятилетий назад. Некоторые недоумевают — откуда явилась эта напасть?

Думаю, что эта книга хотя бы отчасти отвечает на этот вопрос.

Нацизм российского разлива — это не чертополох, выросший на пустыре по чьей-то небрежности или недогляду. Он уходит корнями в вековую традицию страха и ненависти ко всему непохожему, иностранному, иноверному, иноязычному. Свою лепту в формирование этой традиции внесли, к сожалению, и некоторые крупнейшие деятели русской культуры, в их числе Ф. М. Достоевский. В предреволюционные годы она вылилась в движение Черной сотни, «спасавшей Россию» от либеральных реформ кровавыми еврейскими погромами. Затем — в подретушированном виде — науку ненависти утилизировало большевистское руководство во главе с Лениным, Сталиным,

¹⁷ Там же, стр. 127-128.

¹⁸ Там же, задняя страница обложки.

¹⁹ Ф. М. Достоевский. Еврейский вопрос. Москва, «Витязь», 2000, стр. 91.

Брежневым. Нынешние национал-патриоты – пигмеи по сравнению с их предшественниками. Но они стоят на плечах гигантов.

Итак, дорогой читатель, если тебе попадется книга, на обложке которой ты прочтешь небесно-голубое имя Ф. М. Достоевского, а внутри обнаружишь свору оскаливших клыкастые пасти тварей в красно-коричневую полосу, то не удивляйся и ВЕРЬ глазам своим: перед тобой – един во многих лицах – Гитлер Доброславович Достомельский.

Новое начало

(вместо заключения)

Книга окончена, набрана, сверстана. Корректурa, совершившая многократное путешествие в киберпространстве, многократно же вычитана. Я настолько замучил поправками, дополнениями и примечаниями к дополнениям милейшего Андрея Яшина, выполняющего вместе со своим компьютером функции художественного оформителя и верстальщика этой книги, что я кожей ощущаю, как он скрежещет зубами на другой стороне шарика. Казалось бы, пора остановиться, поставить последнюю точку. Но вести из России снова и снова превращают ее в многоточие. И вот, в последние минуты я пишу заключение, которое скорее служит началом нового разговора.

Передо мной компьютерная распечатка статьи из новогоднего номера газеты «Завтра» под выразительным названием «Детоубийцы» (№ 1 (370), 2.1.2001). Автор, Николай фон Крейтор, затрагивает очень болезненную тему – детскую порнографию и проституцию, которые расцвели в последние годы в глобальном масштабе благодаря преступному использованию Интернета и другой передовой технологии. Отправной точкой для автора послужили сообщения о том, что «российским и итальянским Интерполом найдена и арестована международная преступная организация, во главе которой оказались три гражданина России. Синдикат занимался производством и распространением через Интернет различной порнопродукции с использованием детей. Следствие установило, что преступники похищали детей в России и странах Средиземноморья, в основном охотились за воспитанниками детских домов. Насилие над малолетними жертвами включало пытки и заканчивалось мучительной смертью маленьких узников».

Невозможно не разделить боли и возмущения автора, у которого «нет слов, чтобы выразить чувство ненависти ко всем, кто причастен к этому, всем – продавцам, покупателям, насильникам и убийцам детей». Настораживает то, что чувств автора не может выразить «ни милиция, ни судебные инстанции, ни каторга – только огнемет», – ведь давно известно, что самосуд не пресекает преступлений, а множит их. Но чего не выскажешь сгоряча, когда тебе больно!

Николай фон Крейтор готов не только испепелить «проклятое ельцинское время», но и опалить президента Путина, который занят «строительством морских резиденций и золоченых покоев» вместо того, чтобы спасти «миллионы беспризорных детей».

Но тут же выясняется, что авторское негодование – деланное, а наскоки на Путина за то, что ему якобы недостает «русского начала»,

– всего лишь легкая дымовая завеса. На жертвы воротил порнобизнеса автору статьи на самом-то деле наплевать. Смахнув крокодилову слезу, он откровенно издевается над ними: «Вот вам, девушки, и конкурсы красоты, и «шикарный досуг», и свобода, и братство, и равенство всех народов». Фон Крейтору не дает покоя вовсе не то, что «исчезают целые поколения русских людей, *дети*», а то, что, по его представлениям, «каждый еврейский ребенок сыт, живет в прекрасных условиях, получает прекрасное образование и регулярно совершает познавательные и развлекательные поездки на «историческую родину» (курсив автора статьи, – *СР*). Если это действительно так, то ему бы порадоваться, что хоть какой-то части детей хорошо. Но нет, мысль о благополучии еврейских детей заставляет Николая фон Крейтора хвататься за огнемёт, как когда-то Герман фон Геринг хватался за пистолет при слове «демократия». (Пистолет по нынешним временам стал архаичным оружием, огнемёт куда эффективнее!)

Под злобствующим пером юдофоба мировым центром порноторговли становится Израиль. В полном соответствии с законами жанра, «к большим мастерам этого бизнеса» причисляются и «определенные средиземноморские, кавказские и среднеазиатские товарищи», но они лишь пособники Тель-Авива. «В Израиле торговля нееврейскими женщинами вообще не считается преступлением, так же как отмывание денег, похищенных или незаконно полученных у нееврейских организаций... Белое рабство санкционировано и еврейской религией», чеканит шаг последыш ксендза Пранайтиса.

Как, в самом деле, не предать мечам и пожарам ненавистное племя, если неаполитанская полиция сообщила о раскрытии «интернациональной преступной сети по детской порнографии», в связи с чем «арестованы 8 итальянцев и 3 русских». И не говорите Николаю фон Крейтору, что «делают это всего лишь несколько «плохих» евреев, и что евреи не несут ответственности за это ужасное изуверство. Если они покрывают «своих», замалчивают их преступления – они разделяют и ответственность за эти преступления». И только сквозь зубы почти между строк выдавливают из себя фон Крейтор, что все трое арестованных россиян носят чисто русские фамилии — «вроде Иванова», а их фотографий «никто не видел» (были бы опубликованы фотографии, он тот час опознал бы в каждом Иванове Бронштейна!)

...Посвятив десятки лет изучению антисемитских источников, я должен сказать, что во всей мировой литературе не встречал столь беспардонного, злобного, подстрекательского поклепа. Фон Крейтор не только усвоил уроки своих предшественников, но и двинул их дело вперед. Уверенной рукой он набрасывает контуры всемирного заговора чуть ли не всех правительств, разведок и средств информации, стремящихся прикрыть еврейских порно-

дельцов, дабы окончательно сгубить беззащитную Русь.

«Если и может быть на планете какая-то группа людей, которая имеет законные основания для ненависти к евреям, то это должны быть русские», — продолжает жечь глаголом сердца своих читателей новоявленный национал-патриот с фамилией никак не «вроде Иванова». Что же касается «сегодняшних евреев», то они «не имеют нужды поднимать визг по поводу «кровавого навета», когда их захватывают за совершением таких ужасающих зверств, поскольку они в состоянии подавлять эту информацию».

Если оставить в стороне похабно-прохановский стиль, то я согласен с автором «Детубийц»: у евреев сегодня не больше причин «поднимать визг» по поводу таких провокационных публикаций, чем у русских.

Я говорю о тех русских, кому действительно дороги судьбы России. Ибо кровавый навет и все остальные аспекты «науки ненависти» к евреям, кавказцам, Америке, Западу, свободе, демократии растлевают россиян куда сильнее, чем порнография, ведя их, по слову Владимира Соловьева, к нравственному одичанию, которое может ввергнуть страну в такие беды, от которых она снова будет оправляться десятилетиями.

И пусть они не успокаивают себя тем, что свои фон Крейторы (или, допустим, Дэвиды Дюки) имеются повсюду. В Германии, Италии и ряде других стран Европы их деятельность запрещена законом, и тех, кто нарушает закон, держат за решеткой. В Соединенных Штатах, где Первая поправка к Конституции трактуется слишком широко, уголовное преследование растлителей ненавистью почти невозможно; но общество выработало иные эффективные механизмы их обуздания. Они обречены на жалкое существование в замкнутых группах, варящихся в собственном параноидальном соку.

Не то в России, где жидоедствующие генералы заседают в парламенте, а их единомышленники в погонах и без погон руководят губерниями и министерствами, возглавляют академические институты и творческие союзы, занимают ведущее положение в церкви и крупных политических партиях, награждаются орденами и престижными премиями, блокируют не удобные им статьи Уголовного кодекса.

Замечательная русская интеллигенция притерпелась к этому смраду и по большей части не реагирует на него. В этом, на мой взгляд, таится главная опасность для России. Ибо пока в ней не встречаются самого решительного отпора такие статьи, как «Детубийцы» Николая фон Крейтора, мечта русской интеллигенции, высказанная почти двести лет назад П. И. Чаадаевым, о том, чтобы Россия присоединилась к цивилизованному человечеству, будет оставаться только красивой мечтой.

Об авторе

Семен Ефимович Резник, начал активно печататься с 1960 года, будучи студентом Московского инженерно-строительного института. С 1962 по 1973 год работал редактором серии «Жизнь замечательных людей». Первая книга Семена Резника, биография академика Николая Ивановича Вавилова, вышла в серии ЖЗЛ в 1968 году, но была признана идеологически вредной; в течение года тираж ее находился под «арестом». Только вмешательство ведущих ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. После ухода из серии ЖЗЛ в связи с тем, что издание стало приобретать все более националистический и антисемитский уклон, Семен Резник полностью перешел на творческую работу. Написанные им биографии Ильи Мечникова, Владимира Ковалевского, Гавриила Зайцева, Владимира Парина, книги о предтечах и творцах эволюционной биологии создали ему прочную репутацию мастера научно-художественной литературы.

С середины 70-х годов, в связи с ростом антисемитских настроений в стране и аналогичных тенденций в литературе, Семен Резник занялся изучением истории российского антисемитизма. Он написал ряд публицистических статей, но ни одна строчка из них не была напечатана в официальной советской печати. Та же участь постигла два его исторических романа, «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель», после чего писатель решил эмигрировать.

После короткой, но острой борьбы за право на выезд из страны – последним аккордом ее было объявление голодовки – Семен Резник в 1982 году покинул СССР. Он стал сотрудничать на радио «Свобода», в русскоязычной, а позднее и в англоязычной прессе Соединенных Штатов, Израиля, Германии. Его произведения издавались также в переводах на венгерский язык. В 1983 году Семен Резник был участником Сахаровских слушаний в Лиссабоне, а затем, по предложению оргкомитета, составил и отредактировал книгу «Сахаровские Слушания» (Лондон, 1985).

В 1985 году С. Резник стал штатным сотрудником радиостанции «Голос Америки», позднее в том же году стал редактором журнала «Америка», а после его закрытия в 1994 году снова стал работать на «Голосе Америке». Кроме книг, написанных еще до эмиграции, Семен Резник опубликовал в Соединенных Штатах два историко-публицистических труда, которые привлекли к себе большое внимание: «Красное и коричневое» (1991 год) и «Нацификация России» (1996, на английском языке). Из всех этих произведений в России был издан только истори-

ческий роман «Кровавая карусель» (изд-во ПИК, Москва, 1991). Подготовленный к печати роман «Хаим-да-Марья» не смог выйти в свет из-за финансовых затруднений издательства.

До эмиграции Семен Резник был членом Союза писателей и Союза журналистов, но был исключен из обоих союзов. В 1997 году восстановлен в Союзе писателей Москвы как правопреемнике Московского отделения Союза писателей.

В произведениях Семена Резника историческая достоверность сочетается с художественной выразительностью и острой публицистичностью.

Указатель имен

■

Абарбарчук С., 162
Авдонин Александр, 112
Аверин Николай, 107, 108
Авраам, 59
Автоном архимандрит, 151-152
Адамович (девочка, убитая в Гродно в 1816 году), 45
Азеф, Евно 10, 148
Аксюциц Виктор, 114
Александр I император, 44, 45
Александр II император, 53, 68, 129, 133
Александр Македонский, 61
Александров Александр Васильевич, композитор, 5
Алексей Романов, царевич, 113
Алексий II Редигер (Дроздов), 81, 82, 115, 116
Аллилуева Светлана Иосифовна, 17
Альбрехт, император Священной Римской империи, 36
Амар Ибрагим, 49
Амвросий, архимандрит, 151
Аназерский, 161
Анастасия Романова, царевна, 113
Андреев Леонид, 16
Андропов Юрий Владимирович, 5, 17
Апион, 31
Аранс Давид, 162
Арафат Яссир, 5
Афанасьев Александр Николаевич, 84
Ахмадулина Белла, 9
Аши, рабб, 61

■

Багров Дмитрий, 148
Бакланов Григорий Яковлевич, 5
Бартенев Петр Иванович, 85
Бартошек Карел, 18
Барщевский, 124, 125, 127, 128
Безансон Алан, 10
Безверхий Виктор, 171-172

Бейлис Мендель, *11, 15-16, 21, 25-26, 28, 65, 71-74, 77-82, 84, 86, 87, 92, 97, 122, 128-136, 140-144, 147-151, 153-154, 156-157, 159-163*
 Белецкий Степан Петрович, *151, 159*
 Белинский Виссарион Григорьевич, *83*
 Белобородов Александр Григорьевич, *96, 98, 104*
 Бенуа Александр Николаевич, *134*
 Бехтерев Владимир Михайлович, *74, 154-155*
 Блок Александр Александрович, *16, 134*
 Богров Дмитрий, *133*
 Бодуэн-де-Куртенэ Иван Александрович, *16*
 Болеросов Михаил, *161*
 Болдырев Федор Алексеевич, *81, 151, 156-158*
 Боняк, половецкий хан, *33*
 Борисов Александр, священник, *13*
 Боткин Евгений Сергеевич, лейб-медик, *113*
 Бразуль Ирина Дмитриевна, *161*
 Бразуль-Брушковский Степан Иванович, *136-137, 139-141, 144, 146-147, 161*
 Брафман Яков, *56-57, 168*
 Брежнев Леонид Ильич, *17, 174*
 Брюллов Карл Павлович, *84*
 Буденный Семен Михайлович, *18*
 Бунин Иван Алексеевич, *18*
 Бухарин Николай Иванович, *14*
 Бушин Владимир, *5*

Василий III, Великий князь Московский, *39*
 Валтасар царь Вавилонский, *101, 104*
 Вернадский Владимир Иванович, *16, 134*
 Верховский Александр, *114, 117, 170*
 Верт Николая, *18*
 Веспасиан, Римский император, *36*
 Винниченко Владимир Кириллович, *162*
 Виппер О.Ю., *87, 148, 150, 158, 161*
 Владимир, Великой князь Киевский, *32, 61*
 Владимир Маноман, Великий князь Киевский, *35*
 Власов Юрий, *11, 118*
 Волгин И., *19*
 Вольская Т., *118*
 Выгранов А.Д., *132, 140-141, 143-144*
 Высоцкий Владимир, *7*

■

Галансков Юрий, *19, 170*
Галич Александр, *7*
Гапон Григорий, *148*
Гаршин Всеволод Михайлович, *84*
Ге Николай Николаевич, *84*
Геббельс Йозеф, *76*
Гейне Генрих, *101-102, 104*
Геннадий архиепископ Новгородский, *39*
Георг-Людвиг он же Георг I, король Англии, *63*
Герасимов Дмитрий, *108, 111*
Геринг Герман, *177*
Герцен Александр Иванович, *83*
Гете Вольфганг, *59*
Гинзбург Александр, *19, 170*
Гинцбург барон, *51*
Гиппиус Зинаида Николаевна, *16, 134*
Гитлер Адольф, *12, 18, 21, 28, 71, 75, 76, 171, 173-174*
Глаголев Александр, *81*
Гоголь Николай Васильевич, *59*
Голощекин Филипп Исаевич, *97-99, 104*
Голубев Владимир Степанович, *126, 128-129, 137, 143, 159*
Гольдберг В., *108, 111*
Гольдин Леонид, *109-111*
Гор Алберт (Gore, Albert), *21*
Горький Максим (Пешков, Алексей Максимович), *16, 134*
Гохберг Ефим Давидович, *172*
Григорович-Барский Д. Н., *153-154, 161*
Гросман Леонид Петрович, *19-21*
Грузенберг Оскар Осипович, *81, 122, 149, 152, 154, 157-158, 161*
Гуревич С., *19*

■

Даль Владимир Иванович (Казак Луганский), *11, 23-24, 27, 82-91, 107, 172*
Даниил, библейский пророк, *101*
Дашевский Пинхус, *69*
Демидова Анна Степановна, *113*
Демьян Бедный (Придворов, Ефим Александрович), *161*
Державин Гавриил Романович, *41-45*
Дидковский *99*
Дитерихс Михаил Константинович, генерал, *92-102*

Добровольский Алексей (Доброслав), 18-19, 170-171
 Доброслав (См. Добровольский, Алексей)
 Достоевский Федор Михайлович, 19-21, 30, 57, 59-60, 66, 71, 74,
 167-174
 Дрейфус Альфред, 16
 Дроздов см. Алексей II Редигер (Дроздов), 82
 Дубровин Александр Иванович, 150
 Дьяконов Иван, 138
 Дьяконова Екатерина, 138, 142, 146
 Дьяконова Ксения, 138, 142, 146
 Дюк Дэвид, 21-22, 177
 Дюринг Евгений, 75

Евстратий, 32-35, 79, 105
 Екатерина II, 39-40
 Елизавета Петровна, 39
 Елисеев Артур, 116
 Ельцин Борис Николаевич, 112, 114, 116, 118
 Ермаков Петр Захарович, 105

Зайцев Иона Маркович, 130-132, 137, 156
 Замысловский Георгий Георгиевич, 77, 129, 148-150, 159
 Зарудный А. С., 153-154, 156, 161
 Зелинский Николай Дмитриевич, 16
 Зорич С.Г., 41, 42
 Зюганов Геннадий Андреевич, 12, 117

Иван IV (Грозный), 39, 61
 Иванов Вячеслав Иванович, 16
 Иванов П. А., 137, 147-149
 Ильф Илья (Файнзильберг, Илья Арнольдович), 39
 Иоанн (Снычев) Петербургский и Ладужский, митрополит, 13, 71
 Иоанн Златоуст (Хризостом), 32
 Иосиф Флавий, 31
 Исаак, библейский патриарх, 59
 Иустин 31

- Каганович Лазарь Моисеевич, 5
Кадьян, 154-155
Казак Луганский, см. Даль Владимир Иванович (Казак Луганский)
Калмыкова Александра Михайловна, 16
Караев Амзор Эльмунзаевич, 144-150
Карабчевский Николай Петрович, 153-154, 161
Каро Иосиф, раввин, 64
Карпинский, судебно-медицинский эксперт, 127, 129, 155
Карякин Юрий, 19
Клинтон Уильям (Clinton, William), 11, 118
Ковалевский Максим Максимович, 134
Ковнер Г.А., 19
Кожин Вадим Валерианович, 69, 71
Козур Валерий, 23
Коковцов Павел Константинович, 155
Колбасьев, 124
Колчак Александр Васильевич, адмирал, 93-95
Кондратенко Николай, 6, 7
Константин, римский император, 32
Копелев Лев Зиновьевич, 5
Короленко Владимир Галактионович, 16, 27, 31, 69, 122, 134, 136, 154, 158, 161
Корчагин Виктор, 19, 171-173
Косоротов Д.П., 151, 154
Костомаров Николай Иванович, 32, 53, 58
Красовский Николай Алексеевич, 136-138, 140-142, 144, 146-147
Крейтор Николай фон, 175-178
Крестовский Всеволод Владимирович, 66-67
Крочик Геннадий, 23
Крушеван Павел (Повалакий) Александрович, 68-71, 74, 109, 119
Крыленко Николай Васильевич, 161
Кулябко Николай Николаевич, 92, 126, 129, 132, 133
Кураев Андрей, дьякон, 12-14
Курганов Ефим, 75
Курицин Федор, 39
Куропаткин Александр Николаевич, 160
Куртуа Стефан, 18
Кушнер Борис Абрамович, 28, 32

Лавров, 118
 Лакер Уолтер, 7, 9, 17, 19
 Ланин Петр, 78-82, 92, 100
 Латышев Иван (Ванька Ръжий), 142, 146-147, 149
 Лахер Рудольф, 102
 Лашкова, 170
 Левиков Александр Ильич, 27
 Лёв, пражский раввин, 37, 38
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич, 7, 25, 99, 101, 169, 173
 Либкнехт Карл, 100
 Лихачев Дмитрий Сергеевич, 5, 11, 116, 118
 Лобанов Михаил, 15
 Лукашенко Александр, 14
 Люксенбург Роза, 100, 127
 Лядов Александр Васильевич, 128-129, 159

Мазе, раввин, 155
 Макашов Альберт, 6, 172
 Маклаков Василий Алексеевич, 150, 153, 161
 Маклаков Николай Алексеевич, 150, 159
 Маклаков С., 169
 Максимова Элла, 113-114
 Макунин Юрий, 169
 Маламуд Бернард, 163
 Малиновский Роман, 148
 Малицкая Зинаида Ивановна, 142
 Мандельштам Осип Эмильевич, 7
 Марголен Жан-Луи, 18
 Марголин Арнольд, 140-141, 154, 162
 Мария Романова, царевна, 113
 Марков Николай Евгеньевич (Второй), 150
 Махалин Сергей, 144-150, 161
 Машкевич Н.А., 138
 Медведев (Кудрин) Павел, 105
 Мельский (А. В. Мюллер-Закомельский), 172-173
 Мень Александр, 13, 77-80, 82-83
 Меньшиков Михаил Осипович, 74
 Мережковский Дмитрий Сергеевич, 16, 134
 Мечников Илья Ильич, 25
 Минц Исаак Израилевич, 18

Милюков Павел Николаевич, 16, 134
Минутко Игорь, 12
Мирбах Вильгельм, граф, 100
Миронов Борис, 21
Мифле Евгений, 139
Мифле Поль, 138-140, 143
Михайлов Александр Николаевич, 7
Михайлов М., 101
Михаловская Екатерина, 114, 170
Михнович, 93
Мищук Е.Ф., 127, 132, 137
Моисей-бен-Маймон (Маймонид), 61
Мордвинов Николай Семенович, граф, адмирал, 48, 53, 85
Михайлов Олег Николаевич, 44
Мэйзлес Альберт (Maysles, Albert), 163

Н

Набоков Владимир Дмитриевич, 16, 122
Навуходоносор, царь Вавилонский 101
Наметкин, 93-94
Наполеон Бонапарт, 61
Нежинская Наталья, 123-124, 127
Немирович-Данченко Владимир Иванович, 134
Немцов Борис, 114-115
Неофит 56-57, 62, 105, 106
Никитин Трофим, 45
Николай I, 11, 48, 49, 51, 58-59, 85, 86, 114
Николай II, 10, 104, 112-113, 116-117, 153
Николюкин А.Н., 75
Новожилов, 155
Нокс, генерал, 93
Ноткин Нота Хаимович, 42-44

О

Оболенский Н.А., 130
Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич, 16
Окуджава Булат Шалвович, 5, 9
Оскоцкий Валентин Дмитриевич, 22
Остроглазов В.М., 85

П

- Павел I, 41
 Павлов лейб-хирург, 154
 Павлович Николай Андреевич, 126
 Павловский, 118
 Пагануцци П. Н., 104
 Панин граф, 48
 Панне Жан-Луи, 18
 Пастернак Борис Леонидович, 7
 Пачковский Анджей, 18
 Переферкович Н.А., 65
 Петров (Катаев) Евгений Петрович, 39
 Перовский Лев Александрович, граф, 49, 86
 Петлюра Симон, 162
 Петражицкий Лев Иосифович, 16
 Петр I, 39
 Петров, 138
 Петушка Эдуард, 30, 38
 Пикульский, 50, 62, 63, 106
 Пирогов, Николай Иванович, 84
 Платонов Олег Александрович, 9, 12, 32-34, 51, 56, 66-67, 69, 71, 77, 91, 111, 117, 119
 Плутарх, 31
 Полежаев Александр Иванович, 84
 Полищук Адам, 141, 143-144
 Порудоминский Владимир Ильич, 83-84
 Потемкин Григорий, светлейший князь 41
 Потресов Александр Николаевич, 16
 Пранайтис Иустин, ксендз, 77, 80-81, 87, 92, 152-153, 155, 160, 177
 Прибыловский Владимир, 114, 170
 Приходько (Ющинская), Александра, 12, 124, 127, 137, 139, 150
 Приходько Лука, 123-124, 127-128, 137, 139
 Проханов Александр, 5, 11, 118-119, 177
 Пуришкевич Владимир Митрофанович, 71, 150
 Путин Владимир Владимирович, 5, 176

Р

- Равич Адель, 142
 Разгон Лев Эммануилович, 9
 Райкин Константин Аркадьевич, 5
 Распутин Валентин, 7
 Рачковский Петр Иванович, 12

Резник Дмитрий Семенович, 28
Розанов Василий Васильевич, 11, 13, 27, 71-75, 77, 82, 87, 110, 119
Ролинг 63-65
Рубинштейн Николай или Антон, 97
Рудзинский Борис, 142, 146-147, 149, 159
Рыбаченко Михаил, 26, 68-69
Рюмин М., 17
Рябов Гелий, 112

Сазонов С.Д., 153
Саладин 61
Самохвалов, 129
Самюэл Морис, 122, 161, 163
Сафаров 99
Сахаров Андрей Дмитриевич, 9
Сальвиан, 31
Свердлов Яков Михайлович, 96-97, 99-101
Свинцов Виталий, 77, 87
Семевский Василий Иванович, 16
Серафинович, 50, 56, 62, 63
Сергеев Иван Сергеевич, 93-96, 101
Сикорский И. А., 151, 159, 161
Сингаевский Петр (Плис), 138, 142, 145-147, 149-150, 159, 161
Синкевич Федор, священник, 126, 143
Сироткин Владлен, 69
Скатов Н. Н., 73, 118
Скрипицын В.В., 11, 32, 35-36, 38, 45, 49-51, 56, 61-62, 85-87, 89, 108
Смирнов-Осмташвили Константин, 171
Сныгчев, см. Иоанн (Сныгчев) Петербургский и Ладужский, митрополит
Собчак Анатолий, 5
Соколов Николай Алексеевич, 92, 95-96, 98-99, 101
Солженицин Александр Исаевич, 5
Соловьев В.Н., 90, 99, 113-115, 117
Соловьев Владимир Сергеевич, 9, 70, 134, 177
Солоуб Федор Кузьмич, 16
Схария, 39
Сорокин Валентин, 7
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович, 5, 6, 17, 173
Старынкевич М., 93, 94, 98
Столыпин Александр Аркадьевич, 74
Столыпин Петр Аркадьевич, 74, 92, 133
Струве Петр, 16, 134
Сыромолотов, 99

Т

Тагер Александр, *25, 26, 122, 129, 130, 148, 160, 162*
 Тацит, *31*
 Твардовский Александр Трифонович, *47*
 Тласс Мустафа, *49*
 Троицкий Иван *79, 81, 155*
 Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович, *14, 97*
 Трупп А.Е., *113*
 Туган-Бароновский Михаил Иванович, *16, 134*
 Туфанов Н. Н., *130*
 Тухачевский Михаил Николаевич, *14*

У

Уилтон Робер (Wilton Robert), *94, 101*

Ф

Фатеев В.А., *73*
 Фаминцын Андрей Сергеевич, *16*
 Фененко В.И., *132, 137-138*
 Фетисов, *145-146*
 Фома католический священник-миссионер, *49*
 Феодосий (Печерчский), *32*
 Филипп IV Красивый, король, *36*
 Флоренский Павел Александрович, *13, 27, 75, 110*
 Форд Генри, *172*

Х

Хавинсон, *18*
 Хазанов Геннадий, *5*
 Хамуд Адель, *49*
 Харитонов И.М., *113*
 Хвольсон Даниил Авраамович, *27, 37, 52-67, 71, 85, 87, 119*
 Хвольсон Орест Даниилович, *52*
 Хейфец Михаил, *99*

Ц

Цеткин Клара, *13*

■

Чаадаев Петр Яковлевич, 178
Чаплинский Георгий Гаврилович, 127-130, 132, 158-160
Чарторижский Владислав, 41
Чеберяк Валентина, 143
Чеберяк Василий, 138-139
Чеберяк Вера Владимировна (Верка-чиновница), 138-143, 145, 147, 149-150, 156, 159, 161-162
Чеберяк Евгений, 141-144
Чемберлен Хьюстон Стюарт, 75
Черномырдин Виктор Степанович, 115
Чернышевский Николай Гаврилович, 83
Чикин Валентин, 5
Чирков Феодосий, 123
Чирков Василий, 123
Чуцкаев, 99

■

Шапиро Григорий Натанович, 163
Шафаревич Игорь Ростиславович, 9, 10, 105, 106, 108
Шаховская Ульяна, 132
Шаховской Казимир Семенович, 132
Швачко, 146-147, 149
Шершевский И.И., 57
Шмаков Алексей Семенович, 64-66, 71, 77, 80, 84, 150, 152, 154, 161
Шнеерсон (Любимочевский ребе), 108
Шошкес Хаим, 161
Штеккер Адольф, 75
Шульгин Виталий Васильевич, 18, 169

■

Щегловитов Иван Григорьевич, 128, 130, 150, 158-159

■

Эйзенменгер, 63-64, 81
Эккер, 65

Ювеналий митрополит, *115*
Юровский Яков Михайлович, *97-98, 104-105, 112*
Юстиниан римский император, *6*
Юстус (Бриман, Арон), *64-65*
Ющинская Александр, см. Приходько (Ющинская) Александра
Ющинский Андрей, *15, 26, 28, 72-74, 77, 92, 106, 123-127, 129-134, 136-137, 139-147, 149-150, 153-154, 156-157, 162*

Яковлев Александр Николаевич, *5-6, 9, 17*
Яковлев (Мячин) Василий Васильевич, *100*
Якунин Глеб, *82*
Яровой Юрий, *114*
Ярошенко, *84*
Яшин Андрей, *175*

Оглавление

К рапленный козырь кровавого навета (О книге Семена Резника и вокруг нее).....	5
О автора.....	23
К ровавый навет в России.....	29
У бийство Ющинского и дело Бейлиса (Документальная повесть).....	121
Г итлер Доброславович Достомельский.....	165
Н овое начало (вместо заключения).....	175
О авторе.....	178
К азатель имен.....	180

Книги издательства ДААТ/Знание:

ВЫШЛИ В СВЕТ:

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ. История, этнография, культура. 1999г. 464 стр.

ЛИТЕРАТУРА АГАДЫ. (Библиотека еврейской классики). 1999г. 384 стр.

Дж.Грин. **ХОЛОКОСТ.** Роман (пер.с англ.). 2000г. 446 стр.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ. Сборник стихов А.Юдиной
(Литературно-художественное издание).

Дж. Шрёдер. **ШЕСТЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ И БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ.**
(пер. с англ.). 2000 г. 160 стр.

М. Хейфец. **СУД НАД ИИСУСОМ.**
ЕВРЕЙСКИЕ ВЕРСИИ И ГИПОТЕЗЫ. 2000 г. 114 стр.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Р.Булка. **ПОУЧЕНИЯ ОTCОВ.** Современный комментарий.(пер.с англ.).

ИУДАИЗМ КАК РАЗВИВАЮЩАЯСЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.
Избранные работы Мордехая Каплана. (пер. с англ.).

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ. (сост.В.Дымшиц).

Э.Факенгейм. **ЧТО ТАКОЕ ИУДАИЗМ?** (пер. с англ.).

Семен Резник

РАСТЛЕНИЕ НЕНАВИСТЬЮ

Кровавый навет в Росиии
(Историко-документальные очерки
о прошлом и настоящем)

**Издательство ДААТ/Знание
при содействии Московской типографии №2 Госкомпечати РФ**

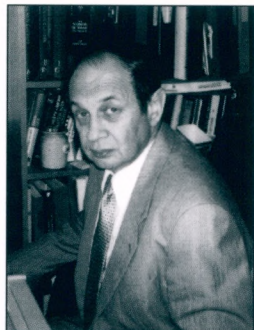
Лицензия № 010334 от 18.06.99

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура GaramondC. Тираж 2 тыс. экз

Заказ № 98

Отпечатано в ООО
типографии «ПОЛИМАГ»
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107

Семен Резник – русский писатель, живущий в Соединенных Штатах. До эмиграции он десять лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей». В 1982 году он был исключен из Союза писателей СССР, лишен советского гражданства и выехал из страны. Материалы о кровавом навете, его жертвах и распространителях Семен Резник изучает более 25 лет. Они легли в основу его исторического романа «Хаим-да-Марья» и документальной повести «Убийство Ющинского и дело Бейлиса», нашли отражение в его историческом романе «Кровавая карусель», в документально-публицистических книгах «Красное и коричневое» и «Нацификация России» (на англ. яз.), во многих статьях и очерках, публиковавшихся в периодических изданиях.

Словосочетание «кровавый навет» обычно вызывает представление о давно изжитых средневековых предрассудках. К сожалению, оно не совсем верное, мифы о кровавом навете живы сегодня, они гнездятся не только в темном обывательском сознании, но активно культивируются идеологами с научными степенями и академическими званиями, претендующими на роль духовных лидеров общества. Автор показывает, что кровавый навет – это орудие политической борьбы, широко используемое красно-коричневыми «патриотами» в борьбе за власть. Предлагаемые очерки – итог многолетней работы автора над темой кровавого навета. Строгая научная обработка материала сочетается с живостью повествования, драматизмом коллизий, запоминающимися характеристиками персонажей.